

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ДЕМЧЕНКО

ДОКРИЧАТЬСЯ
ДО МИРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Оксана Б. Демченко
Докричатся до мира
Серия «Мир Релата», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=245832
Докричатся до мира: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-9922-0496-4

Аннотация

Они готовы на все ради обретения свободы, и горе тем, кто попытается им помешать. Ведь когти могучих и опасных волвеков, наделенных разумом, остры, реакция безупречна, а их вожак прекрасно знает, куда вести свою стаю...

Им не хватало совсем немногого, чтобы осознать себя и свое место в мире, понять, ради чего стоит жить, а ради чего умирать. Но нашлась та единственная, которая за их устрашающей внешностью разглядела преданные и открытые души. Теперь они смогут докричатся до мира, обретут долгожданную свободу...

Оксана Демченко

Докричатся до мира

*Ночь со 2 на 3 марта по календарю Релата, планета
Хьёртт, Скальное плато
Йялл*

Людям эта картина показалаcь бы серой. Их глазам нечего и пытаться различить столь тонкие оттенки. Подлинная красота пустыни – вне тесных границ части спектра, привычно именуемой «видимой». Впрочем, люди пока не выбирались так далеко от своего Релата, мира, расположенного ближе к солнышку, и куда более уютного. Но любой волвек, однажды попавший на поверхность, никогда уже не забудет совершенства родной пустыни.

Ее каменная древняя шкура хранит тень глубинного тепла, и потому кажется им живой. Она дышит, через трещины пополняя слабенькую атмосферу. Пыльный запах Хьёртта дик и необычен. Его с трудом удаляют из герметичных помещений Гнезда многоэтапные системы фильтрации.

Пустыня имеет свой характер, и весьма сложный. Может ласково гладить лохматыми лучами по шкуре, а может и выпустить когти злой песчаной бури, швыряя на скалы могучими лапами ветра острые камни, рвущие кожу.

И красота этого мира, доступная зрению волвека, тоже ди-

кая. Четыре луны, как разноцветные глаза неба, сияют над ним и дарят пустыне свои оттенки. Именно они наполняют игрой ровный – ведь тут почти нет облаков – и какой-то пресный свет довольно далекого солнца, питая его жизнью. Ночью можно иногда, очень редко, видеть все четыре спутника разом, и любоваться кружащим голову хороводом ускользающих бликов. Тогда скалы шевелятся, каждый миг меняя узор теней, а накопленное за день тепло дополняет картину мягкой подсветкой. Кажется, что пустыня потягивается и стряхивает со шкуры пыль, сияя своим истинным, ярким цветом.

Две спутницы Хьёртта не дружат с солнышком, их почти невозможно приметить в дневном небе. Маскируются, скользят над скальным плато призрачными силуэтами по низким орбитам. Зато дежурят над ним каждую ночь, отмеряя время. Особенно упряма вторая, бледно-зеленая, гибнущая в последний день каждого местного месяца, чтобы тонким изломанным серпиком родиться следующей ночью, побеждая саму смерть и начать расти. Собственно, по ней и ведется счет.

Две иные хоть и торопливы, зато не так капризны. Они появляются и днем, бледные, но отчетливо различимые в своих привычных тонах. Светят и ночами, стремительно пересекая небосвод.

Пустыня красива.

И смотреть на нее радостно, потому что ее бескрайность

под огромным небом очень похожа на свободу, которой у волвеков нет. Это понимают все, но большее и полнее прочих – вожаки. Те, кто принимает боль и ответственность за всю стаю. Он как раз из числа вожаков, третий в иерархии. Или просто – Третий. Имен в стае нет, да и откуда им взяться, если Вечные запрещают речь? И как вожак, уже взрослый и опытный, он отчетливо знает, что свобода наверху – лишь призрак. Обман, навеянный радостью бега и отсутствием плотного контроля. Но все равно Третий рад новой встрече с пустыней.

Крупный, сильный, стремительный, способный в этом мире жить и даже дышать без помощи маски очень долго. Чуть сутулая спина горбится под шкурой мышцами, крепкие лапы уверенно ступают по острым камням, по необходимости выпуская на крутых склонах когти, глубоко царапающие камень. Золотые глаза впитывают знакомый и, вместе с тем, всегда новый вид, пасть словно улыбается переменчивой красоте. Короткие кругловатые уши усердно ловят звуки. Таков в мире пустыни он – Третий. Волбек в лучшем возрасте, три восьмика лет и еще небольшой хвостик – короткий, как его собственный. Еще есть время для жизни, есть сила, да и умом он не обделен – вожак, в первом восьмике иерархии дураков не держат. Ведь составляющие ее решают, как жить всем в стае.

Сегодня Третий лениво, намерено неспешно трусил по сухой пустыне, еще не утратившей яркое багровое свечение на-

копленного за день тепла, оттого особенно отчетливой и объемной. Лучшее время суток – тепло, красиво и безопасно. До поздних сумерек, угрожающих вне купола пыльной бурей, далеко, как и до пробирающего кости невыносимым холодом раннего утра.

Замысловатый узор трещин радовал глаз разнообразием. После монотонных и угловатых стандартных коридоров ненавистного Гнезда пустыня – настоящая радость. Здесь почти нечем дышать, приходится использовать внутренние резервы, что утомляет и ограничивает передвижение. Тут нет пищи и укрытия, ночной холод выстуживает тело до окоченения, а жар полудня плавит сознание. Мелкая пыль забивает нос, заставляет глаза слезиться, оседает в легких, выкашливаясь лишь вниз, в Гнезде, неделями, порой до рвоты мучительно и болезненно. Но все же именно в пустыне он счастлив и бодр – ее цвета изменчивы, рисунки трещин причудливы, небо над головой огромно и ничем не ограничено.

Третий в пустыне – частый гость, с первого дня взрослой жизни он бывал тут регулярно и знал очень многие линии щелей и разломов, у него ведь совершенная память. Особенно он выделял необычные рисунки – вехи, такие, по которым вдвойне приятно прокладывать маршрут. Их секреты ведомы лишь ему. У Первого другие, и у остальных тоже – прошлый опыт каждого уникален.

Здесь, у скального бока, он сидел, ошалевший и восхищенный, озираясь на нежданно огромное пространство ми-

ра, когда впервые попал наверх еще совсем щенком. Тогда он думал, это почти свобода. Давно.

Вдоль необычной, прямой, как черта, щели, любил бродить позже, запоминая и укладывая в сознании то, что должен знать он, только что получивший свое новое место в иерархии волков: Третьего, разведчика, изучающего повадки Вечных и их слабости, коридоры и системы контроля. Ему тогда едва пошел третий восьмик лет. И еще казалось, способ добраться до горла Вечных есть, найти его можно в ближайшие годы, – прежние Третьи сделали немало, и он тоже старался изо всех сил. Когда открываешь третий восьмик, мир очень прост. А сам ты – почти всемогущ.

А эту жирную дугу нанесли Вечные. Отсюда он, как и любой высланный в обход наблюдатель, должен внимательно осматривать купол над головой: нет ли трещин и помутнений. Его зрение совершенно, оно находит огрехи лучше и раньше самых точных приборов Вечных. К тому же поверхность купола огромна и двойной контроль более чем оправдан: высота свода – несчетные восьмики метров, периметр – километры, тонкие редкие арки опор столь легки, что удивляют своей способностью выдерживать ветер. Стаю время от времени выпускают в дикую пустыню, далеко, за пределы купола, – именно там он узнал, насколько сокрушительны бывают бури. Редкие и действительно страшные – в последний раз его несло и швыряло по скалам почти километр, и до ворот он дополз со сломанными ребрами. Хозяева знали о буре

и специально послали его одного так далеко, в дикий край: таково было очередное испытание на личную выносливость и приспособляемость. Даже лечили после возвращения, так они делают редко. Третий – удачный образец, и потому еще очень нужен.

Итак, трещины. Время их искать. Если случится найти, придется коротко тявкать и утомительно однообразно смотреть строго в обнаруженную проблемную точку до получения сигнала поощрения. Он находил и тявкал пять или шесть восьмиков раз за прошедшие годы. Иногда хозяева по полчаса не могли заметить то, что очевидно для него. И приходилось ждать, замерев в неудобном положении, с задранной головой. Очень противно. Особенно в полдень, когда скалы горячи, или перед рассветом, уже без запаса тепла и сил. Кто убирал трещины – неизвестно, волбеки так и не заметили этих существ. Летающие? Или они умеют ползать по гладкому и скользкому куполу головой вниз?

Отсидев положенное время и ничего не заметив, он поднялся и потрусил дальше, нервно принюхиваясь и чихая. Здесь только что прошла ползучая повозка Вечных. Он слышал и чуял, как они наблюдали за его туповатым усердием сидения на дуге, но вида не подал. В редком холодном воздухе, непригодном для легких его двуногого облика, звуки разносились слабо, недалеко и сдавленно. Впрочем, короткие туповатые уши чутко ловили их, не ошибаясь и не напрягаясь. «Волчий слух», – с завистью говорят Вечные, на-

мекая друг другу, что это-то у них получилось. У них! Если что и радуется, так именно бессильная зависть. Получилось – у них, а досталось – волвекам. Как и совершенное зрение, способное без труда отмечать песчинки и тонкие царапины в паре километров – на темном в ночи прозрачном куполе. Или восхищенно созерцать отблески неведомой им, полуслепым, высотной радуги, метящей кромку горизонта свечением, сообщая о скором восходе второй луны.

Помехи второлуния велики, обруч мучительно давит на лоб, но и Вечным в отмеченное шумом время за ним не уследить, уже проверено. Именно он додумался: все второлуние хозяева слепы и глухи. Это единственное, что позволяет мириться с мерзкой зеленоватой бледностью света и трескучим шелестом звучания самой холодной спутницы мертвого мира, проникающим в сознание через обруч Вечных. Когда луна тяжело нависает над горизонтом, пески пыльно вылинивают и блекнут, наливаясь неровным пульсирующим светом.

Второлуние не любил и не любит ни один волвек – тревожное время, смутное и невнятное. Плоский свод блеклого неба давит на спину, угрожает, вздыбливает шипастый загромок, заставляет до предела выпускать когти, словно сама земля может вдруг встать на ребро и сбросить в холодную пустоту небрежного и невнимательного к ее дурному настроению путника. Так никогда не случалось, и причин нервничать нет, – как нет и покоя. Впрочем, сегодня последний день второго восьмика в этом облике, завтра домой.

Прозрачные глаза на миг вспыхнули теплым золотом. Всю прежнюю жизнь – почти три восьмика лет до того памятного дня – он оставался безразличен к месту обитания. В любом облике волвек для Вечных лишь вещь, с рождения сросшаяся с обручем контроля на лбу, послушная и неодушевленная. Он из стабильной серии «йялл» (так они говорили), и он отменно здоров, силен и хорош по данным тестов. Поэтому все еще жив, хотя обычные для «разведения породы» два щенка уже, наверняка, получены, нестабильных и просто слабых одногодков давно забрали вниз, на уровни, откуда никто прежде не приходил назад. А вот «йялл-2'7» продолжает жить, он по-прежнему интересен хозяевам.

Было время, он бунтовал, искал выход, ненавидел, отказывался от пищи. Давно, когда он еще не знал, что выхода из купола нет и быть не может.

Понять внутреннее устройство стаи Вечные не могут, но вожаков отличают, весь первый восьмик в иерархии стаи у них на особом учете. Самые чуткие, умные и сильные, хранящие память и работающие над новым знанием. Для хозяев, впрочем, вариант разделения попроще: умеренно агрессивные, отдающие команды, занимающие лучшие места и явно «доминантные» (есть у Вечных такое слово). Признаки отнесения к вожакам известны, и волвеки дают возможность себя отчетливо классифицировать. Это почти игра – кто кого обучит. Едва ли хозяева наверняка знают, что он – именно Третий, и точно не понимают, что это означает.

Он – один из вожаков, и потому бунты ему прощали, самостоятельность и дерзость допустимы для его породы, так они считают. Это тоже игра: кое-что можно простить, а за другое – наказать. Или даже хуже. Ему однажды показали, что там, за кромкой купола, для него нет ни свободы, ни жизни. Выбросили, столкнув со скользкого металла опускающейся двери ползучего загона: двуногого, голого и разом оледеневшего от холода. И Третий корчился, не в силах вздохнуть, отравленный и жалкий. Защитная реакция организма на опасные внешние условия стремилась запустить трансформацию. Это недавняя новая способность – менять облик бессознательно, для спасения жизни. Ведь волком он в пустыне жить может достаточно долго, но он сопротивлялся из последних сил, отчаянно цепляясь за обрывки сознания. Вечные уверены, что для смены облика необходим изобретенный ими специальный волчий сок. И это их заблуждение должно оставаться неизблемым, оно дает волкам дополнительный шанс. Особенно потом, когда стая накопит знания и займется хозяевами всерьез.

А Вечные, с головой одетые в странные вторые шкуры, здоровые и бодрые, смотрели и смеялись. Потом подцепили крюком, разрывая спину и ребра, втащили назад, под купол. Больно, унижительно, безнадежно. Отметина так и осталась, зарастала она очень трудно, много хуже прочих.

Вне купола воздух разрежен и ядовит, он запомнил навсегда. Сжался в комок на дне повозки, привычно закрывая го-

лову от ударов. Они, впрочем, чаще целили в свежую рану на спине: помни, ты ничто, ты целиком наш.

Мучительнее крюка, яда и бессилия тогда оказался свернувшийся до крошечных размеров мир их полного господства. Он лежал, задыхался от боли осознания: все бесполезно, потому что безвыходно. Пригоден для жизни только купол, а в куполе – Вечные, одолеть которых невозможно. Они копошатся шепотком в сознании, отслеживая его действия. Они обручем давят на череп с первого мгновения, когда он себя осознал. Они могут приказать без слов – и тело подчинится им, а не ему. Хозяева способны наказать болью, поощрить еще более мерзким тупым удовольствием. Когда он отказался есть, они заставили тело вопреки его разуму жрать до рвоты и снова смеялись – они находят корчи своих вещей забавными.

А «вещи» учились и ждали своего дня.

Загон он назвал домом, когда получил полвосьмика лет назад новую самку. Прежних сейчас и не вспомнить – после особого сорта волчьего сока, которым поили, и не такое забывается, да и были они обычные. Из дикой породы – «низшие» – как говорили хозяева. Женщин среди «стабильных» почему-то не рождалось и, кажется, это устраивало Вечных. Волчицы, изредка приводимые в стаю, не в счет – совсем бессознательные, глухие к голосу и прикосновению чутья, глупые, контролируемые обручем в каждом действии, пахнущие зверем, примитивные.

А новая – из резерва, так пояснил Вечный своему сменщику, вталкивая девочку в загон. Ее привели на поводке, – зареванную, тихую после их уколов, и невозможно маленькую, почти на две головы ниже него. Он сперва удивленно заметил пару свежих швов – на виске и шее. И, конечно, отсутствие обруча. А еще увидал забавный густой мех, совсем как у хозяев, но гораздо длиннее, на голове малышки. У него в двуногом облике такого нет, у хозяев есть и вроде бы зовется – «волосы». Удивительные. Третий чуть поворачивал голову, ловя их меняющийся непрерывно оттенок. Как лунная рассветная радуга. «Радуга» – слово из чужого и прекрасного мира, тогда он еще не знал его, такого замечательного и приятного. Единственного в языке людей, сполна соответствующего волчьему зрению. Как-то, еще совершенным щенком, он нашел местечко близ кромки купола, где из глубокой трещины пустыня выдыхает пар. Сам нашел, потом показал Первому. Вожак позвал стаю. Они сидели и смотрели, шалея от красоты танцующих бликов. Через час примчались Вечные и взялись разбираться в «аномальном поведении подопытных». Им потребовался огромного размера прибор, чтобы рассмотреть радугу. Без него, говорили, там – «неприметный белесый туман». Слепые уродцы.

Небось и эти волосы считают белесыми. Разглядывая малышку, Третий вздохнул, снова чуть переместился. Заставил себя прекратить пялиться на красоту – и изучать важное. Сразу осознал, что у странной малышки нет второго,

волчьего, облика.

Вечный грубо полез в его голову, приказывая беречь самку.

Вообще-то Третий, как и все называемые «стабильными», давно освоил речь. Ее значение собирали и наполняли пониманием смысла по крохам такие, как он, – вожаки, – много поколений, передавая знания изустно и от сознания к сознанию. Освоили со временем порог чувствительности приборов Вечных, ниже которого звук слышит только волк, и научились разговаривать неприметно для хозяев. Они многому научились. Стая – единый организм, целиком она может куда больше, чем любой в отдельности волк. Вожак вожаков – Первый – умеет полнее всех собирать опыт и изучать его. Лучшие из таких некогда научились считывать образы из сознания Вечных – и дело пошло. Сперва они узнали самые простые звуки и собрали в слова, выучились строить их в ряд. Потом вывели более сложные, освоили счет. Третий знал семь из восьми слов в речи хозяев. Понимал – шесть. «Прибор», «импульс» и подобные им – пока оставались знакомыми наборами звуков. Приборы были разные, он их видел и осознавал, но из ряда прочих не смог бы выделить, а тем более – правильно использовать. Этому научатся другие, после него. Всему свое время. За память и речь в стае отвечает всегда Второй, воспитатель. Во многих случаях для младших он важнее Первого – советчика и слушателя.

У волковок, благодаря усилиям вожаков, три признанных

способа общения. Примитивный – жестами, рыком и движением, – принятый в «стае», ведомый хозяевам. Основной – мысленный, чтобы делиться эмоциями и картинками, окликать и командовать. И, наконец, словесный, перенятый у самих хозяев, но используемый лишь с большой осторожностью или в глухое второлуние. О двух последних хозяева практически ничего толком не знают, кто им станет сообщать такое? А уж найти в загонах места, где их не слышат вездесущие уши и не видят механические глаза, вовсе просто – до тех пор, пока волков считают тупыми зверями, конечно.

Очень давно один из его предков, он был Пятым среди вожаков, испытателем, попробовал с разрешения братьев говорить с Вечными. Тогда еще казалось, что их считают зверями по ошибке.

Нет.

Пятого убили на месте, едва признав в нем то, что хозяева зовут интеллектом или разумом. А еще наверх никогда не поднялись оба его щенка, волки не могут ошибиться в опознании своих и чужих детей. После этого случая Вечные долго проверяли всех остальных взрослых на наличие зачатков разума, который, судя по разговорам наблюдателей, относился к числу весьма вредных и даже опасных признаков, усложняющих работу над проектом. И волвеки усвоили: надо оставаться с виду достаточно глупыми.

Потому каждый раз отдавая приказ, хозяева ломаются в со-

знание, болезненно и убого транслируя туда примитивные картинки. Они вообще крайне слабо владеют способностью мысленного общения. Но считают, что волвеки не могут и того.

Третий усердно изобразил должную тупость и «понял» лишь с пятой или шестой попытки, закивал энергично, оскалился. Хозяин кинул ему вкусный кусочек в поощрение и пояснил сменщику, что таких «человечек» осталось в резерве совсем мало, и потому они ценны. А для вошедшего в охоту зверя малышка очень слабая и хрупкая. Но этот, «йялл-2/7», стабилен, сейчас второй восьмик в двуногом облике, то есть полностью вышел из неизбежного гормонального стресса от приема утреннего волчьего сока, и вообще он – один из самых неагрессивных самцов стаи. Даже слишком пассивен по мнению наблюдателей, не то был бы вожаком вожаков. Йялл потом рассказал братьям и те остались довольны.

Ему отведено место Третьего, и он соответствует требованиям, честно исполняя свою роль. Да и не хотел бы стать Старшим, к которому ходят все со своими бедами. Тяжело слушать и сочувствовать, когда помочь нельзя, можно лишь принять и разделить боль. А быть Третьим – это гораздо проще, он всего лишь разведчик, тот, кто собирает сведения о куполе, хозяевах, лабиринтах. Пока у волков шанса нет, но другие, потом, возможно, окажутся удачливее и найдут управу на Вечных. Да и некому сейчас стать толковым Третьим, его память уникальна и совершенна даже для волвека,

она хранит все важное и никогда не дает сбоев. Любое место, где побывал, остается объемным, с полным набором ощущений – тональность звуков, запахи, вибрации, цвет; источники, теплота и яркость света...

Хозяева ушли, дверь скользнула на место, и они остались вдвоем.

Третий с любопытством рассматривал светлокожую девочку, дрожащую от страха, ее переливчато-сияющую лохматую голову, тоненькое слабое тело, на котором стандартная рубаша, выдаваемая всем «вещам», висела ниже колен. Руки-прутики, тянущие ткань еще ниже. Она с трудом решилась оторвать взгляд от своих озябших босых ног и впервые увидела его, растянувшегося на подстилке в углу. Закричала жалко и испуганно, качнулась назад, уперлась спиной в дверь. Третий нахмурился. «Человечка», как они ее называли, явно никогда не знала подобных ему. Она из другой породы – может, близкой и вполне родственной, но иной – не волвек уж точно. По пропорциям тела уже не детеныш, но так мала! Наверное, в их роду и самцы на него не похожи. С лохматыми головами и некрупные. Может, даже светлокожие и тоже без второго облика? Чего только не придумают Вечные! Если так, он, и правда, ей страшен. Чуть не втрое тяжелее, рослый, массивный, тяжелоплечий и длиннорукий, с плотной серо-коричневой кожей и почти круглыми глубоко посаженными глазами желтого цвета, поделенными надвое вертикальным зрачком. Прежде он не думал, как смотрит-

ся со стороны – все в стае примерно одинаковы. А теперь осознал, что уж точно он крупнее иных и жутковат даже для своих же младших щенков, всегда вежливых и уступчивых с Третьим.

Что же ему теперь делать? Пальцем ее тронешь – и поранишь ненароком. Выходит, пока только смотреть и думать.

Кожа у бедняжки не способна пить свет и тем дополнительно согреваться. И запирать собственное тепло не умеет. Зато отражает лучи, рассеивает тепло, наполняясь удивительной красотой. Светится. У девочки совершенно непривычное лицо. Волбеки давно усвоили, что в волчьем облике у них морда, а в двуногом – лицо, как у Вечных, хоть и иное, более широкое. Они высокоскулы, коротконосы, с тонкими губами, то есть совсем на нее не похожи, – у девочки глаза удлиненной формы, странного, изменчиво синего цвета с черными точками зрачков, личико узкое, кожа тонкая, прозрачная, с таким удивительным пухом... Губы тоже иные – полные, яркие и, увы, сейчас жалко дрожат. Хуже – она отчетливо стучит зубами и все плотнее забивается в угол, двигаясь вдоль закрытой двери. Волк для нее ужасен, впрямь зверь, каким его и считают Вечные. Он вдыхал ее страх и отчаяние, ощущал в ней острое, даже ему непривычное, чувство несвободы. Неужели она раньше жила в другом куполе, где зарытое в недра скал Гнездо настолько больше этого, что там можно хоть на миг узнать волю?

Синеглазая все смотрела, не в силах отвести остановив-

шийся взгляд, и ожидала от него всего худшего – вплоть до мучительной боли и смерти. «Небось думает, волки едят человечек», – нахмурился из-за совершенно дикой догадки Третий. Впрочем, ей хозяева позволяют быть разумной, понятно из того, как привели. Может, они и напугали. Они любят забавы. Теперь сидят у экранов и смотрят, как волк будет рычать и ловить, а она – пищать и неуклюже отбиваться. Было бы на что смотреть! У нее реакция плохонькая, а уж сил-то и вовсе нет. Интересно, когда ее последний раз кормили? Третий решил попробовать предложить малышке еду. Благо, подачка Вечных еще цела.

Но едва он поднялся с лежанки во весь рост, синеглазая охнула, тихо сползла на пол, забилась в угол и закрылась своими прозрачными ручками, неправильно, неумело – если бы Вечные стали бить, точно сломали бы кости и повредили нутро.

Стараясь двигаться плавно и спокойно, «йялл-2/7» подобрал подстилку, развернул во всю ширину и закутал кроху с ног до головы, сунув ей в руку еду. Вернулся на лежанку, в дальний угол, заставив себя отказаться от любопытства, и устроился к новой обитательнице загона спиной. Пусть отдышится, осмотрится, так ей будет проще. Вот уже куда лучше – грызет. У нее хоть зубы-то острые? Видимо, не слишком, плитки в четверть ладони хватило на полчаса хруста вперемежку со шмыганьем носом.

Свет потолка пригас, отмечая ночь, странная человечка

всхлипывала все реже, но дрожала по-прежнему отчетливо. Он решился тронуть краешек ее сознания, – не отозвалась, даже не осознала попытку контакта, зато Третий ощутил, как она смертельно, жестоко мерзнет. Ох, судя по всему, совершенно не умеет регулировать теплообмен. Ну что за несчастное существо! Замерзнет к утру хуже, чем он – в пустыне.

Вздыхнул, поднялся и пошел нажимать на «кнопку дураков», как звали большой яркий шарик волки. На стене засветился квадрат, вместивший сонную рожу зрителя. Потолок чуть разгорелся, давая тому возможность видеть загон. Третий, снова усердно изображая тупость, показал жёстами «плохо», «болеть», «холод» и ткнул в человечку. Вечный хлопнул себя по лбу, выругался – значения слов волки не знали, но смысл и тон поняли давно, – кивнул, угасая вместе с квадратом. Из окошка раздачи пищи вывалилась награда за правильное действие. Почти сразу пол занялся багровым заревом, делающим комнату светлее и греющим стопы.

Третий деловито и бережно выдрал из угла девочку, пискнувшую и разом обмякшую от осознания его силы, несоизмеримой с ее возможностями, перенес на лежанку, устроил вплотную у груди, обнял и заново укутал сверху тканью подстилки. Некоторое время она лежала, замерев и сжавшись в комок, холоднее ночного камня пустыни, напоенная безнадежным ощущением беды и бессилия. Потом успокоено вздохнула, завозилась, устраиваясь удобнее. И заснула. Ее долго и мучительно проводили через опыты, это заметно.

Так всегда бывает с новыми, приходящими снизу, – несколько дней братья отсыпаются и отъедаются, залечивают раны, привыкают к стае.

Третий лежал, прислушиваясь к обрывкам чужих снов и удивленно вылавливая незнакомые, сводящие с ума, невысказанные, с трудом воспринимаемые сознанием картины. Нет, она не жила под куполом. Там, в прошлом, была настоящая воля, и столько, что хватило бы на восемь восьмиков стай и все равно безмерно много осталось. Значит, она не родилась в обруче, а позже его надеть не получилось, и они что-то вшили ей взамен. Они умеют, «йяллу-2/7», как и другим, порой резали кожу, рвали мышцы и связки и, как это называют Вечные, «вживляли датчики». Только при чем тут жизнь – сплошная боль. Волк тихонько погладил мягкие волосы спящей. Ей-то каково пришлось, с такой тоненькой шкурой? Судя по ощущениям, боль до сих пор не прошла. Во сне самка ощущала его сознание лучше и глубже и, отзываясь на жалость, всхлипнула, припоминая пережитый страх, грубость равнодушных рук, резкость непонятных слов-команд, боль жгущего кожу виска луча-ножа, стыд наготы. Последнее озадачило Третьего – рожденный под куполом такого и не ведает. Впрочем, ему и холод не страшен, а для нее – гибелен, это и хозяевам понятно.

Он послал ей новую волну покоя и ободрения: завозились, повернулась, пряча лицо у него на груди и плотнее прижимаясь к теплему телу. Обняла шею обеими своими тонки-

ми ручками, стараясь впитать все его обещанные во сне силу и основательность. Даже улыбнулась доверчиво. Теплая, светится ярко, каждую черточку лица можно рассмотреть. У ее сияния солнечный тон. Разве можно так светить, глупенькая? Мир тут холодный, каждый свою шкуру плотнее замыкает, а не делится бессмысленно самым ценным. Даже Вечные так не горят, хотя регулируют себя куда слабее волвеков.

Бедняжка. Да что может дать в мире купола волвек?

Третий аккуратно подоткнул под спину малышки сбившуюся подстилку и поднял температуру тела, насколько мог, полностью открывая отдачу тепла вовне там, где их тела соприкасались. Завтра восполнит потери так и не съеденной ночной подачкой хозяев и сделает еще что-нибудь умное. Надо непременно заработать пару новых кусков, а пока пусть радуется. Перестала дрожать, уже приятно: не боится, отогрелась, отдала свою боль, огромную для нее и почти не приметную для него, и совсем расслабилась. Запах сразу изменился. Третий уткнулся носом в светлые волосы, жадно и внимательно вдыхая незнакомый аромат.

Мысли выцвели и испарились. Почти не осознавая себя, волк лизнул свежую рану на виске, вслушался в дыхание мягкого тела, придвинулся еще теснее, беззвучно рыкнул в ухо человечки, такой головокружительно желанной и сладкой. Жадно дыша, уткнулся в шею, ощущая губами тонкую жилку ее пульса. Фыркнула во сне – щекотно, сползла с головой под подстилку, и Третий остановил свою ползущую под

рубаху по восхитительно гладкому бедру руку, разом виновато очнувшись. Потому она и тянула ткань на ноги, оказывается. Боялась, что он попробует стать для нее хозяином – пусть только внутри загона, но разве от этого ей легче?

«А Вечные, похоже, ставят опыт», – зло оскалился Третий: будет ли волвек подобен им со слабыми?

Ну не зверь же он, чтобы ее снова пугать и, тем более, принуждать. Да и она – не визгливая нестабильная самка, жадная, тупая и бессознательная. Пусть сперва поймет, а потом сама решает. Это все, что он может ей дать.

Непослушные руки пришлось контролировать: одну он сердито сунул под голову, другую осторожно положил поверх подстилки. И, нервно выдохнув, вернулся к сознанию спящей. Тайны ее прошедшего вне купола так же притягательны, как тонкокожее нежное тело. Она говорила и думала на чужом, совершенно не похожем на язык хозяев, наречии. Понять за одну ночь невозможно, но он очень старался. Так много нового разведчик не узнавал ни разу за всю свою жизнь. Нового и дающего надежду.

Мир больше купола, его просто в очередной раз обманули! В мире даже есть такие удивительные места, где тонкокожие человеки живут, не ведая мук холода.

На следующий день он проснулся недопустимо поздно.

Руки непривычно затекли, он продолжал их удерживать в выбранном положении и во сне, судя по всему. В загоне оказалось душно, от желания позавтракать сводило челюсти.

Многовато он за ночь ей отдал тепла! Придется подраться с Четвертым и отобрать обед, брат поймет и поможет.

Синеглазая сидела рядом и рассматривала его. Волк долго лежал, не размыкая век, забавляясь ее освободившимся от страха любопытством. Девочка трогала странную для нее плотную кожу кончиками пальцев, наверняка считая, что он не заметит. Точно, не встречала волков! По вибрации пола он отчетливо определяет положение, скорость и направление движения хозяев и братьев за три поворота отсюда, а за два опознает их. И это – если вдруг по рассеянности не признает чутьем издали, читая сознание.

Провела ладонью по гладкому черепу, осторожно толкнула в плечо. Будит? Смелая малышка. Ее лицо оказалось совсем рядом, синие глаза светились интересом. «Йялл-2/7» кинул быстрый взгляд – зона полностью просматривается и прослушивается – сместился к стене, в область плохого обзора, и завозился, вроде бы недовольно порывивая, раздраженно стряхивая подстилку. Еще бы, теперь в загоне очень тепло, даже жарко. Непривычно, он обязан отметить, а то сочтут умным. Хозяева принимали его рычание за правду год за годом, лохматая голова девочки оказалась не в пример умнее. Могла бы хоть для порядка вздрогнуть! Третий свел брови и рывкнул на пару тонов ниже, она... засмеялась. Тонкий полупрозрачный пальчик коснулся сияющей кожи трогательной длинной шеи, и девочка внятно выговорила «Сидда», повторила еще раз и тронула ладонью уже его грудь. На-

клонила голову, ожидая ответа.

Третий не отозвался – просто смотрел на нее внимательно, изучая подробно и пристально. Поняла, уже открыто рассмеялась и встала, покрутилась на месте, снова села рядом, очень близко – смотри. До чего же другая! И дело не только в разнице. Третий себя знает – он разведчик, внимательный и очень спокойный. Не может быть, чтобы любая такая вот человечка в несколько минут лишила его разума, памяти и способности себя контролировать. Вечным пока подобное не удавалось, хотя они пробовали с удивительным упорством. А эта вроде и не старается... Только ему невозможно трудно перестать смотреть на нее или утратить связь со странным чужим сознанием, почти безответным, но очень доверчивым и теплым. А еще он не может запомнить ее, как все другое – с одного взгляда. Чем дольше смотрит, тем сильнее интерес и желание вглядываться. Оказывается, например, что когда она не боится, глаза становятся совершенно иного цвета, густо-синими и блестящими. Еще она непонятным способом расправила волосы и сплела их странным образом, очень красиво и необычно. От рубахи умудрилась оторвать тонкий длинный клочок и перевязать им тело в узком месте. Стало еще заметнее, что у нее фигура совершенно не похожа на волчью – такая тонкая над бедрами, даже тронуть страшно, – вдруг да сломается? И Сидда, увы, по-прежнему мерзла. Третий решительно пересадил ее себе на колени и накрыл горячими ладонями ступни, очень холодные и до смешного

маленькие. Синеглазая повторно рассмеялась, уткнувшись макушкой в грудь – щекотно.

Как она вообще живет, нервы все снаружи... Ох, не для Вечных с их жуткими опытами подобная кожа! Третий решил отдать ей свою рубашу и обнаружил, что девочка против – даже почти напугалась. Может, в рубаше он не такой ужасный? Или эта хрупкая человечка считает, что он ведаёт это странное, свойственное ее миру, – стыд наготы? Сколько мыслей, и все новые. К Первому надо идти, хотя тот уже и так прислушивается, чувствует, что у брата есть необычное на душе.

Ладонка человечки требовательно погладила темную кожу его плеча, дожидаясь ответа: «Я – Сидда, а ты»?

Тогда она еще не знала, что в Гнезде нет имен, зато сразу поняла: ее «зверь» не желает, чтобы хозяева прознали, насколько он не дик. Взяла тяжелую руку, принялась деловито рассматривать и довольно ткнула в выжженную при переводе на верхний уровень, в загоны для взрослых, надпись. Свой номер волбеки с трудом, невнятно, но произносят. Таков предел их разумности, допускаемый хозяевами. Более того, «зверей» учат этому.

«Йялл-2/7», – рыкнул он, окончательно развеселив человечку и тоном, и низким звучанием голоса. Бояться его эта чудная больше совершенно не собиралась. «2/7» в звучании языка Вечных ей не понравилось, длинно и путано, а вот «Йялл» – другое дело.

Так у него появилось имя.

Йяллу дали целый цикл – четыре восьмика дней – на «приручение самки».

И Третий трудился самозабвенно, приручая и обучая, действительно не отпуская малышку из кольца рук. Да она и не вырывалась, словно темные массивные лапы могли огородить от неволи Гнезда. С ним Сидда ничего не боялась, хоть и понимала с самого начала, какова власть хозяев.

Она не умела говорить с его сознанием и очень медленно учила язык Вечных, объяснять который Йялл мог лишь в короткие часы второлуния, когда хозяева слепы и глухи от шипения помех. Зато сам он уже к середине первого восьмика их общего времени освоил ее наречие. Это оказалось просто, горло волвека способно рождать звуки в куда более широком диапазоне колебаний, чем человечье. Да и слов в языке немного, нет там трудных понятий вроде «прибора» или «атмосферы». Непонятных слов, конечно, много из иного мира с его природой – кстати, «природа» – хорошее слово, живое, доброе. Но их он вызубрил наизусть, он умеет с первого раза запоминать почти любое сочетание звуков. А учиться у маленькой Сидды вдвойне приятно, она так замечательно радуется его успехам и возникшему пониманию. Ее сознание светится, как и незащищенная кожа. Греет, радуется, делится добротой, – счастливо вздыхал Третий И еще Сидда гордится им, и это очень новое для него и до щекотки на коже приятное ощущение.

В ее покинутом мире тоже имелось разделение на хозяев

и других, отданных им в полную власть. Называется «рабство», грустно вздохнула Сидда, рассказывая о своем прошлом. Правда, возникло оно совсем недавно, на ее памяти прежде подобного не было. Все стало ужасно и непоправимо за пару лет, очень быстро, – тогда светловолосая была ребенком.

Йялл фыркнул – можно подумать, теперь она похожа на взрослую, такая-то кроха! Поняла, сердито тряхнула головой, шлепнула ладонью по руке, получилось звонко и очень по-свойски. Вдвоем они мучительно долго прикидывали, сколько ей и ему лет, и можно ли сравнивать годы в куполе и там, в ином мире? Решили, что раз Вечные родом оттуда, годы примерно схожи. Переводить из ее странных «десятков» в принятые в Гнезде восьмики и наоборот постепенно наловчились. Пришлось признать – взрослая, по счету Йялла ей двавосьмь и еще почти три года.

Затем начали разбираться с прочим, и Йялл услышал и прочел в сознании, что рабство пришло в ее степь вместе с жуткой, неведомой волвекам войной, полнящей сознание картинами голода, жажды, смертей, боли. Третий с ужасом осознал из мыслей-образов и позже – слов: люди способны убивать друг друга, унижать и предавать. Хотя там нет Вечных и их всемогущей власти. Он спросил: «Зачем?». Сидда виновато развела руками, – она не знает, но есть, выходит, и в ее племени такие, кто очень хочет стать хозяевами. Позже он рассказал Первому и Второму, и они вместе ломали

головы над странным новым знанием. Прежде в стае считали злом Вечных, всех и только их. Но, если принять правду мира Сидды, зло способно проснуться в каждом. Еще более страшное, в спину бьющее, – предательство тех, кому веришь.

День за днем Третий водил свою «самку» по разрешенным коридорам, кормил, оберегал, ревниво порывкая и гордо скалясь на прочих волвеков и даже хозяев. Сидду забавляло его поведение. Уже на третий день девочка безошибочно знала, когда он серьезен, а когда – играет. Умница. Невозможно представить, – думал он, – как бы все сложилось, если бы Сидду привели в другой загон, или она оказалась иной. Такая хрупкая и слабая – она, пожалуй, не вынесла бы грубости и унижения. К тому же девочка почему-то упорно отказывалась считать себя достойной настоящего теплого и глубокого внимания. Отношение огромного «зверя» ее удивляло и радовало, но верила она новым общим ощущениям с трудом. Для Сидды оказалось проще принять доброту и отеческую любовь Первого, сразу же занявшего в ее сознании место главы рода, куда более достойного и уважаемого, чем безразличный к бедам своих соплеменников человек – «староста», она так его назвала – из ее погибшего в прежней жизни селения.

Йялл был обычно ближе, чем Первый, и его сознание читалось легче. Она охотно отзывалась на покровительство и заботу, но приметно смущалась, осознавая восхищение, вни-

мание и ласку. Третий вздыхал и терпел. Не хорош – отведут к другому, а обижать ее он все равно никому не позволит. В стае он имеет вес во всех смыслах. Кто решит возразить? Разве что Четвертый, но он целиком на стороне Сидды.

Они часами сидели в углу и ворчали невнятно, обычно вдвоем, но иногда и втроем или вчетвером – с кем-то из вожаков. Очень скоро выяснилось, что мир ее воли зовется Релат, и даже что волки – или волвеки, как их порой звали хозяева, – вполне милые, хоть и совсем не похожи на людей. Уж больно велики и сильны, но это не плохо, просто необычно.

И снова они бродили или сидели в уголке, язык давался все легче, он уже свободно строил предложения, радуясь случайно обретенному занятию о том, как складываются подобные конструкции, и разбирая с новых позиций накопленные сведения по речи Вечных. К тому же, Сидда постепенно научилась не только слышать его беззвучный зов, но и осознала не без помощи Первого, умеющего будить души, в себе подобную способность – стала отвечать.

Со временем, немного освоив ее речь, он смог подробно рассказать ей про купол, свою жизнь и Вечных. Про то, что здесь никто не знает воли. И зачем ее привели к нему в загон. Наконец признал свое полное бессилие защитить ее от хозяев даже в малом. И повторил про несвободу, данную каждому из них с рождением, наследуемую детьми, которых тут зовут щенками и выращивают где-то в ином месте, на нижних уровнях. В его собственной детской памяти прошлое выгля-

дело до странности невнятно и блекло. Не иначе, так хотели Вечные... Уверенно Йялл мог сказать лишь, что там были старые из стаи, они учили и помогали.

Синеглазая серьезно кивнула, обещала подумать.

Третий получил у хозяев теплую одежду для Сидды, вторую подстилку и даже обувь, в которой никто из волвеков отродясь не нуждался. День за днем ему становилось все интереснее жить, будто незнакомый мир ее прошлого дал и ему кусочек воли. Уж надежду-то точно, теперь братья знали, что однажды соберут достаточно знаний и сумеют оборвать затянувшуюся вечность хозяев. Потому что мир больше купола, и воля – самая великая цель, которая поможет им выжить и дотерпеть. В детской памяти Сидды о Релате воздух сладкий и пахнет землей, травой, дождем. Потом у них началась засуха, но даже она была несравнима с негодным для дыхания и жизни состоянием мира пустыни. У них были деревья, цветы, горы, реки... Столько незнакомых, бессмысленных в куполе слов, которые он шептал срывающимся голосом! Однажды щенки его щенков – нет, дети, у них ведь не будет обручей! – окажутся там, и слова обретут плоть: цвет, запах, звук, вкус, вибрацию души...

В один из вечеров, когда потолок угас, Сидда устроилась рядом, терпеливо дождалась второлуния, когда можно вполне безопасно говорить. Очень серьезно сообщила ему, что дома ее никому не обещали, и, вообще, она не слишком красивая. А вот он замечательный, добрый, умный и очень ей

нравится. Очень-очень. Если бы ей разрешили выбирать, она бы осталась с ним, и не только в куполе, но и дома. Только там много женщин куда интереснее, он бы, наверняка, при-смотрел себе другую. И что в ее мире живущих вместе зовут «семьей». Смолкла, уткнувшись лицом в ладони, будто говорить ему такие простые вещи было очень трудно и даже страшно.

Второлуние, по счастью, выпало длинное, Третьему вполне хватило времени, чтобы наговориться. Они даже в первый раз поругались, ведь Йялл решительно не собирался кого-то там еще выбирать и считать свою Сидду некрасивой. Как можно держать на руках живую радугу и быть чем-то недовольным? Пусть Четвертый капризничает, раз есть много других, а он уже выбрал. Третий сердито ворчал на низких нотах, почти неразличимых для ее слуха, расстроенный своей внезапной – кто бы подумал! – красотой. Какие глупости порой мешают достичь единого понимания!

Но постепенно дело пошло на лад: Сидда начала четко различать его сознание и открыла навстречу свое, они остались вдвоем, полностью отгородившись от стаи, Гнезда и всего мира. В уединении она смогла вполне отчетливо видеть себя его глазами, пусть и не во всем доступном ему цвете, ощущать тепло собственных рук кожей волвека, и страхи ушли. Никогда она не могла помыслить, что будет для кого-то самой красивой. Единственной, которую ни с кем не сравнивают и которой поклоняются как божеству. По мне-

нию Сидды, такое испугало сполна всю неволю и мерзость купола.

Утром Йялл мучительно долго лежал, не в силах решить, стоит ли говорить Первому, что это такое – то, что с ними уже два восьмика дней происходило и так удивительно перешло в новое состояние минувшей ночью. У самого бока спит его жена. Уже это слово объяснить прочим почти невозможно! Не станет же он открывать для них сознание целиком, выплескивая то, что было предназначено лишь для них двоих. Его жена так же отличается от «самки», как их уродливый купол – от настоящего мира... И нужно ли другим знать, что бывают ласка, нежность, любовь. Множество замечательных слов, полного смысла которых его братья, скорее всего, никогда не узнают. Да и как можно объяснить другим то, что им ни разу не довелось и, скорее всего, не удастся испытать?

Первый разменял восьмой восьмик, он самый старший среди волвеков. Он понял и без слов, как много раз бывало прежде. Пристально глянул на пару, выбравшуюся ко второй еде в общий загон, и чуть усмехнулся. Не сказал ничего, не рыкнул, и даже сдержал мысли. И лишь в очередную их совместную вылазку наверх, в пустыню, долго беседовал с Третьим. Разведчик ради такого случая вскрыл замок и пробрался в загон вожака после приема «утреннего» сока, едва

дождавшись глухого второлуния. Внизу, на жилом уровне, замки иные, их отпирать Йялл не наловчился пока. А возле выхода к поверхности он часто пользовался простотой запоров, чтобы поговорить с братьями, не опасаясь Вечных. Принявшему сок волвеку полагается корчиться и выть. Правда – трудно, но они не звери и умеют терпеть. И боль, и накрывающую сознание беспричинную злость, и рвущие жилы спазмы.

Первый тогда уверенно и грустно поделился пониманием того, что женщина людей, или человеков, – возможно, ловушка для волвеков, так как теперь хозяева знают, что он, Третий, не больно-то и зверь. Это очень плохо и опасно для него и для нее, но так уже состоялось, надо принять перемену. Пока пусть живет и радуется каждому дню, ценит свою замечательную жену и дарит ей все время и всю душу. Потому что изменить будущее не во власти носящего обруч.

Так у него появилась семья.

Сперва жена. И недавно, вот уж чудо из чудес, – сын. Вечные не увели ее вниз, хотя этого боялись и ждали все. Пока не увели. Время шло, и страх в Третьем рос и густел отчаянием.

Сидда, наоборот, о плохом старательно не думала и ничего не загадывала, упорно звала его Йяллом, по-прежнему не добавляя номер, он вполне привык. Синеглазая вообще очень уютно заслоняла пустоту жизни купола своими словами. Теперь загон стал домом, подстилки – постелью и одея-

лом, еда – завтраком и ужином, ее одежда – платьем...

Третий встряхнулся, отвлекаясь от мыслей, и ускорил бег. Зеленоватая луна клонится к горизонту, пора домой. Сидда всегда боялась оставаться в одиночестве и тяжело переносила его отлучки. Но хозяева регулярно вынуждали волков менять облик и жить на равнине. Так они «изучали стаю в дикой среде и собирали сведения о приспособляемости», в этот раз, например, глупо и убого имитировали для «стаи» охоту. Что может быть тупее бега за пыльным куском еды, привязанным на веревку? Они исправно охотились, всей группой, и даже грызлись за «добычу». Третий с Четвертым охотно пихались и дрались даже без повода – они самые здоровые в стае и всегда с радостью мнут бока друг дружке, так и веселее, и интереснее, и для хозяев понятнее. А тут отличный повод – охота. Не худший опыт Вечных.

У них есть опыты много страшнее: пару раз Третий сидел в загоне, где воздух то становился плотным и давил, то разреживался и рвал легкие болью. Снова и снова, до потери сознания. Затем в воздух добавляют яды, сжигающие легкие, или делают укол, меняющий сердечный ритм. Потом короткая, едва отдышаться, пауза – и опять. Он выдержал, а двое слабых в соседних загонах не вернулись наверх. Не самые стабильные, их ниже ценили. Хозяева сказали – вскипела кровь. Он не понял толком, но смерть осознал.

Теперь все позади, и долгие жаркие дни наверху, и про-

бирающие холодом ночи, и удачная охота. Четвертый снова проиграл ему лучший кусок, Сидда будет хихикать, слушая рассказ.

Лапы стремительно несли к ненавистному куполу.

К любимому дому.

На душе неколебимо лежал массивный острый камень. Для него сын не щенок. А после следующей отлучки мальчишка заберут, уже время, он слышал их разговоры. Опыт подходит к концу. Как это переживет Сидда, и что решат Вечные? Она для них – «ценная самка», вполне могут отдать Первому. Брат очень славный человек, точнее, волк, но разве это что-то меняет?

На рассвете он уже пил «утренний» волчий сок, обеспечивающий, по мнению Вечных, смену облика от волка к человеку. Их никто не разубеждал.

Сутки боли, выворачивающей суставы и маслянистым пламенем сжигающей шкуру. Одежда. Завтрак. Осмотр у наблюдателя. Коридор. За открытой дверью – дом, разом ставший снова загон. Даже запах Сидды и сына уже едва ощутим, второй подстилки нет, пол темный, тускло-холодный.

Всё.

Третий привычно прошел к люку раздачи еды, ткнул в кнопку «вода». Жадно выпил. Развернулся и покинул загон. Первый на поверхности. Второй здесь, и если что-то известно, он скажет.

Рыжеглазый встретил его тяжелым молчанием. Он знал.

Случилась беда вчера, они пришли за мальчиком, и мать не захотела отдать. Второй был неподалеку и всё *со-чувствовал*. Она кричала, билась и плакала, сладить с ней не получалось, даром что слабенькая, и хозяева сделали укол, потом еще и еще, Сидда затихла. Забрали обоих. Второй внушал, что надо держаться, он лучший разведчик волвеков. Он нужен и должен. Только он узнал все коридоры этого уровня, побывал на соседнем и раз даже зашел еще ниже. Но мысли старшего брата текли мимо опустевшего, как и его загон, сознания.

Третий вернулся в бывший дом и ничком лег на подстилку. Вечернюю еду он пропустил. А утром пришли Вечные, долго обсуждали над его застывшим телом «низкую толерантность стабильного самца к очевидному жесткому гормональному стрессу» и забрали его на поверхность, заново обследовали, напоили «вечерним» волчьим соком. Они сочли, что в зверином облике он проще переживет «вынужденное и неожиданное удаление перспективной самки из стабильной пары».

Ночью он уже сидел в мертвой, сухой и порванной в клочья трещинами, как его разом угасшая душа, пустыне. Смотрел в пляшущее тревожными огнями холодное небо. Луны выстроились парадом – все четыре, переливаясь в прозрачно-желтых глазах оттенками зелени, синевы, багрянца. Сидда говорила, всматриваясь в его сознание, делящееся с ней картинками пустыни наверху, что в ее мире солнышко по-

крупнее. Зато Луна только одна, иногда почти белая, а порой огромная и медовая. Интересно, что такое – медовая? Теперь спросить не у кого. Зато он знает, почему местом обустройства купола выбрали этот злой мир, не пригодный толком даже для дыхания. Чтобы им некуда было сбежать. А еще тут целых четыре луны, а по мнению людей и, наверняка, Вечных, именно луны управляют жизнью и желаниями волка. В беспокойном небе последним осколком надежды плыла крупная голубая звезда. Яркая, притягательная, живая. Сегодня очень крупная, она росла уже давно. Йялл часто смотрел на нее, выделяя среди прочих, потому что душой ощущал странное тепло, идущее оттуда.

Сегодня тепла не хватало, озноб дыбил воротник, судорогой закидывал голову к спине. Он уже не мог бороться и застонал, разом выплескивая в голубое сияние свое безмерное одиночество, смертную тоску и отчаяние ненавистного и теперь окончательно бессмысленного существования. Снизу, с жилого уровня, и из пустыни к сознанию потянулась вся стая, пытаясь помочь и хотя бы утешить. Прежде волки под куполом не были, и тем более Третий не мог знать, что на Релате его дальние родичи именно так приветствуют свою единственную Луну. Только он не зверь, и его тоску воем не вытравить и не ослабить.

Выдержки записей с кристалла

«Черновой вариант энциклопедии Академии Релата», издание 193-го года по единому летосчислению (ЕЛ). Составитель Нирн Карнский, старший смотритель архивов.

Электронная переписка и комментарии рецензентов представлены полностью. Экземпляр для внутреннего пользования. Хранится в сейфе директоров Академии, раздел «Разное».

«Айри, именуемые также драконолюдьми, долгожителями, эарриатирэн и так далее.

Крайне малочисленная раса, населяющая Релат. По современным оценкам, их всего 574 в мире. Единственный вид, помимо людей, обладающий полноценным разумом. Об укладе жизни и обычаях известно чрезвычайно мало. Являют собой второй этап развития дракона, покинувшего примитивную форму ящера с целью обретения взрослого разума. Утратив возможность летать, с первого дня «бескрылой» жизни имеют внешность, характерную для человека в возрасте восемнадцати – двадцати пяти лет. Меняются медленно и незаметно для нас, поскольку живут

очень долго. Все являются сенсами, то есть способны передавать и воспринимать образы, также могут в виде т. н. мыслеобразов сохранять записи знаний для прямого обучения имеющих аналогичные способности. Точная продолжительность жизни не установлена, но, по некоторым данным, она всегда в десятки раз превышает человеческую и зависит от многих факторов, в большинстве своем – малоизученных. Например, якобы имеют значение развитие разума и даже духовная организация. С 3-го года ЕЛ живут среди людей, прежнее место обитания – вероятно, горный хребет Драконий, в некоторых источниках именуемый «Змеиный». Из горных поселений изгнаны, по непроверенным данным, решением Великого дракона (см. статью «Великий дракон»). Причина – якобы в нежелании адекватно воспринимать мир, достигшем формы крайнего эгоизма.

Имеют развитые технологии, давшие основу современной общей цивилизации айри и людей, среди них немало крупных ученых. Собственные архивы насчитывают достаточно достоверные данные по истории расы и ее выдающимся представителям за последние семьдесят веков. Люди в них, к сожалению, не упоминаются, что осложняет создание единой датировки.

По сведениям на момент издания этой энциклопедии старейший айри – некий Аэртоэльверриан, живущий обособленно от прочих в местности, известной как Утренний бор, являющейся коллективным владением

сनावей по решению князя Карна от 5-го года ЕЛ. Указанный айри считается их наставником и учителем. Возраст не установлен, сам он на эту тему говорить категорически отказался, игнорируя прямые запросы. Прочие источники позволяют утверждать, что живет в мире он не менее тысячи лет».

(Пометка директора Академии айри Ялитэ: «Ящер» – слово, непринятое в приличном обществе айри, убрать. Нирн, драконы не примитивны, они просто иные, не добавляй глупости от себя! И абсурдные домыслы по поводу возраста Риана выбрось целиком, он против, как тебе известно. Старейший – и довольно, а для твоего сведения – ему тысяча триста девяносто восемь лет, и отшельник просто старается спастись от усердия Лиммы в праздновании юбилея.)

(Пометка Лиммы: «Спасибо, дорогой, теперь уж не отвертится».)

(Пометка Риана: «Эгоизм – неточное определение. Желательно убрать всю фразу. Я уже пояснял Нирну. Айри принуждены жить единой цивилизацией с людьми, поскольку именно в этом их предназначение. А вне развитого и многообразного общества бескрылые драконы построили бессмысленную, мертвую модель взаимоотношений. Это жесточайшая иерархия, лишаящая младших права и возможности самостоятельно развиваться, взрослеть, вообще – мыслить и чувствовать».)

«Великий дракон – Бог полета, душа мира, анн-

айри-тэ и т. п.

Мифическое существо, якобы управляющее наши миром, Релатом, в части судеб, климата, организации жизни и так далее. Легендарный основатель рода драконов в форме ящера, якобы воспитывающий сनावей и наделяющий их даром во всей его полноте. Единственное упоминание свидетелей, якобы лично видевших его, относится к периоду последней войны, ориентировочно 3–1 годы до ЕЛ. Существование не доказано. Наука склонна относить его к числу древних суеверий».

(Пометка Риана: «Оставить только первое предложение».)

«**Снавь**, также используются названия Говорящая с миром, видья (устаревшее).

Человек, наделенный уникальными сенсорными способностями, именуемыми «дар», и умеющий ими распоряжаться в рамках своих возможностей, называемых «силой». Общее число в мире крайне невелико – 219 (данные единого мирового реестра экстренного вызова сनावей в случае ЧП от 17.12.192 ЕЛ. Документально подтверждены случаи полной ликвидации снавями моровых заболеваний, лихорадки, неизлечимых недугов, опасных климатических аномалий. В связи с этим, прошедшие отбор по силе дара, именуемые «ясными» (их всего 72 на сегодня по данным того же реестра), постоянно находятся на связи с общим координационным центром и обязаны носить

браслеты экстренного оповещения.

«Ясные» снави имеют особое право отменять решения любого Совета нашего мира по причине своей т. н. прямой связи с душой мира (см. «Великий дракон»). Современная наука делает их роль в обществе менее полезной и заметной, постепенно оттесняя из своих прогрессивных областей.

Вокруг т. н. ясных сनावей существует немало легенд, многократно преувеличивающих их таланты и заслуги перед человечеством.

Наиболее невнятным и надуманным выглядит т. н. обряд посвящения, якобы позволяющий обрести полноту силы и проводимый для самых перспективных дважды. Первое посвящение дает звание «озаренных», второе – упомянутых выше «ясных». Весьма сомнительно их умение предвидеть будущее, поскольку якобы дар невозможно использовать в ходе эксперимента, он просыпается лишь при наличии реальной угрозы. Еще более сомнительно наличие у некоторых из них, вроде бы – очень немногих, на настоящий момент – по-видимому, двух, т. н. дара дракона, некоего артефакта, позволяющего заметно увеличивать силу и глубину дара, осуществлять невероятные действия. Например, легендарное и ничем не подтвержденное пребывание одной из живших в период последней войны сनावей (Тиннара, истинное имя Ника) в течение ряда лет в теле дракона и последующее ее перерождение, позволившее избежать верной смерти, но не обеспечившее ей долголетия

айри. Документальные свидетельства и даже описание артефакта отсутствуют.

Многие действия сनावей определяются «Кодексом», составленным уже упомянутой выше Тиннарой Ринай. Текст сохраняется фактически неизменным уже полтора века и, увы, для энциклопедии не предоставлен.

(Пометка Лиммы Энзи, декана лекарского Акада: «Зря я ему перелом срастила, вот бы славно он на костылях полгода топал к светлому научному будущему! Статьи «Сनावь», «Великий дракон» и «Айри» отослать на просмотр Риану. Позже я переписишу первую. Ко мне на лекарский прием Нирна более не пускать, даже если наш отшельник ему все ребра сочтет».)

(Ответ Риана: «Лимма, да нужны мне его ребра! Привози дурня на чаек, познакомлю я его с Великим. Старик любит шутки».)

(Пометка «Важно для всех рецензентов», директор Ялитэ: «Уважаемые рецензенты! Задача состояла в том, чтобы исправить ошибки, неточности или целиком переписать отдельные статьи. Нирн, конечно, уже засох в своем архиве и слегка покрылся пылью, но раньше он хоть документы выдавал по первому требованию! А что теперь? Мне надоели его многочасовые молитвы Великому дракону, архивом невозможно пользоваться, а поющий заика – это вообще слишком. Лимма, дорогая, имей жалось хоть ко мне, пролечи его и немножко вразуми. Ты же умеешь,

ну не может не петь – так пусть делает это хоть в нерабочее время».)

Предисловие к изданию составителя, Нирна Карнского

«Перед вами труд целого коллектива авторов и рецензентов, консультантов и добровольных помощников. Пятнадцать лет все мы усердно возводили это здание – первую всеобъемлющую энциклопедию, позволяющую охватить взглядом не только Академию, но и весь наш Релат таким, каким мы его видим в год издания – 193-й от принятия ЕЛ.

Работа над энциклопедией позволила не только собрать и систематизировать разрозненные сведения по истории, философии, религиям, современной научной проблематике. Она дала нам всем – и мне в частности – шанс оценить и переосмыслить свое видение мира.

На страницах и в файлах – наше знание о мире. То, что может быть изучено и осмыслено, подвергнуто научному анализу. Оно будет меняться и уточняться в последующих выпусках и регулярно обновляться, дополняться и редактироваться в электронном варианте.

Я прошу читателей помнить, что помимо доступного познанию, есть и иное – посильное лишь вере и питающее не разум, а душу. Надеюсь, мы подошли к изложению этого раздела достаточно бережно и

он останется неизменным, как неизменно пребывает с нами в этом мире Великий дракон, душа Релата, чье сердце отдано целиком всем нам, живым, и болит за каждого. Потому очень важно, развивая знания, не увеличивать печаль Дракона своими гордыней, жестокостью, равнодушием и безразличием. Иначе однажды вы рискуете осознать свою полную несостоятельность и будете вынуждены начать путь жизни заново с того места, где произошла ошибка».

5 марта – 14 марта 203 ЕЛ, Релат, Академия, западное побережье княжества Карн – Хьёртт, 8 марта, «Птенец»

Ника

– Увы, некоторые неумные люди и не-люди наивно и безответственно утверждали, будто бы у пилотов стальная непробиваемая стрессом психика и нервы-канаты, – вздыхал надо мной Эл, пряча беспокойство за насмешливым тоном. – Снимут тебя с полетов, и, надеюсь, надолго, так и знай. Сам сегодня же посоветую управителю Ринтэю.

Мог бы и промолчать. Я – ясная сновь, Говорящая с миром второго посвящения, людей и не-людей чувствую крайне остро, а он – айри, и, следовательно, тоже вполне успешно копается в моем сознании и подсознании, как все долгожители. Конечно, целиком мыслей не читаем, но и образы бывают вполне красочны для понимания. Впрочем, уже дав-

но мы двое – почти одна душа, так что и насчет мыслей я немного лукавлю. Часто мы обходимся без слов. Но сегодня он переживает и оттого пытается выглядеть бодрее себя самого. Смешно. Меня даже чуть отпустило.

Открыла глаза, осмотрелась. Больничное крыло лекарского Акада, капельница, полный кувшин родниковой воды, которой обожают отпиваться больные снави. Вода – основа жизни. Мы, одаренные, к ней крайне восприимчивы.

Датчик на пульсе. И серый, помятый от бессонницы Эл у изголовья. Значит, давно валяюсь...

– Третий день пошел, – кивнул он уже вполне серьезно. – Тебя смотрела снавь. Точнее, лично твоя наставница и наша непререкаемая академисса, госпожа Энзи, и нашла опустошенной энергетически, словно ты черный мор в одиночку излечила или ураган уладила. Так что – водичка, глюкоза и забота окружающих. Тогда, по ее словам, рано или поздно мы узнаем, что это было.

Я нахмурилась, пытаюсь ноготком ковырнуть краешек воспоминания. Бо-о-льно. Он уверенно подхватил под плечи, усадил и сунул в руки наполненный стакан. Выхлебала, отдышалась, получила второй, отпила несколько мелких глотков. Не поленился, слетал к Риану. Воду из Утреннего бора ни с чем не перепутать. Она живая.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – он глянул искоса. – Ты от слабости такая вежливая и покладистая? Или свершилось великое чудо?

– Ну тебя! В твоём возрасте пора повзрослеть. – Я привычно понаблюдала его тоскливое возмущение.

Двести пятьдесят один год без крыльев – для айри он совершенный ребенок, просто не все долгожители любят, когда им указывают на возраст. Особенно, если это делает совсем не чужая и даже чуть в тайне от себя любимая человеческая девушка. В тайне от нас обоих, ага. Потому что он уже Риану плакался, да и я тоже. И Энзи в курсе, что я ее избегаю, тетюшку мою, не умеющую оставаться в стороне от «чужих» дел. Как я им объясню, что не хочу быть «любимой третьей, кажется, сейчас припомню точнее... ах, четвертой, – давно это было, тому лет пятьсот! – женой». Ему еще жить столько, сколько я и удумать не в состоянии. Вот и пусть живет, без меня в качестве эпизода бурной юности. Я, конечно, из народа арагни, почти чистокровная, и точно дотяну до ста двадцати, мы живучие. Без зубов, лысоватая и дрябленькая. А он будет таким же замечательным. Легким, гибким, как хлыст, меднокожим и обжигающе черноглазым, лет тридцати на вид. Спокойным, расчетливым, насмешливым, уверенным.

Может, выставить его за дверь и поплакать? Не-ет, пусть сидит тут, иначе через полчаса я сама пойду, пошатываясь,

искать изгнанного. Он так замечательно тепло переживает, прямо сразу все болезни исчезают. Кроме одной. Упрямство, он сам мне не раз намекал, у меня застарелое и неизлечимое.

Влюбиться с первого взгляда, да при моей достаточно стабильной психике прирожденного, так все говорят, pilota! Впрочем, мы, сnavи, склонны примечать сразу притяжение душ, это ведь большая редкость, и она для дара – очень яркое явление. Добавлю, я тогда была семнадцатилетней дурой, не способной даже осознать его природу айри, – не вполне трезвой, проще говоря. А точнее, вполне нетрезвой... И к тому же дико провинциальной: первый день в Академии, второй раз в жизни в большом городе, когда буквально натолкнулась на этого типа, перегородившего собою газон метрах в пяти от дорожки, за клумбой. Как тут было не натолкнуться? И началось: «Эй, ты, эльф, у которого в глазах утонуть можно, кто меня должен был у парковки мобилей встречать? Я чуть не сгинула в страшном городе без провожатого!...»

Меньше надо было пить у тетушки Юлл, но она так умеет угощать, тем более – день рождения! А во хмелю, как оказалось, я необычайно прямолинейна. Или криволинейна, от тропинки-то я отклонилась, сама того не приметив... Ну мешала мне его спина, не обойти! Бедный айри прилип к газону, его в жизни никто не окликал столь беспардонно, к тому же пиявкой вцепившись в руку. «Эльф» – наше семейное словцо, малопонятное посторонним. Сказка из мира моей трижды прабабки Тиннары, рожденной не в Релате. Впро-

чем, дело давнее и забытое, к чему я? К тому, что это уж точно дурацкое определение для академика, да к тому же бессменного уже более века декана нашего технического Акада. Последний разросся и занимает три четверти всех площадей Академии, да плюс филиалы – так что мало кто в нашем мире решается не узнавать господина Эллара.

Он попробовал вывернуться, довольно ловко изымая руку из обращения, но действовал рассеянно, просто отмахнулся. Я рефлексивно настояла на своем, используя довольно простой, но эффективный прием, и мы дружно рухнули. Все же Риан – лучший из учителей, да и мастер Юлл меня именно за технику боя без оружия хвалил. Кнейрский «Снежный закат», редчайший гибрид этих красивейших и капризнейших роз, устойчивый к зимовке, высаженный впервые в том сезоне перед главным зданием Академии, быстро отмучился, бедный, не дожидаясь кошмара заморозков.

Когда мы снова оказались на ногах, я чуть более осознанно и внятно извинилась, потирая ушибленную кисть, к тому же основательно исколотую мстительным гибридом «закат» перед гибелью. Думала, что шипы розоводам удались, слушала нудный шум в ушах и убито соображала, насколько сейчас красна и смешна. А он стоял напротив, морщился от боли в плече и смотрел с таким же странным прищуром, как теперь. И мои слова под внимательным взглядом все плотнее слипались на языке, превращая речь в бурчание-мычание.

«Допустим, не встречал я тебя, сама нашлась. И не эльф,

но уж все одно – грех дать сгннуть столь ловкой особе, – деловито сообщил он, закончив осмотр и разминая плечо. – Куда поступаешь?». Я ответила, он, понятное дело, развеселился окончательно. Уверенно сообщил мне, что необходимый мне декан с утра был точно по ту сторону экватора, и в Академии его скоро не ждут. Так что до пятницы я совершенно свободна... Я с сомнением покосилась на шутника: эльф – слово из лексикона старшей Ники, откуда бы? Но меня уже тащили и забалтывали. Он это умеет.

Два дня, забросив все дела, водил и возил по городу и Академии, периодически под ловкими предложениями пополняя градус спиртного в организме своей будущей студентки. На нас не просто косились – от нас шарахались, а потом с перекошенными лицами пилились вслед и шептались. Меня даже не убил самый главный садовник – академик и любитель роз, прибежавший хоронить свой «закат» во всеоружии. Так и замер с занесенной тяпкой, едва Эла опознал. У декана до того дня была вполне сложившаяся репутация солидного, холодного и суховатого ученого. И весьма искушенного политика, а как без этого удержать в руках Акад?

Точнее, я позже узнала, что шарахались и шептались, и что репутация... а тогда не заметила, у него действительно оказались очень глубокие глаза. И уж не знаю, что он рассмотрел в моих белесых, но предложение сделал в первый же час знакомства, и я решительно согласилась. Все было невероятно, неправдоподобно хорошо. Даже слишком.

Потом я как-то враз отрезвела, поняла, что он вовсе не человек и, тем более, не мальчишка лет на пять-семь старше меня. Так сказка кончилась. Выходить за вечно юного я не хотела, а он наотрез отказывался легко соглашаться на меньшее. Мы дружно убедили себя, что это минутное увлечение, все само пройдет со временем, мы упрямые, и если что решим... Десять лет без малого минутному увлечению, и плевать ему на мое упрямство. Ругаемся, миримся, бегаем друг от друга и друг за другом. Но женой? Это, выходит, на всю жизнь – мне и один маленький отрезок вечности – ему? У моего декана впереди тысяча лет, наверняка, не меньше.

– Ник, прекрати. Я ведь не виноват, что родился таким, – он резко отобрал стакан и брякнул доньшком по столешнице. – И не смей сердиться, да, я опять отлично знаю, что ты думаешь, у тебя на лбу аршинными буквами подробненько изложено. Не Вечный же я! Может, сильно повезет и скоро разобьюсь или утону...

– А говорят, айри умные, – на него нельзя сердиться.

– Не все, – утешил он и заговорил иным тоном, весьма деловым. – Раз тебе полегчало, будь серьезной и ответственной снавью и вспоминай. А то Совет Академии рвет и мечет, кто-то от особенно большого ума счел случившееся едва ли не нападением. В княжестве Карн, на территории которого мы, если помнишь, вообще-то находимся, третий день пытаются понять, есть ли у них еще гвардия, и если есть, что с

ней теперь делать. Я более-менее в курсе... И даже немного занимался этим, но без твоего рассказа картина неполна. Ты так кричала – нечеловечески. Я почувал даже от Риана, а это, сама знаешь, далековато отсюда.

– Нечеловечески. Потому что тот, кто кричал, не вполне человек. Вполне не-человек, уж так будет поточнее. – Я пережила и даже не стала спорить, когда он обнял, устроил мою голову на плече. – Слушай и пиши на кристалл для Совета. Я бы и сама назвала это явление «Крик», хотя, по сути, оно много сложнее, глубже и являет собой чуть не стоявшее мне рассудка отчаяние чужой души. Прием детализированный и подробный, многослойный: события, ощущения, даже крупные фрагменты памяти, ассоциации. Перехватил Крик сам наш мир, Релат, и я оказалась своеобразным приемником-громоотводом. Даже не обуглилась, не надо так переживать. Лучше уж ты мной гордись: самая одаренная ясная снать в подходящем для сброса сигнала районе... Лимма ведь была в отъезде?

– Гостила у императора Анкчина, на открытии филиала лекарей Акада. Вернулась утром, как раз к переполоху.

– Так я и думала. Поэтому именно мне и спустили его, а в Крике я разобрала недоступное мне, снави, и вам, айри. Не только картины и образы, но и полноценные мысли, оформленные в слова – на вашем древнем языке. Кстати, произношение малознакомое, очень старое и без принятых теперь сокращений. Итак... Там была ночь, в небе ненадол-

го парадом выстроились четыре цветные луны. Мелкая, багровая, впереди, следом зеленовато-лимонная, вполовину нашей по ощущениям, затем блеклая с синевой, процентов на двадцать крупнее нашей, и замыкала процессию совсем темная. Я не возьмусь описать ее цвет, он за пределами моего нормального восприятия – нечто за-фиолетовое, хоть тогда, чужим взглядом, отчетливо видела. Он был волк, но признавала я его как одаренного человека...

Говорить пришлось долго. Эл, видимо, не только писал, но и транслировал. К концу рассказа в палату набежали наши замечательно молодые на вид академики-айри и солидно седобородые академики-люди. Не знаю, что они услышат на записи потом, кроме себя самих, сопящих, топающих и бубнящих скороспелые комментарии в спину уже определившихся оппонентов.

Боги Релата добры: очень давно академики не носят посохов. В начале нашей истории науки посохи были, они теперь выставлены в музее. Дубовые, резные, украшенные камнями, золотом и еще невесть чем. С родовыми гербами у знатных людей и точеными скульптурами драконов в прозрачных шарах раннего примитивного слоистого пластика у айри: вся красота, кстати, ловко стилизована для удобного удара. Таким шаром по голове огребешь – и сразу изменишь точку зрения. На горизонтальную от пола, ага.

Прежде, по слухам, на особо глубоких закрытых диспутах

и старцы, и юноши азартно дрались, а потом неделями «отдыхали на море» до полного осветления синяков... Массовое побоище зафиксировано в архивах – это легенда Академии, одна из старых и памятных, ей уже сто тридцать лет, и до сих пор она передается в деталях изустно, поскольку айри тогда проиграли, а они, долгожители наши, все по-прежнему живы и преподают, так что распространять и собирать слухи – дело опасное.

Кстати, мой декан посох не сдал. Хранит как реликвию. У него «укороченная модель повышенной убойной силы убеждения», по словам вреднящего Риана. И правда, скорее, жезл. Увесистый, с металлическим оголовьем красивой чеканки. С секретом: поворот шероховатой рукояти – и у нашего боевого декана уже обе руки вооружены. Сердечник жезла выходит из трубки, получается трехгранная и чуть заостренная снизу палка с удобной рукоятью. Я рассмотрела оружие с опаской и как-то сразу решила: декан был в диспутах силен.

В общем, вернусь к теме: состоялось памятное «бурное обсуждение» при обсуждении унификации систем счета и мер. Айри пытались отстоять свое и ратовали за восьмеричный счет, куда более для них привычный. Айри было мало, людей много, при том некоторые предлагали свои локальные системы мер и весов, прижившиеся издревле в их местности. Итоги побоища куда более значительны и серьезны, чем перечень травм и синяков. Айри, по слухам, затаили злобу на

Ялитэ, довольно быстро принявшего сторону людей из вполне объективных соображений и ставшего, в итоге, не временным, а бессменным директором Академии. Еще сильнее они были в обиде на Эллара, недоросля (ему и было-то едва за сто двадцать лет в тот момент), получившего окончательно звание декана из рук тех же людей и слишком уж успешно оборонявшего их предложение. Ходят слухи: он кому-то там из своих что-то крепко сломал или проткнул. А может, и то, и другое. В результате, потом долго сидел в Академии безвылазно, пока Риан все не утряс. Вот уж точно: этот и без посоха опаснее огнедышащего монстра из сказок!

Люди и айри тогда едва не рассорились всерьез. Но, по счастью, еще жив был Най, вполне непререкаемый для людей, ведь его роль в окончании последней войны зрима и велика. И жила еще в мире его жена, моя трижды прабабка, Ника-Тиннара, безусловный авторитет для айри, поскольку четыре с лишним года просуществовала в образе дракона, и – страшно сказать! – видела нашего Великого лично. Именно она, кряхтя и задыхаясь, воспитала всех без разбора, помирила и потребовала изъять у дурней посохи.

И вот – результат. Пихаются локтями и шумят, но все вполне здоровы. К тому же теперь, если бы они пошли в драку, разобрать, кто на чьей стороне, я бы не взялась. Вот хотя бы мелькнувший рядом айри Ниэст: его толкают в спину свои, а прикрывают – люди. Сжились, нас теперь делить трудно.

Молчали в общей буре голосов лишь оба наши директора – как заведено с основания Академии, – человек и айри. Нехорошо молчали, со знанием темы. Когда рассказ кончился, айри Ялитэ посоветовал мне отдыхать и набираться сил. А Гимир ворчливо пригласил коллег остепениться и покинуть палату больной. Потом нехотя буркнул, чтобы «декан Эллар зашел к нему в кабинет и изложил соображения».

Меня они вообще сочли мебелью, наверное. То есть лежи и не дергайся, на иное не годна. Эл улыбнулся ободряюще, пообещал вернуться к вечеру – и исчез.

На три дня!!!

Я лежала слабая и обиженная, потому что болеть скучно, а болеть без свидетелей и сочувствующих – это смертная тоска. Попробовала встать, оказалось непосильно. Убедилась с огорчением, что меня надежно избавили от экрана и книг – напрягать глаза вредно. Расстроилась, сердито отодвинула кувшин, тем наказав его за отсутствие Эла, и взялась сверлить взглядом двор за окном. Во-он там, напротив, через полянку, главное здание деканата технического Акада, владения Эла. Бюрократ! У него отделений развелось – память ноем заучивать. Многие покушались развалить слишком уж крупное образование, но приглядывались – и тихонечко отползали в сторонку. Тот объем работы, который тянет в одиночку уважаемый Эллар, никому не нужен. Надо договариваться со знатью и Управителями, выбирать и поддерживать перспективные направления, делить ресурсы и время, отби-

ваться от желающих пристроить своих людей и не-людей, менять программы обучения, вести кучу собственных кусков, воспитывать любимчиков и будущих преподавателей...

Зато идти ему до моей палаты недалеко, чтобы больную проведать.

Лежу, и нет ему дела до меня, потому что ничто и никто мне не угрожает. Вот если бы хоть ногу сломать... Года два назад он умудрился пересечь поляну с рекордной резвостью. Это когда его очередной любимчик защищал квалификационную работу на должность руководителя направления одного из филиалов. Труд был по нестандартным методикам спуска высотных пилотируемых модулей. Вроде все про нас с деканом знают, но самым языкастым я шеи начистила, и теперь сплетен поубавилось. Может, потому что этот, учившийся не здесь и работавший в степи безвылазно несколько лет, не знал и додумался, дурак, ляпнуть...

Мол, есть и совершенно уникальные случаи. Буквально пару дней назад пилот группы МД – макета двигателя для выхода на высокие орбиты – одаренная, выжила при катастрофе двигателей, сформировав своей силой дара сложной формы стабильный воздухоток, подобный «подушке», который и погасил основную энергию падения, всего-то пара переломов да несколько ожогов, и это из верхних слоев атмосферы, хотя системы безопасности модуля... Эл мягко уточнил в вязкой тишине, все более смущающей молодого докладчика, имя пилота. Аккуратно сложил мантию на кресле

и рванул в окно. Там был второй этаж, для айри уж вовсе не высота. Я сидела в пустой аудитории напротив, на четвертом, как красна девица из сказки, ведь ожог со щеки еще не сошел, и зубрила у оконца анатомию. Переломы Лимма срас-тила, но болели они нещадно. Можно понять, сколь интерес-на в моем тогдашнем положении была третья глава – «стро-ение скелета»... Все снави обязаны получить лекарское об-разование, таков закон.

Его страх и боль за меня, пострадавшую, я почуяла сра-зу – так что видела и прыжок, и стремительное преодоление лужайки, и взлет по вертикальной стене: декан добрался до красной девицы без всяких сказочных крылатых лошадей. У любого айри есть когти, надежно спрятанные в межпаль-цевые кармашки. Я до того дня и не знала, как безупречно Эл ими умеет пользоваться. Перемахнул подоконник, замер, глядя на меня, и потом тихо обнял. Правильно я ему ничего про тот случай не хотела говорить. Обошлось – и ладно.

А теперь три дня – ни слуху ни духу!

Может, собраться с силами и попробовать сознание поте-рять? Не с моим здоровьем, кто поверит! А тетка еще дога-дается сказать Риану. И наш отшельник меня живо воскресе-сит, он симулянтов не уважает. Ко мне вообще придирается по сущим пустякам, я же родная, не имею права на дозво-ленные иным слабости.

Вернулся декан, как и говорил, к вечеру, правда, третье-го дня, но в таком беспросветно измотанном виде, что я не

только отказалась от придуманных со скуки претензий, но даже прикинула, как выигрышно на его фоне буду смотреться в возрасте лет эдак ста. За время отсутствия Эла я отменно отоспалась и отъелась, нервы опять канаты. Почти. Ну как на него смотреть, черный же весь! Усадила на кровать, под бурные протесты сняла усталость и пролечила головную боль. Ага, щас, он боится, я в обморок рухну! Да первым туда свалится... И коварно усыпила. Знает ведь, со снавями связываться – покоя не знать. Великий дракон дар отмеряет, как любит шутить Риан, «чистым сердцем и тронутым разумом». Хотя другие едва ли согласятся всю жизнь заниматься чужими бедами: безотказно, бесплатно, до полного истощения сил. У меня сил много, меня минутной мигренью не проймешь. Утром разберемся, на две свежие головы.

И разобрались.

Он провел меня в пустой директорский кабинет, хозяйски отомкнул хитроумные замки сейфа и не глядя бросил за спину янтарный шарик. Я всегда ловлю, отменная реакция у нас фамильная. Еще от трижды прадеда Ная, человека редкостно мирного и уживчивого, поскольку доводить его – себе дороже. О чем говорит хотя бы прозвище трижды-пра: «белоглазый демон». Ная мой обожаемый наставник Риан поминует по всем поводам и без таковых. Наверное, потому что считал едва ли не сыном, а я на него чем-то похожа – светловолосая, загорелая, светлоглазая. Отталкивающая внешность, это мнение многих. Им в мои слегка бешенные сереб-

ряные глаза смотреть, видите ли, неприятно. У одаренных не слишком приятный взгляд: он ощутимо давит, когда мы хотя бы немного читаем сознание собеседника. Вообще читать не принято, но порой сдерживать себя сложно. Многие заранее усердно закрываются и от нас прячут взгляд. Добавим к сказанному: у меня и репутация соответствует взгляду. Я женщина слабая, незащитная, со мной всерьез и до прямого конфликта уже давно никто не связывается, лет шесть. Был случай. Неприятный. И я до сих пор не решаюсь уточнять у Ялитэ, выжил ли тот айри, поскольку додавить мразь стоило, но сознавать себя убийцей я не желаю. А директор молчит, мир айри – очень сложный и закрытый, они слишком долго живут и слишком иные, чем люди. Кроме Риана, он-то понимает и их и нас. Старейший удивительный, самый добрый и, порой, очень жесткий в решениях. Я у него на воспитании оказалась с четырехлетнего возраста, родителям все было недосуг, ученые – люди странные. А потом их не стало. Так что синяков я набралась на тренировках с оружием и без – по полной программе, и жаловаться оказалось некому. Впрочем, я наловчилась жаловаться Риану – на Риана. Он привык.

В общем, никто о том скандале шестилетней давности ничего не должен знать, дело глубоко секретное... то есть все в курсе, у нас же Академия – здесь стены проницаемы для слухов. Вот и говорят, что глаза у меня неприятные, слишком давящий взгляд. У трижды прабабки были зеленые, очень

красивые, по словам Риана. И она умела смотреть на мир и людей легко и открыто. Но мне от нее досталось только истинное имя. Хотя теперь традиция давать ребенку два, для семейного круга и внешнего мира, уже умерла, у меня оно единственное, и для близких, и для чужих – Ника.

Янтарный шар в моих руках – явно из архива древних айри, живших в горах. Еще до того, как им пришлось спуститься и признать, что люди вполне разумны и как соседи неплохи. Шары такого возраста пока читать умеют лишь сами айри и еще мы, Говорящие с миром, то есть сnavи. Я и создавать умею. Не такие, янтарно-красивые. Попроще на вид – клубочки из воспоминаний и опыта. Это не технология айри, а «дикое знахарство», как сердито бубнят наши академики. Любая ясная сnavь способна делиться с другими, мы всегда это умели. Айри тоже мотают клубочки. Немногие, в основном друзья Риана, у которых души потеплее, без эдакой драконьей холодности-избранности. Мой Эл клубки делает бесподобно, он очень организованный.

А вот оборудование для универсальных и общедоступных записи и приема мыслеобразов погибло, новое наши умники пока никак не отстроят, «у опытных образцов помехи безобразны», заметил как-то едкий Эл.

Этот шарик вообще довольно необычный. Его содержание – не размышления или знания. Он лишь предоставляет возможность вместе с первым наблюдателем внимательно изучить документ, напечатанный на древнем наречии айри. Я

их язык знаю, так что вполне читаемо. Только нудно, слова у древнего – по десятку слогов самые коротенькие. Посмотрим...

Проект «Технобог»

Цель

Восстановление полноценного уровня восприятия мира утратившими крылья айри в широком диапазоне частот и энергий волн: цветность по всему спектру, ночное, подводное и прочее зрение, дальное– и макро–видение; тонкое тактильное восприятие; звуковая чуткость, так называемый звериный нюх, полнота работы вкусовых рецепторов. Возможно дополнительно – развитие сверхспособностей: регенерация, чувство опасности, высокая толерантность к неблагоприятным условиям жизни и агрессивным средам. В отдаленной перспективе – восстановление второго облика, драконьего, либо аналогичного ему.

Описание работ

Выведение подопытного вида короткоживущих – условное название «волбеки», – объединяющих лучшие качества исходного материала и способных существовать в обоих своих обликах, меняя их сознательно. Основа: так называемые люди (или человеки) и мутировавшие волки. Виды выбраны, исходя из внешнего и генетического сходства первых

с утратившими облик драконов айри и тонкости чувств вторых, дополненной отменной выносливостью. Позитивным фактором считаем стайность волка, облегчающую контроль популяции и быстрое падение уровня сознания до примитивной культуры, в перспективе – фактически бессловесной. В качестве сырья взяты модифицированные волки с массой тела взрослого самца в $2/4 - 2/6$ эгран...

Я тупо уставилась на незнакомое слово. Ага, они же считали тогда иначе... получается, вроде бы, сто десять – сто тридцать килограммов... Это если я ничего не путаю, само собой. Ладно, декана выпотрошу, он-то точно знает!

Что там дальше? Пока дышим и не нервничаем, просто дочитываем.

...длительностью жизненного цикла не менее $2/0/0$ лет...

Вот мало их били посохами! Опять эта хрень с собственным летосчислением айри! Как же они считали-то, помоги Великий сообразить! Промучившись с этими их восьмिकाми, я пришла к выводу, что по-людски тут должно быть написано: сто двадцать восемь лет. Ладно, сочтем себя умной, найдем полку с пирожками и вознаградимся. Потом.

Я вернулась к чтению документа, далее ловко подменяя чужие значения их близкими аналогами из нашей современной системы тех самых мер и весов. Итак, не мене ста тридцати, грубо говоря, лет...

... усовершенствованными органами чувств. Итоговая совместимость доноров по основным параметрам дает основания рассчитывать на успех гибридизации. Стартовые генокарты обоих видов прилагаются, как и программа гибридизации.

Плановая протяженность

Первый этап. Промежуточная задача – достижение стабильного генокода нового вида с постоянным контролем потомства, пополнением материала и отбраковкой. Не менее пятидесяти-семидесяти поколений, после четвертого десятка без ускорения роста детенышей, влияющего на их развитие. Начиная с двадцатого-двадцать пятого стабильного поколения необходим выборочный контроль за процессом возрастных изменений, требующий содержания наиболее ценных единиц до их естественной смерти.

Примечание: Дополнительный рабочий геноматериал должен быть собран заранее. Хранение в неактивной фазе резерва, использование по факту необходимости.

Второй этап. Выявление механизмов формирования различных уровней восприятия органами чувств двух обликов, оценка возможности, формирование технологии и апробация обретения полноты восприятия мира в первом поколении без патологий – так называемое второе рождение. Прогнозировать затраты времени сложно, поскольку будут задействованы многие необъективные и

неизвестные факторы.

Сроки и место проведения

Замкнутая система, желательна стопроцентная изоляция от подобных видов. Тип «Скальное гнездо».

Программа с точной датировкой прилагается.

Я устало откинулась на подголовник кресла, безгласно оттолкнула шар, заполненный старыми, местами будто истертыми, нитями памяти, и зло выдохнула.

У нас игры с генами разумных под полным запретом, да и прочее строго контролируется. Директор Ялитэ давно пытается усилить генное направление, там есть интересные перспективы, но мы – в смысле, с нами – против. Тетушка Энзи упрямо посещает все заседания по новым темам работ и, лениво прикрыв веки, ликвидирует девять из десяти. Как-то ее не позвали, надеясь на чудо: не узнает и все обойдется. Ага... Без чуда не обошлось. Бедный наш розовод, который совершенно ни при чем, лишился нового гибрида, тотально неустойчивого к крупному граду. Розу Лимма выходила, а академиков-заговорщиков ласково так, почти нежно, пообещала удавить. И ей поверили, теперь приглашают первой, с посыльным конверт доставляют, во избежание проблем. Она принимает, посещает, выслушивает и снова запрещает, своим замечательно тихим и мягким тоном поясняя причины: рано, нет механизмов контроля, нет модельного потенциала, велики побочные эффекты... Лимма редко ошибается. Ди-

ректор Ялитэ знает, но оттого страдает не меньше. Он отчетливо видит перспективы, а мы, по его словам, лишь смутно чуем проблемы. Которые уже где-то, оказывается, во всю развиваются.

Две сотни лет люди и айри живут одним домом, а скелеты в древнем шкафу не переводятся... Их по-прежнему ловко маскируют и хранят впрок. Как и то происшествие со мной, так и не получившее огласки и ясного разрешения. А мне оно могло стоить жизни, пришли-то тогда убивать. Не знали, насколько я Риану родная и как долго и безжалостно у него воспитывалась. Обычный человек для айри не соперник один на один. Они сильнее и куда быстрее, у них зачатки чутья и дара, позволяющие ощущать намерения противника. И отменные когти, я на своей спине проверила. А еще у этих подлых ящеров – огромный опыт, накопленный за многие века.

Ох уж эти айри... почти Вечные, мудрые, отрешенно спокойные и одновременно холодные, расчетливые, высокомерные и жестоко тоскующие по своей прежней жизни. Еще бы! Быть неодолимым и яростно-веселым драконом, самой красивой и правдивой сказкой нашего Релата. Ощущать мир во всей его полноте пару-тройку веков – и, подобно бабочке, нимало не похожей на гусеницу, сбросить прежнее могучее чешуйчатое тело, в одночасье остаться на плоской грустной земле бескрылым, жалким, слепым, глухим, убогим. «Получается, вовсе не из гусеницы в бабочку, а наоборот», – усмех-

нулась я.

Пока Великий дракон, полубог мира Релата и единственная общая легенда людей и айри, не решил, что пора его родичам жить в долинах, те людей ставили немногим выше скота. Собственно, айри и спустили с гор за излишнюю заносчивость и замкнутость на своем величии. Но чтобы писать и думать так?

Понятно, отчего шарик с древним проектом хранится в особом сейфе директората Академии. Такую правду принять смогут далеко не все. Я вот сгоряча с наслаждением бы врезала за всех уродов с длинной жизнью так удобному сидящему на расстоянии одного движения и виновато вздыхающему – как его там целиком? – Пэйлитаринэллару, кажется. Бедные ученики по полгода тратят на зубрежку имен наставников, чтобы к тому времени их успешно сократить до прозвищ. Эл на свое суперкороткое не обижается. Впрочем, сегодня не его очередь требовать извинений. Хотя и отвечать за убожество древних айри он не может, разве это честно?

– Ты их хоть знаешь, этих ваших генетиков недобитых? – вздохнула я, смиряя тон до брезгливо-расстроенного. Может, есть кого по делу отлупить? Не зря я лучший пилот, до моего уровня реакции айри и те не дотягивают. Кроме Риана, рядом с которым я чувствую себя медлительной неумехой.

– Нет, конечно, – Эл с облегчением пожал плечами, понимая, что гроза прошла стороной. – Не застал, этой записи

четыреста семь лет по датировкам. Я тогда еще умел летать, если помнишь. Теперь уже неделю нудно и длинно выясняю детали у каждого айри, поголовно. Нас не так много, и все до единого не знают ни-че-го. Их, недобитых, как ты замечательно определила, судя по всему, вообще нет на Релате. Были, вроде даже имена всплывают. Многовато пропавших для нашего замкнутого мирка бескрылых драконов, чтоб скрыть следы полностью. Но – сгинули. Никто не помнит – куда, когда, каким образом. Ясно лишь, что пришлось все безобразия на время отсутствия Великого в мире. То есть в две последние сотни лет до нашего спуска с гор. И что они не вернулись.

– Ладно. Этот вид, волвеков, они собирались заселить туда, где условия не слишком хороши?

– Они собирались вернуть себе абсолютное зрение и прочие радости жизни «настоящего» дракона, – нехотя буркнул Эл. – Я тоже не знаю, что это за цвет: за-фиолетовый, хотя прежде его наверняка наблюдал, еще будучи крылатым. Когда ты сказала, даже поймал кусочек образа и почти вспомнил. Очень красиво. А как поступают мои родичи с использованным подопытным материалом – догадайся сама.

– Что сказал Риан? – Вот уж единственный настоящий, живой и не тоскующий о прошлом айри. Его мнение считалось неоспоримым не только для меня, но и для Совета.

– Он убежден, что если проект «Технобог» и запустили, то сделали они это не на Релате. Великий бы, вернувшись,

их живо вразумил, он и мысли-то такие терпит с трудом. А уж дела... В общем, отбыли тайно и почему-то не вернулись, вестей о себе не подали.

– Куда – прикинул?

– Так и вариантов нет: сама видела-чуяла четыре луны, стабильная планета нашего типа, близкая по массе и даже имеющая остатки атмосферы, – он почти сердито нахмурился моей недогадливости. – Слушай, а кто тебя, такую безнадежно малограмотную, экзаменовал по астро...

Он знал ответ.

Я даже прикрыла глаза. Приятное воспоминание. Весной мы только-только помирились, год не разговаривали после моего решения стать пилотом-испытателем МД, взбесившего обычно спокойного Эла. Как раз разбился один из наших ребят, и декан ходил сам не свой от ужаса: вдруг и я сгину? Надавил на управителя верфей Ринтэя, и мне отказали, якобы по здоровью. Я выяснила реальный повод и второй раз разгромила деканский кабинет, потом еще и Риан примчался, всех отлупил... Мне разрешили летать. С полгода я гордилась собой, а потом сил задирать нос не осталось. Этот черноглазый бессовестно не звонил и не появлялся. Зачем? Ему регулярно отсылал записи сам управитель. И со стартов, и случайные, любительские, с нашего отдыха, всей пилотской группой.

К зиме я уже ревела в подушку, чувствуя себя оконча-

тельно брошенной. Сдавать проклятую астрографию явилась полуживая. Дисциплина сложная – включает астрономию, звездную навигацию, кое-что из основ физики и ряд иных разделов. Из-за серии тестов МД мне разрешили пропустить два семестра лекций и сдать все необходимое по программе экстерном. Этот интриган умудрился назначить мне иное, чем прочим, время, ждал с самым своим деловитым и безразличным видом. Глянул на часы, сердито сообщил, что я очень некстати: разве что на ходу проэкзаменует нерадивую, ни разу не являвшуюся на занятия. И пошел. Я топала следом, красная и несчастная, почти как в день первого знакомства. До мобилы. В полете все еще что-то нелепое твердила про звездную навигацию. А этот ящер молчал и шурился, весьма успешно пародируя манеру Риана.

В общем, мы уже стояли на веранде, когда я устала бормотать и исчерпала свои довольно скудные сведения по теме, особенно невпечатляющие для имеющей возможности прямого обучения через шары айри. Я очумело осмотрелась: насыпной остров в гавани Римаса, самый дорогой вид нашего побережья, потому что ни один иной закат с ним не сравнится.

И перепутать нельзя: сама часами рассматривала у Риана картину. Живое золото осенних кленов, багровый виноград, черепица крыш, белоснежный древний замок. Эл знал, что я всегда хотела увидеть оригинал, но остров невелик, и попасть на него очень сложно. Это владения князя провинции

Ирнасстэа, куда допускают исключительно по его личному приглашению.

Эл вообще обо мне, кажется, знает все. На картине была осень, а он предложил мне весну, и она оказалась еще лучше. Тысяча оттенков молодой зелени в закатном свете, делающем ее цвет невообразимо ярким и радостным.

И он еще смеет спрашивать, кто меня экзаменовал!

– Ты, – довольно вздохнула я. – Как сейчас помню. Вечер, свечи, белое выдержанное вино дома Тэлия, тишина. Самый симпатичный декан Академии на коленях, мечта любой студентки. К утру я согласилась...

– У меня провал в памяти? – приятно удивился айри, бесцеремонно хватая и рассматривая мою руку. – Вроде то кольцо ты в море еще вечером отправила, о упрямейшая из нерадивых студенток.

– На оценку «хорошо» я согласилась, а кольцо с большим трудом, но утопила. Ладно, давай вернемся к волвекам. Что нам всем делать-то?

– Совет Академии сейчас как раз решает, – медленно выдавил Эл.

Понятно. Пока меня занимают шариками, они там все и обсудят, и заболтают, и засекретят. Дабы не рушить межрассовый мир. «И, если разобраться, уважаемые господа... – я прямо услышала рассудительный и авторитетный тон дирек-

тора Ялитэ, нашептывающего мысли, — к чему нам монстры? Жили спокойно и дальше волноваться не станем...»

Волвеков объявят плодом моей больной фантазии или неразумными мутантами. Я бешено оскалилась и выскочила в коридор прежде, чем бедный мой айри успел обернуться. Впрочем, он явно дал мне фору. Ничего, догонит, я его знаю. Но остановит вряд ли.

Во-первых, он и сам не в восторге от осторожности Совета, а во-вторых, в таком состоянии я слишком опасна для попадающих на пути, и не зря он меня нацелил на Совет. Моему трижды прадеду было хорошо за семьдесят, когда князья осмелели и решили назвать именем моей трижды прабабки исследовательский корабль, первую подводную лодку нашего мира. Уродство, более всего похожее на разросшуюся до неприличия винную бочку, ее до сих пор хранят в музее, пугая впечатлительных студентов. На дощатом борту собирались красочкой написать «Ника». Ужас... Не знаю, что было бы с рыбами, если они смогли прочитать там «Дельфин». Зато точно известно, что было с учеными. Говорят, Най их так вразумил, что его имя до сих пор поминают в Академии только шепотом. Да и на мое, понятно, от кого унаследованное, кривятся, как на отвар аира с одуванчиком, приправленный хиной. Ничего. Ничего... Я уже отучилась, и мой декан на это имя всегда реагировал иначе. Эл позади усердно отставал, но демонстрировал для случайных свидетелей поспешность и мысленно просил меня не выходить из себя

сверх меры, не разобравшись.

Интересно, Лимма там? Если да, можно разворачиваться и ни о чем не беспокоиться. У нее замечательная способность добиваться от любого Совета всего и фактически без боя. Куда им против нашей львицы! Энзи – самая талантливая из живущих сейчас одаренных, и едва ли найдется на Релате хоть один человек или айри, не знающий ее имя. Владения Эла последнее время на основной территории не прирастают, а лекарский Акад буквально пухнет год от года. Как же не познакомиться с деканом Энзи, спасшей нас от стольких напастей?

Прежде остановить черный мор удавалось лишь ценой огромных усилий и потерь. Когда Энзи взялась за дохленький лекарский Акад, практикующий примитивное траволечение и похожую на пытки хирургию, вокруг многие «умники» твердили – сnavи от века безнадежных лечили, и менять ничего не надо, живем же. Живем! После мора полувековой давности степь голодала два поколения. Лихорадка выкосила двадцать семь лет назад едва не половину жителей земель Анкчин, к югу от хребта Ака, пока сnavи добрались туда в достаточном количестве и смогли хоть что-то сделать. Энзи именно там вычерпала себя до дна и долго не могла даже ходить. Злые языки шипели: взялась за Акад, утратив дар, чтобы чувствовать себя значимой и уважаемой. И разом замолчали, когда похожую волну лихорадки на юге удалось погасить за пару месяцев. Одаренных там было всего двое,

плюс три дюжины студентов, совсем молоденьких и неопытных учеников Энзи из лекарского Акада. Тогда мир впервые услышал про сыворотки от моровых болезней. Конечно, в этом успехе основа – знания айри, извлеченные из архива и пущенные в дело. Но извлекла-то она, и наладила работу – она, и добилась того, что сейчас у нас достаточно много вполне оригинальных и сильных собственных разработок – тоже она.

Теперь уже наши неугомонные «доброжелатели» зашептали, что как раз снави больше не нужны, пора ограничить их непомерные полномочия. Мало кому по душе наше право отменить любое решение любого Совета, пусть даже применяемое крайне редко. Твердили, что дар непредсказуем, Говорящие с миром капризны и самолюбивы, а наука – наше светлое и близкое будущее. Но львица уже набрала силу и научилась давить таких как мелких насекомых.

Она созвала единственный на памяти моего поколения Большой круг. Это своеобразный высший орган управления Релата, объединяющий все его значимые силы, ресурсы, народности и территории. Собрала и объяснила на понятных примерах, каковы возможности врачей. И в чем они и инженеры никогда не заменят нас, Говорящих с миром. Доказала, что наука и дар не противоречат друг другу, лишь позволяя подавляющему числу одаренных не умирать ради спасения жизней других задолго до старости, а приносить неизмеримо большую пользу.

Именно пятнадцать лет назад был принят закон об обязательном полном лекарском обучении для всех сनावей. И мы действительно стали меньше гибнуть и даже получили возможность выбирать себе профессию. Не будь Лиммы, я не смогла бы стать пилотом, носилась бы по диким краям, гася вспышки мора и выматывая себя. И первого орбитального двигателя не было бы, потому что вся группа пилотов – одаренные сnavи и айри, пока только у нас хватает скорости реакции для управления чудовищно нестабильным прототипом и чутья, чтобы его вовремя покинуть перед катастрофой. Да мало ли еще чего мы не получили бы... Хоть тот же пилотский костюм, одна из первых оригинальных идей людей, восхитившая даже айри.

В общем, если Лимма в зале, – я буду тиха и ограничусь банальным детским подслушиванием. На пару с деканом, само собой. Так что створки зала – нет, не надейтесь, – вовсе не ударили в стены с грохотом. Я лишь тихонечко и воровато прижала ухо к щели, одновременно обшаривая зал чутьем. Кстати, шаги декана удалились. Ох, многовато он мне недоговорил! Главное – он умеет. Знаю его, чую, мы почти единая душа, и все равно этот тип умудряется плести интриги без моего ведома. Потом и с ним разберусь, а пока... Слух сnavи гораздо более чуток, чем у любого бездарного. А Лиммы-то, кстати, в зале нет. А она, между прочим, как уже сказано, академисса и декан лекарского Акада и член Совета!

– ...таким образом, ресурсы и технологии не на нашей стороне. Кроме того, речь идет о генетически мутировавших уродах, а не о людях или айри. Едва ли можно идти на крайний риск ради несформированного вида, разумность и жизнеспособность которого под большим сомнением. Обнародовать без изучения произошедшее слишком рискованно, поэтому необходимо отложить любые активные действия до окончательного прояснения ситуации. – Директор Гимир сделал внушительную паузу. – Прошу ознакомиться с итоговой резолюцией. Время дорогое, мы по общей готовности переходим к голосованию. Пяти минут хватит?

– Полагаю, все уже прочли, – ускорил график еще сильнее Ялитэ. – Начнем?

Я медленно кивнула. Ну, и в чем я ошибалась?

Могу поспорить, что Эл меня направил сюда, точно рассчитав время. Я же женщина слабая, беззащитная, взгляд у меня приветливый, полчаса Совет уж точно могу морочить без особых усилий. Зачем ему эти полчаса?

Створки дверей с хрустом вмялись в стены, пропуская меня и стонущим вихрем сходясь за спиной. Невежливо и очень эффектно. Какая тишина установилась! Чего я и добивалась, собственно. Скромно потупившись, прошла к первому столу и села на пустующее место, просматривая на ходу утянутые из-под руки незнакомого пожилого академика листки «резолюции». Еще бы, ни одну из нас, сनावей, они

позвать не решились.

Оба директора усердно проигнорировали меня. Уткнувшись носами в бумаги, они бегло проглядывали листы и переворачивали их. Интересно небось почитать то, что недавно сами и написали? Может, обнаружат пару забавных ошибок на первой же странице. О, Гимир заметил опечатку, он терпеть не может небрежности и теперь молча страдает, щекоча ногтем «палнету». Надеется, буквы не устоят и сами перепрыгнут на нужные места?

Прочие даже не пытались скрыть любопытства, разом согнавшего с Совета сонливость. Все же удачно, что теперь не ходят с посохами.

Я неспешно читала, доводя директоров до белого каления. Увы для них, это мое право снани – выяснить, что за решение готовится на Совете.

– Вы удовлетворили свое любопытство? – почти сердито рявкнул Гимир, огорченно убедившись, что «палнета» к щекотке устойчива. – Нам всем приходится ждать одну нерасторопную девчонку! Это минимум невежливо.

– Хочу выразить свое скромное удивление в связи с отсутствием Говорящих с миром на этом Совете, – мягко посетовала я. – Это и вызвало заминку, нельзя ведь что-либо решать до прояснения обстоятельств. Конечно, не в моих силах заменить старших и опытных, но, увы, другого выхода сейчас нет. К тому же, я единственная восприняла и считала

Крик души неизвестного нам создания. Могу отметить сразу, что волвек был не зверем и не уродом-мутантом, вполне отчетливо воспринимался как разумное и страдающее существо. И свое состояние я не готова признать неадекватным, как следует из вашей резолюции. Но я готова уточнить все детали, если это необходимо. Подробно.

– Мы не принимаем решений, потому и не сочли необходимым... – Ялитэ явно с большим удовольствием выпил бы бутылочку-другую уксуса. Концентрированного.

Многострадальные створки повторно грохнули в треснувшую штукатурку стен. Наша добрая лекарка справилась не хуже меня. Правда, я руками, а она – силой дара. Безмятежные бирюзовые глаза обещали яд, а не исцеление. В хрустальной тишине, не замутненной даже слабым вздохом, Лимма грациозно процокала на своих обычных невозможно высоких каблуках к соседнему с моим креслу, из которого богами явленным способом, без звука и мгновенно, рассосался секретарь Совета.

Удобно устроилась, уютно откинувшись на еще теплую спинку. Величаво обвела взглядом Совет. Дивное платье под цвет глаз, а фигура точеная и восхитительная настолько, что этих самых глаз не отвести. Хотела бы я так выглядеть в пятьдесят с лишним! Хотя мы, арагни, долго сохраняем молодость, но куда мне до нее... Надо все же научиться носить платья и заполучить в гардероб парочку. Может, тогда декан

меня отвезет и на скалу у берегов Таира, южного острова Архипелага, где лучший на побережье рассвет? Островок принадлежит Гарту Бэнро, кормчему Индуза, у них с деканом не просто теплые отношения, а настоящая дружба, редкий для знати случай. Впрочем, Бэнро вообще замечательный древний род. Пригласит, надо только подумать усердно и повздыхать. У Эллара неисчерпаемый запас колец нужного размера и достойное куда более взрослого дракона терпение. Я хоть и трепыхаюсь, но уже наверняка знаю, кто из нас упрямее. И кому без этого черноглазого выть постоянно хочется.

Удрученный Ялитэ уронил голову на руки. Второй директор нахохлился, утопая в воротнике и вцепился в спасительные бумаги. О, нашел еще ошибку в титульном листе, скривился, перевернул.

– «Резолюция Со-света...» – прочла, как есть с ошибкой, на титульном листе златовласая академисса, успевшая на ходу отобрать листки у кого-то и теперь добивающая Гимира. – Ничего, пара красивых ошибок всегда найдет себе местечко. С этого света резолюция, как вам кажется? Так я ее похороню. Не сразу, почитать ведь надо для соблюдения протокола. О-о-о, какой изящный слог! Сам писал, рученьки свои трудил, наш вечно юный интриган и перестраховщик. – «В связи с неполнотой и бессвязностью видения, более похожего на бред переутомленного полетными перегрузками и избыточными тренировками сознания... малопонят-

ные указания на место и общая фантастичность картин... недоказуемость наличия потенциальной возможности приема на расстоянии...».

– Это черновик, – не выдержал бледный перестраховщик. Я с наслаждением отметила, с каким огромным трудом он подавляет защитный рефлекс айри – выброс когтей при угрозе жизни. Позорный животный инстинкт, так считают многие и, наверняка, наш воспитанный директор.

– Я просто зачитываю вслух, – промурлыкала она совсем нежно. Тоже заметила! – Забавно: место зарождения Крика неизвестно, а расстояние до «палнеты» указано весьма точно, и даже в динамике, на момент приема и текущее. В спешке все готовилось, да? Столько дел, даже приглашения на Совет не до всех своевременно дошли. Впрочем, с Говорящими такие оплошности не опасны, мы внимание ощущаем кожей. И издалека, дорогой.

– Уважаемая коллега, мы рады, что вы нашли время в своем плотном графике и откликнулись на наш торопливый вызов, – попытался бодрым тоном исправить ситуацию Гимир. Зря он, я еще промолчу по молодости, а наша львица...

– Ах, пустое! – Беззаботно рассмеялась она, снова потягиваясь в кресле и пощелкивая по столешнице радужными накладными ногтями устрашающей длины. – Случается порой и куда большая спешка.

«Заранее знала», – окончательно поняла я. Не могла прий-

ти раньше, и дала им поиграть в Богов. Меня подсунули сюда из-за риска ее опоздания. Те же мысли я прочла в усталой морщинке на лбу Ялитэ. Ох как все интересно, и без Эла не обошлось, я из него подробности вытрясу, не отделаюсь от разговора. Он этим «немного занимается», он, так сказать, почти в курсе, что гвардия точит ржавые алебарды. Редкий случай: Ялитэ моему декану учитель, у айри это святое звание, и пойти против него – значит, решиться на крайние меры. И у них точно есть целый план действий, уже запущенный и работающий.

Почему знаю? Энзи не только славь, но и бесподобный хирург, ногти всегда стрижет под корень, значит, не для нашего жалкого Совета так вызываясь расстаралась. Послушаем!

– Я поставила в известность Большой круг. Поэтому все, собственно, уже могут покинуть зал, кроме директоров и Ники. Круг назначен через полчаса, здесь. Я, кстати, и Академии послала сообщение, но оно, возможно... затерялось. – Лимма уронила листки на столешницу и ободряюще улыбнулась окаменевшим, словно статуи, директорам. – Бывает, сами знаете, такая невероятная спешка.

Грохот отодвигаемых кресел и торопливый звук устремившихся к выходу шагов заглушили слитный стон обоих выходящих из шока руководителей. Или погружающихся в него еще глубже? Большой круг – это слишком серьезно. Со-

бирается он, как известно, редко, и выглядит необычно и пестро. Я ни разу не наблюдала подобных встреч, как правило, все успешно решается внутри Советов или на Малых кругах, когда присутствуют лишь заинтересованные напрямую и некоторые наблюдатели от прочих. Наш мир живет странной жизнью последние два века, все так резко изменилось при жизни моих трижды-пра, – по воле Великого, вынудившего вконец отвернувшихся от мира родичей-айри спуститься и жить рядом с людьми. Последствия сказываются до сих пор, вот хотя бы наше пестрое многовластие.

Академия имеет огромные права и возможности: за ней воспитание ученых, врачей, пилотов, учителей, инженеров, она же сохраняет за собой право на новые технологии и ограничивает их передачу управителям.

Управители внедряют технологии Академии, развивают их на практике и получают выгоду в соответствии с вложениями и усилиями.

Древние семьи по-прежнему в силе и если и не владеют, то распределяют и контролируют потоки ресурсов своих земель. Они же отслеживают развитие территорий и соблюдение законов. Прежние княжества утратили изначальный смысл, но сохранились как традиция. Теперь это, скорее, районы единого большого Релата. Одни заселены активнее и живут чуть богаче, другие обделены природой и пока пустуют, третьи поздно влились в общую жизнь, не нашли пока еще места – но голодать у нас давно никто не голодает.

Говорящие с миром, подобные мне и львице Лимме, наделены даром и силой для решения нерешаемых иными способами проблем. И чутким сердцем, иное не примет дара. Мы – четвертая сила, не входящая ни в один Совет и способная отменить решение любого. Кость в горле и последняя надежда. А то еще все эти пестрые и значимые люди и не-люди без нашего присмотра живо передерутся и растащат Релат по кусочкам. Управители несколько жадны и себялюбивы, знать чуть заносчива и не слишком уважает право и беду чужих территорий, Академия порой такое устраивает... – вот как сегодня. А мы, сnavи, мирим, советуем и уговариваем, разъясняем скрытые последствия и неучтенные интересы. Не даем их худшим задаткам реализоваться в полную силу и стать основой для принятия решений. Мы – последняя инстанция, потому что в наших руках исцеление, предвидение и реализация воли Великого. Когда боги так близко, как наш всемогущий дракон, с их законами не забывают считаться. Как и с нашей силой.

Без нас сын князя Ясмигра не выжил бы после катастрофы мобиля, жена управителя Ринтэя никогда не имела бы детей, айри Тимани лишился бы зрения в результате неудачных опытов биохимиков – и так далее.

Ялитэ тоскливо проводил взглядом последнего коллегу и резко поднялся, прошел вдоль столов, нервно собирая «Резолюции Со-света». В жалобно скрипнувшие створки бочком протиснулся Эл, нагруженный, на вид, неподъемной для

хрупкого айри кипой новых бумаг. Вот ящер! Спорить можно на что угодно: у него в бумагах нет и одной малюсенькой опечатки. Дотошный. Приятно видеть его к тому же и ото-спавшимся, сам отдыхать не умеет, но я-то приглядываю.

Я вздохнула и с тоской подумала, что он знал мою трижды прабабку, первую Нику. Живут же *не-люди*! Эл первым добрался до Академии две сотни лет назад, когда здесь был дикий берег и несколько рядов камней кладки основания самого старого здания. В те времена мой Эл был совершенным мальчишкой по меркам долгожителей. Самый молодой из признаваемых тогда взрослыми айри, самый энергичный и любознательный, не нашедший себе места и охотно берущийся за все новое, проживший большую часть своих недолгих лет среди людей. Он заразил Академией Ялитэ, нашего бессменного обожаемого директора, замечательного вопреки всем его ошибкам, сложностям шестисотлетнего характера и нападкам недоброжелателей. Он кропотливо выведал у Тиннары-Ники все, что она знала о системах обучения своего покинутого мира, записал и сохранил кучу терминов, пригодившихся позже для обозначения нового. Те же мобили у айри были давно, но их двадцатисемисложное (!) название на древнем языке, включающее общий принцип действия, даже привыкший в ранней юности к древней речи Эл произносить ленился. Как вообще они жили в горах с таким непомерно затянутым способом общения? До-о-о-л-го, пока не наговорятся.

– Материалы готовы, с исходниками и расчетами. Они прибывают, – сообщил Эл, адресуясь к Лимме и усердно игнорируя изливаемое на него без слов холодное бешенство Ялитэ. – Кухня трудится из последних сил, закуски поданы в большую столовую. Торжественный ужин планируется к девяти вечера. Повара сказали: умрут, но сделают. Я распорядился сначала делать, а потом умирать. После получения премиальных. Сейчас принесут напитки, а минут через пять подтянется распорядитель протокола, может, и не один. Его выдрали из постели, воспаление легких. Ваши студенты уже пролечили, но он доставлен без церемониального костюма и теперь у бедняги нервный шок. Отпаивают. Расстановка столов и прочее на нем. Студентов я уже припряг, запускать?

– Ты настоящий дракон, Эллар, – усмехнулась Лимма благосклонно. – Когда успеваешь, а? И даже отдохнул!

– Пришлось, – он не слишком сердито покосился на меня. – Вынудила обманом.

– Вот кстати, Ника, деточка, давно хотела с тобой поговорить. Время неподходящее, дело у нас трудное и не терпит, а только потом станет вовсе некогда, – тепло и многообещающе улыбнулась она, переходя на опасно-воркующий тон любимой тетюшки и по-прежнему глядя на Эла. Я поежилась, ощущая, что теперь радужные накладные коготки впились в меня. – Хватит донимать мальчика. Поженитесь уже вы наконец, смотреть тошно! Встречаетесь – будто воруете. И о

детях пора подумать, а это серьезно, тебе уже не семнадцать, самое время.

– Так.. – вздохнула я убито. – И...

– Деточка, – недовольно прервала она мое односложное бормотание, прекрасно разобрав надежно скрытый от прочих смысл. – Что за первобытные глупости про возраст и старость! У меня такие дремучие комплексы погасли именно лет в семнадцать. Потому сейчас в архиве три вполне интересных мужа, и второй по списку – этот вот юный директор, как ты, конечно, знаешь. Чтобы умереть у кого-то на руках, глупенькая, надо еще дожить до этого дня и не отбить конечностей благоверному. У меня характер отменно тяжелый, Ялитэ терпения хватило на пять лет, мы очень вовремя расстались, вполне довольные и друг другом, и фактом развода. А я и четвертому супругу лапки-то отдавлю, уже знаю наверняка. Твой характер не лучше, все же родная кровь, так что и ты рискуешь немногим. Давай так: разбираемся с проблемой, и вы приглашаете меня к Риану на скромный праздник. Учти, я займусь выбором платья завтра же. Ника, немедленно сделай глаза нормального размера, мне на эти блюда смотреть аж завидно! Теперь выдохни, вдохни, а то совершенно посинеешь... Вот и умница. Мы больше ничего не обсуждаем, я уже все за всех решила, я это умею, ты же знаешь. Просто позже уточните дату.

Я обреченно глянула на бывшего мужа госпожи Энзи. Ай-

ри усмехнулся и развел руками. Едва ли и через невесть сколько веков он забудет свою бывшую жену. Почему это меня вообще беспокоит? Мысль, что я могу не только согласиться носить обручальное кольцо, но в дальнейшем и развестись с Элом, голову никогда не посещала, и теперь она бессмысленно топталась где-то на задворках сознания, чужая, незваная и диковатая. Зато мне стало очень интересно – а правда, что будет лет через десять? Может, мы и впрямь еще не надоели друг другу лишь по причине редких встреч и общей занятости? Сомнительно, но проверить надо. Эл церемонно поцеловал радужные коготки академиссы и покинул зал Совета, не удостоив меня взглядом. Выходит, есть и другие разделы плана, не менее масштабные, чем Круг. А что с ним может сравниться, кроме, само собой, моей уже неизбежной свадьбы?

Его поведение растянуло мои губы в одобрительную улыбку. Ловко нашел себе союзницу, против этой и не пикнуть! Что я, весь Круг приполз на полусогнутых: лучшая лекарка – и как диагност, и как хирург, и как наставница. Моя в том числе. Львица, у которой под обманчиво мягкой на вид лапкой распределение всех медиков, контроль производства препаратов и оборудования и непререкаемое слово для нас, одаренных. Как выясняется, даже в глубоко личных делах.

А возражать, если честно, не больно-то хочется. Я решительно восставала против похожего на фарс брака студентки и декана. Потом – против оформления в серьезные отноше-

ния редких визитов с испытательного полигона в Академию. Скоро и им конец, Лимма меня слишком активно и успешно агитирует за работу в ее Акаде.

Задумчивость с грохотом разрушили студенты, управляемые тремя активно пахнущими валерианой распорядителями. А настойка-то спиртовая... Глаза блеском, а движения размахом выдают проблемы с дозировкой. Ладно, лишь бы айри и знать рассадили без ошибок, а прочие не так памятьливы. Зал обычно готовят, по крайней мере, за три дня, а тут на все минут десять! Кошмарный сон знатока протокола, ставший явью. Впрочем, они профи: столы задвигались быстро и ловко, выстраиваясь в замысловатый узор. Кресла вообще летали, таблички с именами сыпались звонким золотым дождем.

Хрусталь бокалов еще хранил слабый звук, когда через многострадальные створки, распахнутые и удерживаемые наспех принаряженными в парадные мантии студентами, размеру глаз которых могла позавидовать и я, в зал стали один за другим торопливо входить гости и быстро рассаживаться под опекой распорядителей, накачанных настоечками так, что им, кажется, и протокол по колено. А вот потрясение студентов можно понять. Еще бы! Этих людей и *не-людей* вживую, в одном месте, за последние пятнадцать лет никто не видел.

Смуглые, глянцево-кофейные, лимонные и бледнокожие. Одетые в строгие костюмы, национальные наряды, старо-

модные платья с фамильными драгоценностями. Совершенно не готовые к большой встрече, вырванные из пляжного или горного отдыха, нервно одергивающие кофты и рубашки с чужого плеча поверх веселеньких маечек. То есть сообщению о сборе не более суток? Ой-ей, что же творится? Я и не думала, что Лимма настолько непререкаема. Сказала – и они тут.

Гости еще рассаживались, когда госпожа Энзи коротко кивнула и более не возражающий Ялитэ обреченно склонил голову и поставил на воспроизведение запись моего рассказа о Крике, сделанную три дня назад Элом. Прослушали внимательно и без особого понимания. Зашевелились, пытаюсь разобрать бумаги и обменяться мыслями.

Золотоволосая встала в разом погасших шорохах голосов. Ей не привыкать по живому резать...

– Первый раз я воспользовалась правом Говорящей на экстренное оповещение и признательна всем за найденное для этой встречи время, – голос лился ровно и чуть вкрадчиво.

Мою спину посетила целая стая породистых мурашек – крупных и резвых. Беззастенчивая и полномасштабная обработка даром: на внимание и приятие! А дело-то плохо, мы так не имеем права действовать, даже и в случае крайней необходимости. Влияние на волю первых лиц, тем более

скрытое... Это грозит полным лишением статуса с пожизненным проживанием где-нибудь в самых неудобных удаленных уголках Релата, под наблюдением.

– Причина проста, и я изложу ее очень коротко, – между тем продолжала Лимма. – Мы знаем место: четыре луны слишком приметны. Это соседняя с нашим Релатом планета Хьёртт – так она зовется на языке Севера, и она же Викатими – на одном из распространенных наречий Юга. Крик достиг Релата, когда наши миры сходились, завтра они уже начнут отдаляться, и потому времени невозможно мало, если мы решим что-то делать. Достоверность сообщения я гарантирую, лично осматривала одаренную Нику Ринай, присутствующую здесь, после его получения. И, заранее отвечая на вопрос ваших лучистых черных глаз, уважаемый Дирги, она не лучше и не чутче прочих, дальность для любой из нас, Говорящих, запредельная. Крик принял сам Релат, счел крайне серьезным знаком и направил той, которая была в этот момент наиболее выгодно расположена и настроена для его восприятия. А кроме того, могла эмоционально выдержать, не сгореть, это испытание не для слабых.

– Лимма-Энзи-Ясс, – поклонился кофейный гигант, поднимаясь из облегченно вздохнувшего кресла.

Она благосклонно кивнула. Я тоже порадовалась, вспоминая: леса Тимази-Нгаво, экватор. Мы обе гостили там почти

год, когда в одночасье погиб зараженный урожай и болотная язва стала косить людей. И своим даром лечили, и сыворотку на месте собирали и опробовали. С тех пор мы с ней обе стали Ясс, благословенные. И говорит этот некогда дикарь очень свободно. Еще бы! У него на родине не только красивейший первозданный лес, уже второе поколение – уникальные лекарства, и два десятка лет – огромный филиал Элларова Акада, металлурги и технологи биополимеров. А это – лучшая сталь, и редкие сплавы для пробных спутников на орбите и нашего первого корабля, «живые» ткани.

А какой там город, это же чудо! В лесу, зеленый, легкий, восхитительный. Лучшая экваториальная обсерватория, небоскребы, ажурные фермы для парковки автомобилей. Узорные мозаичные тропинки, парки, цветники. Поющий сад, куда мечтают попасть все романтические девицы: и не зря, у Тимази есть шаманы. И, даже если вы в них не верите, то иначе ничем не объясните готовности птиц жить в наполненном людьми парке и петь без умолку. Да ладно птицы, настоящую оторопь цивилизованных северян вызывает луг для вызова и остановки дождей перед дворцом рода Тимази. И зверинец, где территория крупных хищников обозначена цветущим выюнком. Люди не пересекают границ из чувства самосохранения, а тигры, леопарды и львы? Как говорит главный шаман, «уважают соглашение»...

«Послушаем», – улыбнулась я. Этого дикаря нашими славными штучками не пронять, он сам многое может. Но

явно готов принять участие в заговоре. Или уже принимает?

– Здесь нет тех, кто поставит ваши слова под сомнение, Ясс. Беда очевидна. Но они жили так уже очень давно, почему ситуация сочтена совершенно экстренной? Быстрые решения грозят ошибками.

– Логичный вопрос: зачем спешить. Но сперва еще одно замечание, они жители нашего мира, украденные у него и лишенные свободы. Они разумны и глубоко страдают. Это грех и стыд тех, кто не решился на подобное преступление здесь, прекрасно зная реакцию Великого и Говорящих с миром. Вы уже просмотрели первый документ, копию записи лет из архива айри давностью в четыре сотни. – Бирюзовые глаза нашли скучающее лицо управителя с островов. – Нет, Акрио, это не проблема и не вина айри, как написано на вашем лице. Копните прошлое и найдете за людьми не меньше грязи, которую мы не станем выливать тут друг на друга.

– Я и не думал...

– Конечно. Вы вполне охотно пользуетесь общими знаниями рас, переданными нам в основе именно айри, и ежегодно требуете все новых специалистов, исключительно тех, кого обучали Ялитэ, Ниэст и Эллар. Все трое – не слишком люди, да? – Кивнула Лимма с приятной улыбкой. Погасла и продолжила. – Итак, почему срочно? Покинувшие Релат айри, неверящие в разумность и одушевленность своих подопытных, не пытались вслушиваться в их сознание, да и не смогли

бы. Они наверняка почти утратили мысленную речь: души у вырожденных ученых плоские, ничтожные, да и чуткость их сильно зависит от близости родного мира, как мы полагаем. Но такой мощный и эмоциональный Крик они едва ли могли пропустить. Вот в чем мой страх. Госпожа Ринай?

– Да, ослепительно больно и слышно даже глухому, – я вздрогнула и забормотала, неловко и торопливо. Странно слышать, что родная тетя называет меня по родовому имени, да и говорить под множеством взглядов совсем непросто. – Память этого существа хранит гибель его родича и всего потомства за первое подозрение в разумности и одушевленности. Возможно, на сей раз они затратят некоторое время на осознание услышанного и исследование феномена. Но потом можно ожидать сколь угодно страшных шагов.

– Полное совпадение с прогнозом наших психологов и систематиков, деточка, – грустно отметила Лимма, привыкшая звать меня так еще в Тимассе, столице тропического рая рода Тимази. – По предварительным оценкам, у нас не более месяца. Самое очевидное для этих Вечных решение проблемы – ликвидация опасной группы, то есть, возможно, всей взрослой популяции волвеков. Следующее схождение планет на приемлемое расстояние ожидается, как вы понимаете, гораздо позже оставшегося до их гибели срока. Наши возможности, увы, ничтожны в сравнении с опытом и знанием древних, но к тому времени ничуть не возрастут ни технологически, ни в плане массовости экспедиции. Итак, предо-

ставлены все наличествующие и необходимые для дальнейшей работы Большого круга исходные данные, уважаемые господа и дамы. Мы не можем рассчитывать на оказание полноценной помощи этим существам, но обязаны хотя бы выяснить, что там происходит. Даже если не сумеем вмешаться.

– Прекраснейшая из Говорящих, – без тени иронии поклонился явный соискатель места пятого академического мужа, очень знатный и невероятно рыжий житель предгорья Драконьего кряжа. Бедняжка, титул князя – заведомый и окончательный приговор отношениям. Лимму от этикета бросает в дрожь, я-то знаю. – Ну что за игры! Дальнейшая работа... Времени нет, так раздайте нам указания, коротко и ясно. Это случай, когда значение имеют только право и чутье снавей, а у нас рецепты спрашивать бесполезно. Я не приложу ума, что вообще можно тут поделать.

– Да, явно, речь о «Птенце», – тоскливо вздохнул подзрительно догадливый управитель верфи. Интересно, а кто кроме меня и Ялитэ не входит в число заговорщиков? – Мы его готовы отдать, мой род в степи до последней войны рабство знал. Тут ведь не выгоды вопрос, своих и впрямь бросать нельзя. Но слыханное ли дело: без полноценных пробных полетов! Маршевые мы вообще с экипажем не запускали! Людей угробим, такой грех я на душу брать вовсе не хочу, а лишаете не только корабля, но и пилота! Кроме вашей «деточки» его уж точно никто не посадит, я консультировался с группой. Так ни разу не было даже нормального старта,

мы только-только вылезли из больших проблем со сбоями систем и готовили его на конец весны! И добавлю: второго «Птенца» мы соберем и поднимем не раньше, чем через год. При полном общем участии. И где я возьму нового пилота, если их в группе – неполный десяток?

– Он ведь семиместный? – тихо уточнил желтокожий правитель земель близ заокеанского хребта Ака.

– Трех, при такой-то дальности и в расчете на дополнительное оборудование и годовичные запасы, – быстро уточнил Ниэст, явно заменяющий сейчас Эла и состоящий при раздаче материалов. – Мы не можем рассчитывать на посадку, но добраться и осмотреть место с орбиты – это вполне реально. При посадке наши шансы близки к нулю, а в остальных случаях ситуация куда лучше выглядит, выкладки у вас есть.

– Список экипажа тоже уже есть? – неприятно сощурился незнакомый мне человек, явно заменяющий не успевшего сюда Управителя-айри.

На табличке – точно имя айри, длиннющее и слишком мне хорошо знакомое в предфинальной части. Не хочу рисковать конечностями перед стартом, предлагая на пари руки-ноги на отсечение, но и без того можно смело утверждать: его намеренно задержали наши заговорщики. Я обшарила взглядом зал – еще четверых айри нет, сидят их заместители. Любой сенс, то есть каждый бывший дракон, сейчас осознает обработку Лиммы... И все сидящие здесь – удивительное де-

ло – молчат. Те бы не молчали. Да что вообще происходит?

Я покосилась на Ялитэ, бледного и несколько потерянно-го. Видимо, он пытался избежать именно такого развития событий, затеявая малый сбор Академии. Он – из старейших, есть такой внутренний «совет» айри, явно по их общему решению директор и «закрывал» тему. Неохотно, под давлением, но – действительно. Гимира убедил: старик последнее время помешан на дисциплине и порядке, а генные мутации – полностью запрещенная тема. Он толком не разобрался даже, охотно пошел на замалчивание всего происшествия. Впустую, теперь дело зашло чересчур далеко.

И наш Ялитэ крошит когтями подлокотники своего кресла и смотрит на Лимму. Обреченно, но с пониманием.

– Да какой там список, – устало уронил голову бессменный директор, принимая игру. – Ника одна может попытаться посадить корабль, она же наверняка поднимет, таково общее мнение руководителя пилотской группы и управителя Ринтэя. Это, конечно, если она согласна.

– Да.

– Я бы полагала себя... – осторожно начала моя наставница.

– Нет, – я виновато уткнулась взглядом в стол. – Думаете, я настолько бездарна, что вашего больного позвоночника не «слышу», сама по косточке год назад собирала. Да и не знаем мы, много ли вне Релата возможностей и сил у ода-

ренных. Там нужен хороший специалист в древних технологиях айри, желательно практик. Или уж, простите, псих талантливый, способный к нестандартным решениям, вроде вашего студента, уважаемый директор Гимир. Не создаст новое, так уж действующее всегда отключит. Как его... Ньяллад Хо. Желателен второй пилот, навигатор плюс инженер... уже перебор, а я только начала считать. Простите за вмешательство.

– И закончила, – усмехнулась Лимма, пряча совсем уже странную радость. Что я такого полезного сказала? – Хо мы вызвали вчера, он дал согласие. А инженер-навигатор и чуть-чуть пилот со знанием древних технологий только один из всех айри поблизости. Есть ли у кого-то из собравшихся желание отклонить предложенное?.. Спасибо за тишину. От себя могу добавить, у меня нет однозначного прогноза дара Говорящей по итогу полета. Но я не ощущаю ни полного и легкого успеха, ни сокрушительной катастрофы.

– Иди, Ника, поужинаем мы и без тебя, и без аппетита, – усмехнулся рыжий аристократ. – Как все нелепо торопливо...

– «Птенца» уже заправляют, – управитель верфей нехотя признался в глубине своего участия в заговоре. – Припасы и прочее загружено по моему усмотрению. Шанс догнать в приемлемые сроки Хьёртт будет неплох при вылете в течение трех-пяти часов. Самоубийцы, чтоб вам хоть долететь! Какое там – стартовать! Ника, мой мобиль тебя доставит на

площадку, курс «Птенца» считают. Так что вперед, убиваться – и бегом... Связь будет в полете стабильная, мы вас всех до макушки указаниями засыплем.

Я кивнула, резковато поднялась, чуть не сбив кресло, и торопливым шагом покинула зал, в коридоре срываясь в бег. Позади мягкий голос Ялитэ начал деловито развешивать на уши собравшимся солидные технические термины. Что бы он ни планировал раньше, Лимму будет поддерживать до последнего.

Наш «Птенец» – странная смесь наскоро выдуманного нового и основательно забытого старого. Древние айри летали вне атмосферы, и вполне успешно. Но потом все пошло криво. Сначала Риан уничтожил свои же записи по технологиям и конструкции маршевых двигателей, уцелел лишь работающий образец на большом корабле. Восстановить утраченные сведения нелетающие ящеры пробовали, но напрасно – Риан и в более молодом возрасте умел продумывать детали. Потом Дракон спустил айри вниз, к людям, и прилично погромил их старый город наверху, выборочно уничтожив опасные знания и целиком – корабль. Иногда причину ликвидации того или иного раздела информации мы понять не в силах, но вот уже двести лет пытаемся восстановить целостность картины древней науки и развить на ее базе новую. Местами дело идет хорошо. Местами – никак.

Эл последние сорок лет качает ресурсы в развитие метал-

лургии и полимеров, у нас есть все материалы для корабля. Риан сдался под непрерывными уговорами лет двадцать назад, сел за восстановление своих же записей и управился за неполных восемь лет. С тех пор у нас есть маршевые – работающие вне атмосферы – двигатели. Сведения о системах управления уцелели, они близки к схеме контроля высотных мобилей. С планетарными двигателями мы возимся уже давно, даже запустили спутники, один до сих пор работает, и скоро будет ему компания. Беспилотники пробно поднимались на низкие и средние орбиты. Есть и первый пилот, официально открывший нам космос, очень уважаемый на Релате айри, ему всего-то лет сто пятьдесят. Хороший парень, мы его всей группой уговаривали «поработать» кумиром. Потому что пусков было пять, почти одновременных, в течение недели, и из нас пришлось одного отдать на пожирание толпе поклонников и поклонниц. Для айри слава не так обременительна, «он молод и ее переживет» (очередная шуточка Эла, решительной деканской рукой вычеркнувшего из списка троих снавей сразу и себя – четвертым, в большом раздражении – как вообще там его имя оказалось?). Уважаемый Эллар, и правда, почти не пилот, старт был двухместный и последний в серии – Эл интересовался работой систем синхронизации двигателей. Отвратительной, кстати.

В общем, корабль есть. Новый, со стапеля, второе поколение. Не опробованный и вполне перспективный. Но лететь очень далеко, в дикой спешке, под кивание пустоглазых чле-

нов Круга, не способных до сих пор стряхнуть с себя готовность благосклонно принять и одобрить любое слово мудрой и восхитительной Лиммы?

Кто сказал бы неделю назад, куда и каким образом я отправлюсь, не поверила бы ни за что. И сейчас не верю. Кому-то риск и авантюра, а мне – внезапно сбывшаяся безнадежная мечта. Да кто бы меня туда пустил? Это вам не МД, взлет-падение. Иное нам, первой группе, не светило. Не в этой жизни...

Пилот управителя умудрился с хрустом посадить мобиль у самого трапа «Птенца» через час сорок от взлета. Судя по блеску глаз, он все знал и тоже считал подобное самоубийство мечтой. Молодец. Я уже разделась догола и прямо из кресла нырнула в пилотский комбинезон, поджидающий тут же в паре с техником. Точнее, комбинезон сам обтек и расправился: «пиявка», как его зовут все, игнорируя мнение обиженных разработчиков, потративших на благозвучное определение долгие бессонные ночи.

В неактивном состоянии – удобный для хранения компактный куб невзрачного серо-грязного оттенка. Стоит снять верхнюю пленку и поставить голые стопы на материал, как он начинает тонкими нитями подниматься по телу, сплетаясь во вторую кожу, отслеживающую каждый изгиб первой. Быстро – если знаком с организмом, долго и неуверенно – при первой встрече. Этот меня знает отлично.

«Пиявка» – не просто вторая кожа, неошутимая и уди-

вительно надежная. Материал частично «живой», способен к регенерации, дышит и перерабатывает отторгаемое телом – излишки тепла, пот, взамен греет и охлаждает, защищает от магнитных и прочих полей, поглощает или отражает свет, по необходимости пополняя собственный запас энергии, ощупывает мир своими датчиками. Он смягчает удары, закрывает раны, добавляет мышечную силу, обостряет реакции. И имеет всего один недостаток – риск привыкания. Я знаю несколько случаев категорического отказа снимать пиявку, над которыми уже третий год бьются наши психологи. Говорят, у снимающего костюм обнаруживается «синдром острой беззащитности». Не знаю, не испытывала на себе. «Пиявка» – для полета. Ходить в этом по Академии? Лимма мне такой синдром учинит... А уж про реакцию Риана лучше не думать.

Мы вдвоем с техником торопливо дополнили «пиявку» необходимой сбруей для работы в стартовой капсуле, застегнули, защелкнули и проверили все, что положено, прямо на ходу, поднимаясь лифтом в «Птенца». У люка я остановилась и разом успокоилась.

Уютно устроившись на полу, меня ждал Риан. Как всегда кстати, и глаза привычно-спокойные, серьезные и внимательные, он неизменно знает больше других. Иногда я вообще сомневаюсь, есть ли на Релате то, о чем он не имеет понятия. Улыбнулся, поднялся мягким движением, шагнул навстречу.

– Ник, в этом деле тебе с Релата не помогут. Слушай сердце и положишься на нашу фамильную удачу. Глупости делать известно кто не даст. Для прочего – возьми, вдруг да пригодится. Верь ему, он лучше тебя знает, на каком свете место тому или иному из нас, – он передал мне на вытянутых руках длинный сверток. – За «Птенца» не бойся, пустотные двигатели я сам восстанавливал по своим же старинным записям, а стартовых хватит на один взлет. Сядешь, если что, и аварийно, будет жестко, но это мелочи. Только не слушай советы умников про баллистический спуск, в слабой атмосфере вы не погаситесь до приемлемых скоростей, да и парашюты там мало полезны. «Птенец» хоть и глупый, но крепкий и толстобрюхий. У тебя дар, а первый бак будет пустой, если что – пойдет на усиление «подушки». Назад не спешите, вас при необходимости постараются забрать. Есть тут один... вариант. Толковых средств дальнего обзора и наблюдения у айри там нет, за это отвечаю, садись спокойно. Переживать буду я, а тебе на эдакую роскошь и времени не хватит. Хотел бы с вами, но в этой команде я лишний. Здесь, боюсь, тоже дел хватит, и именно для меня.

Он виновато улыбнулся и за плечи вдвинул меня в люк. Чуть толкнул вперед, и массивная плита позаботилась о первой ступени герметичности корабля. Второй люк. Сверток был узкий и жесткий, он приятно оттягивал и грел мою чут-

кую руку.

Зачем пилоту древний меч? Впрочем, я мечтала получить его лет с пятнадцати. Поющий, звенящий, разговаривающий с бойцом. Лучшее творение Риана, уникальное, одушевленное и технологичное. Наши металлурги – айри и люди – стонали и плакали над сплавами отшельника. Он ничего не скрывал, что обидно вдвойне. Видимо, научить вкладывать, вплетать душу в работу невозможно. Раз за разом инженеры со щенячьим визгом тащили в его избушку новые заготовки – и тихие до отрешенности уносили их назад располовиненными или, хуже, насмешливо раскритикованными в пыль еще до пробы. Вот развернусь, напою меч силой дара и ка-ак разнесу люк... Клинок насмешливо дрогнул. Мы оба знаем, шутки ради Жнец трудиться не станет. Жнец создан для боя, и лишь в серьезном бою он становится в полной мере живым, разумным и наделенным своими странными и страшными способностями.

«Птенца» начали строить, именно когда я возжелала этот меч, служивший лучшим воинам моего рода в двух поколениях, разделенных веками. Вбила в свою упрямую голову девчонка неполных пятнадцати лет, что заслужит в третий раз то, что приносило славу ее предкам. Риан усмехался и ворчал, что возраст самый подходящий для чрезмерного самомнения: повзрослею – пройдет, у нас в роду жажда славы не приживается. Мол – переболею, успокоюсь...

Мечта о мече в значительной мере определила и мое

стремление стать пилотом: тот самый Риан, один из древнейших и наиболее загадочных айри Релата, тосковал по небу. Он, как уже сказано, – создатель корабля, разрушенного Великим. Вполне оправданно: надо было додуматься – вместо исследования замыслить спасение с гибнущего, пока Великий дракон был в заточении, Релата. А потом – организовать абсурдную попытку спешного бегства от гнева вернувшегося в мир прародителя крылатых. Айри-беглецы уцелели, а корабль на старте осел пылью, развеялся в ничто.

Мы лишь недавно смогли разобраться в общих расчетах, совместить старые и новые знания и технологии, восстановить навигацию и прочее утраченное две сотни лет назад.

Семь лет новый корабль-пробу просчитывали, конструировали на бумаге и в пространстве объемного моделирования. А я училась в Академии по ускоренной программе – только для одаренных и айри, способных воспринимать знания напрямую, – и добивалась права стать пилотом на МД-1. Жуткая штукавина: обшивка, обнимающая крохотный одноместный кокон – и громадный ненадежный двигатель. Стартовый, для выхода за пределы атмосферы. Мы потеряли троих из пилотской группы, доводя его до ума, и не особенно преуспели. Но инженеры хищно тянули средства и ресурсы, торопливо готовя «живого» «Птенца», первую настоящую пробу сил вне атмосферы – но уже для двух разнотипных двигателей в связке с полноценными жилым и исследовательским блоками.

«Птенцом» блекло-серую махину несколько пренебрежительно прозвал Риан, увидев впервые и остро разочаровавшись. Он сумел, как обычно, в нескольких словах разнести энтузиазм наших мастеров, высокопарно утверждавших, что «гордая птица домчится до края Вселенной». Посчитали. Согласились. Больше никто не планировал для него серьезного полета. Подскок – неловкие трепыхания почти у грунта – подскок... типичный желторотый птенец. Средство отработки технологий на близких орбитах. На крыло для дальнего полета собирались ставить последующие поколение «птиц», я бы для роли пилота к тому времени оказалась старовата, пожалуй.

Зато теперь «Птенцу» придется отправиться неожиданно далеко, туда, куда не могли рассчитывать попасть мы оба. Я любовно погладила сверток, закрепила в нише и зашагала в рубку.

Там первым делом рассмотрела мельком виденного в Академии тощего смуглого пацана Хо. Подобно полудохлой мухе, он вяло трепыхался в жутковатых для непосвященного объятиях стартового кресла. Роль нашего потенциального гения в полете удручающе никакая: то есть сидеть, дышать сперва с плитой перегрузки на груди, затем без нее – и нервничать. Он уже приступил к последней части своей работы, вполне успешно.

На второе кресло я не глянула. Этого почуяла еще на полете к верфям и до сих пор не знаю, обрадовалась больше

или расстроилась. Хотя другого я тут и не ожидала увидеть. В нашей компании детей и упрямых девиц должен был оказаться хоть один солидный, уважаемый и опытный человек. То есть не-человек. Вот уж кого я не хочу ронять и разбивать при посадке.

– О, капитан! – продемонстрировал Эл свою наблюдательность. – С повышением! Курс готов, до взлета двадцать семь минут, обратный отсчет идет вполне мирно, проверяемся повторно по системам, пока без сбоев. Я обещал Хо, что когда мы проберемся за облака, станет спокойнее. А с запуском маршевых все страхи и вовсе останутся позади. Риан лично три дня змеем ползал по гнезду, то есть верфи, когда узнал о возможном полете. Это очень обнадеживает.

– Да взлетим мы, куда нам деваться, – я рухнула в недра пилотской капсулы. Расслабилась, позволяя «Птенцу» опознать меня и обмерить, сплетая противоперегрузочный кокон, налаживая наши связи и подстраивая управление. – Хо! Пожалуйста не дергайся, просто лежи и дыши. Кресло тебя не убить пытается, а спасти от проблем. Расслабься.

– Стараюсь, – сипло и виновато сообщил он. – Горло захлестывает, как удавкой.

– Эта система дублирует подачу воздуха и страхует позвоночник, ей требуется контакт с кожей, очень плотный. Потеряешь сознание на старте – без нее, возможно, и не выживешь, нам про твою подготовку ничего не известно. Тер-

пи, будет еще один неприятный момент, когда лицо станет оплетать маска. Открой глаза и смотри перед собой. Думай о хорошем. Без маски в глазах будет совершенно темно, а с ней пойдет прямая трансляция на зрительные центры мозга, рассмотришь все в деталях. Твоя, кажется, разработка.

– Ну, только частично, – вздохнул он с явной гордостью, разом успокаиваясь.

Руки ощутили контакт с «Птенцом». У всех пилотов он приходит по-разному, у меня обычно с кончиков пальцев – будто первое прикосновение, и далее, от вдоха к вдоху, все шире и ярче. Я пошевелила кистями, и по спине пробежала волна слияния. Приятная.

Быть душой МД-1 куда противнее. Он несуразный, уродливый и бессмысленный. Мне всегда казалось, что макет порождает массу комплексов в нас, пилотах. После посадки я день-два ощущала себя больным чудищем с нарушенными пропорциями, пьяной координацией движений и общей грацией слона в посудной лавке. Месяц промучившись, пошла к психологам и призналась. Они так обрадовались! Как же, во-первых, подтвердили мою правоту, во-вторых, нашли себе новые объекты для изучения. Обычно-то ни айри, ни снавь в кролики подопытные к ним ничем не приманить, а тут – целая группа.

«Птенец» превзошел уродца МД, он вполне уютный, лишь заметно неуклюжий. Милый, восприимчивый и довольно

послушный. Сработаемся. Сознание коснулось корабельного мозга и замерло у черты контролером и управителем. Чутье солнечным светом заполнило тело «Птенца», оживляя его и дополняя ощущениями информацию датчиков и приборов.

Мы бились пять последних лет над проблемой пилотирования внеатмосферных кораблей в критических ситуациях не-айри и не-снавями, пока безрезультатно: на определенных скоростях, получивших название «порога сознания», слияние становится необходимо. Это доработанная технология айри, у них не было проблемы бездарных, то есть не-сенсов, а свой вариант пилотирования у нас пока слишком слаб.

Секунды задрожали пульсом.

Над макушкой разлилось небо, лапы плотнее уперлись в основание стартового стола. Легкий боковой ветер огладил борт. Облачность – два балла.

Металлическим привкусом растаяла на языке первая капля топлива, достигшая дюз. Нахохленный «Птенец» завибрировал, накапливая силы для отрыва от земли. Почти бесцветное пламя слизало пыль, отбросило волнами расширяющейся сферы вихря. Короткие серебристые крылья дрогнули. Отрыв.

Долю мгновения мы висели в восходящем мареве жара дюз, словно не решаясь покинуть привычный плоский мир. Приятно: на МД-1 я глохла от грохота, едва не теряя контакт с кораблем, а тут изоляция иного порядка. Пламя стало со-

ломенным и окутало «Птенца» по пояс, и он испуганно и тяжело рванулся вверх, поджимая обожженные лапы.

Релат впился в ускользящую свою часть перегрузкой, удушая в объятиях и не желая отпускать. «Птенец» стал ощутимо приплясывать, срываясь с расчетной дуги. Посадить, как же... Тут бы дотянуть до второго облачного яруса, там обычно наши уродцы стабилизируются. Теперь он прибавил мне забот, демонстрируя впечатляющее рассогласование тяги по вертикальной оси, стремящееся закрутить нас волчком. Шея заныла, рефлекторно сопротивляясь повороту. Вроде стабилизировались, но теперь по корпусу ползла вибрация, иногда обрываемая острыми толчками и ударами. Не люблю я это дело, сейчас что-нибудь да...

Накаркала, датчики третьего бака... сброс, чтоб ему. Самый объемный, в нем был наш второй взлет. Заколдованный, что ли? Почти в каждом моем старте третий идет на отстрел. Хуже, что туда же пришлось отправить и резервный. Идем на втором, и ничего другого в запасе нет...

Высотные облака. Мы проткнули их, как тончайший листок, и скользнули вверх, туда, где небо наливалось чернотой, проступало звездами. Я позволила себе облегченный вздох.

Сознание деловито трудилось, контролируя укладку неуклюжего кораблика на изящный росчерк линии курса. Неужели удалось?

Да. Мир отдалился и как-то разом вывернулся, на гла-

зах превратился в упругий шар, словно отпихивающий нас прочь, вовне. Сюда мы добирались на МД-1, дальше не бывали. Это почти предел для стартовых, они жрут топливо с уникальной жадностью.

Прошли верхние орбиты спутников. Не наших, мы так пока не умеем, это «консервы» айри. Летают исправно, но никому не служат. Не помним мы про них толком ничего.

А вон там, на горизонте, – наш. За него что ни день дерутся физики, топографы, геологи и прочие. В конце списка, всегда забытые, они себя туда сами вписали – погодники-негодники. Метеослужба у нас есть, но эти пытаются отстоять космические прогнозы как основу нового типа предсказаний – более точного и долгосрочного. Они все пока на третьем-пятом курсах и толком не могут сформулировать свои очень глубокие мысли. Их гоняют и третируют. Если бы не декан Эллар, усердно закрывающий глаза на ораву лоботрясов, выставили бы окончательно из Академии. Но Эл полагает, они во многом правы. И терпит: ждет, пока поумнеют. Ходят слухи, они что-то там натворили вместе с Хо... надо повспоминать на досуге.

Релат оживился, зашипел в ухо знакомыми голосами: шлет поздравления и указания. Интересно... они, выходит, не получили от автоматики данные по отстрелу баков? Не получили, команда была моя, в состоянии слияния она прошла напрямую, и они поймут все несколько позже, с полной расшифровки. Тогда нам прикажут возвращаться, как будто

второй раз смогут гарантировать удачный старт. Не случится уже второго раза, мне ли не знать. Хьёртт уйдет чересчур далеко, одурманенные управители очнутся, недобравшиеся айри придут...

Я упорно следила за падением плотности забортной среды. Скоро выйдем из зоны риска и сможем опробовать пустотники. До слез жаль топлива, нам еще садиться!

Головокружение чуть отвлекло сознание, и, словно воспользовавшись этим, дюзы погасли. Мы с «Птенцом» беззвучно ахнули, запуская маршевые и восхищаясь обретенными свободой и силой. Чувствуется разница в классе! Их стыдно ставить на один корабль, ей-ей. Отличие технологий в десятки поколений... Расчеты утверждают, что пустотники по-настоящему хороши лишь вне планетарных систем, на воле, для которой и создавались. Здесь, на ближней орбите, маршевый двигатель нашего «Птенца» чувствует себя, как чистокровный скакун в путах. Если продолжить аналогию, то стартовые – призовая скачка на больной старой трехногий собаке...

Разом оледеневшие пальцы отметили разрыв контакта. Теперь наша «птичка» вполне уверенно держит курс и без меня. Двадцатая минута полета, еще пару я истратила на контроль, собрала кратенький отчет и метнула вниз, на станцию слежения. Вот и кончились формальности, тонкие змеи кокона расплзлись по гнездам, освобождая тело. Кресло приняло мое любимое положение, помня заданные на трени-

ровках настройки. Экипаж уже довольно давно освободился от заботы корабля и исправно бездельничал.

Слева Хо забавлялся с модифицированным зрением.

Справа Эл полулежал, удобно закинув руки за голову и ждал моего «всплытия». Нахал, даже не изволит нервничать, будто я наверняка должна управиться! А согласно общему мнению, айри просто обязан безмерно беречь свою длинную жизнь и дрожать над каждой угрозой ей, драгоценной.

– Вполне приятно взлетели, – обозначил он мое присоединение к ним. – Расход топлива стартовых систем тридцать восемь процентов, поясняя для Хо – у нас есть в запасе нормальная посадка и, возможно, взлет, если не будем прыгать с орбиты на орбиту. А Рианов пустотник – вообще монстр, я и не смел надеяться: съем мощности смешной, чуть менее двух процентов... Или мы слишком маленькие для него, или слишком медлительные. Я кое-что прикинул и, пожалуй, пересчитаю курс. Две недели висеть без дела противно, там вообще боги не ведают, что происходит, лучше помучаемся и будем на месте в три дня. Двигатели позволяют, Риан был не против идеи, он ее и подкинул, курс просто идеальный, проскочим по кратчайшей дорожке на сближении миров. Хо, согласен? Мы-то привычные, на тестовых запусках головой досыта намаялись, а тебе будет очень несладко.

– Перегрузки? – тяжело вздохнул зеленоватый гений. У него явно есть свое мнение о нашем взлете, крайне далекое

от понятия «приятно».

– Не совсем. Будто из тебя душу вынимают, тянут, держат и на палец мотают, – невнятно, но очень точно объяснил айри. – Это называется пространственная рябь. Говорят, проблема ее гашения решается, но мы утратили это знание. Хочешь, подкину исходные данные? Когда работаешь, она не так давит.

– Кидай, – хищно прищурился худенький Хо, на глазах обретая уверенность движений и характерный золотистый оттенок загара жителя предгорий Ака.

Я усмехнулась, вспоминая мгновенную невольную радость на лице сидящего за одним из столов Большого круга императора страны Анкчин при известии о включении Ньяллада в группу. Он для своей родины – хуже лихорадки, урагана и мора, вместе взятых. Пять лет назад мальчик погасил столицу, забавляясь с системами контроля. Как добрался? Пока они разбирались, Хо отключил диспетчерский центр мобильных дальнего радиуса и вошел в модельное пространство метеослужбы. Полумертвых родителей отпаивали лекари, ведь император прислал счета и молнии своего божественного гнева. Смирения старшим Ньялладам хватало, но вот средств... Они трусливо отреклись от мальчика, четвертого ребенка в бедной семье, отдавая его на расправу. Спасибо Академии, Гимир оплатил все и забрал опасное дитя, надеясь на верность решения. Пять лет назад Гимир не

так преклонялся перед порядком. Впрочем, ему восемьдесят семь. И годы, увы, берут свое. А другого директора на подходе толком и нет. Чтобы не-айри, с управителями ладил, в свежих разработках разбирался, был уважаем и просто приемлем для всех...

Итак, родные и власти отослали потенциального гения в Академию с отчаянной просьбой, более похожей на приказ, – «назад никогда не возвращать»! Потом, правда, смягчились, настраивать систему модифицированного зрения для пилотов пустили. Даже оплатили серию учебных курсов и гордились успехами, но все больше издали, из укрытия, если угодно.

У Гимира парень на удивление быстро повзрослел, стал солиднее и ответственнее. Шалить не перестал, но теперь все обходилось, по большей части, вполне невинными в сравнении с прежним размахом, выходками: трансляцией закрытых заседаний Совета в сеть Академии, отказом систем опознавания свой-чужой при работе глубоко уважаемого учеником директора Гимира с кристаллом библиотеки, выборочным отключением горячей воды в жилом корпусе...

Все от безделья! Хо чудовищно работоспособен и страдает, когда нет интересного занятия. Эл умница, занял неугомонного, не то наш гений за две недели от скуки «Птенца» так ошиплет – не обрадуемся. Да и за три дня... Пусть лучше над проблемой гашения ряби бьется. Лукавый декан солгал и не поморщился: она считается нерешаемой. И всегда от-

носилась к указанной категории. Правда, бессовестный Риан туманно намекнул, что он-то проблемы не видит. И добавил, с насмешкой наблюдая, как хищно дернулся мой Эл, – не собирается на нее смотреть еще лет сто. Может, и сто пятьдесят... декан очень по-детски обиженно засопел и отвернулся. Но смолчал. Он знает, как Риан не любит дарить готовые решения. Только пути и подходы, и то лишь когда сочтет нас, убогих, готовыми. Когда Эл злится, зовет наставника снавей младшим Великим драконом, и на это невозмутимый Риан шипит хуже взбешенного кота.

Я снова глянула вправо-влево. Хо буравил слепым взглядом обшивку, отгородившись от нас наушниками и своим модифицированным зрением. Эл ждал.

– Что со стартом?

– Да все нормально, – вздохнула я. – И по топливу было бы удачно. Только третий бак и резерв там, внизу. На третьем выявлена угроза течи, а про резерв и не спрашивай, чутье сработало. Что там было – «Птенец» не знает, и я сама тоже. Итого у нас остаток топлива – на раз понюхать.

– Риан настоятельно просил снять резерв, – нахмурился Эл. – По его мнению, именно в этом баке проблема. Не сняли... Пойдем на посадку по баллистике?

– Не знаю, но тот же Риан против. И вообще, ты явно намерен садиться, Риан твердил о том же, а Круг – вовсе не при делах?

– Пусть спят спокойно, – усмехнулся Эл.

– Взлета, сам понимаешь, у нас нет, – уточнила я очевидное.

– Ожидаемо, – кивнул он. – Релату я полетные данные сбросил, им пока не до нас, ссорятся. Столько больших людей в одном месте, а каково опоздавшим, они уже на подлете... «Птенца» я вывожу на скорректированный курс. Рябь на новом курсе будет сильная, то есть связи – никакой, отозвать нас они не смогут. Заход на удобную высокую орбиту я прикинул, нам надо с полсотни витков, а то и больше, чтобы рассмотреть их купол. Древние айри должны были выбрать место, подобное их любимым предгорьям по расположению. К тому же я оценил положение планет на момент Крика и вероятную зону его зарождения. Мирок так себе, не больно уютный, сезонность фактически ноль, зато суточные перепады впечатляют. Я все посчитаю еще раз для контроля. Может, выскочит пара подвижек по орбитам, на это остатков топлива хватит. И там должен быть корабль, Ника. Они точно не вернулись, хоть кто-то из нас знал бы и не смолчал. Хьёртт хранит наш древний корабль на своей поверхности – или его обломки на орбите.

– И ты явно устроил полет в расчете на целый и невредимый. Есть причины? Мне слишком уж нравится первый вариант, с действующим кораблем.

– Мне тем более, капитан, – он помялся, очередной раз нехотя выдавая тайну родичей. – Есть старейшие айри, ко-

торых я опросил по проекту «Технобог», и они явно солгали. Знаю, в чем, и полагаю, верно догадываюсь о причинах утаивания правды. В общем, там должен быть корабль, откуда иначе взяться волвекам? Мы с Лиммой на него и рассчитывали, затевая все. И спешили. Я очень не хочу, чтобы на Хьёртте оказались чуть позже другие люди и, хуже того, другие айри. На Ялитэ и так постоянно давят, за него не более трети от нашего общего числа. Это очень неприятная тема... Иди, вздремни. Я разберусь с курсом – и тоже отдыхать.

Я покладисто кивнула и пошла. Тихушник, как все должители, хоть столько выдавить из него удалось. Ничего, попозже дожду. Рябь догнала в коридоре и накатила мерзостью. В голове закопошились вязкие нудные мысли.

Последнее время у нас появилось много книг о будущем. Там гордые капитаны стоят на мостиках могучих космических фрегатов и смотрят в загадочную и манящую звездную даль. Героические, седовласые. Мои волосы светло-пепельные, я вполне подхожу. Но – увы, у них стереоэкраны, объемный модельный мир, хрустальная прозрачность обзорных площадок... Ага. Везет же героям! «Птенец» врожденно слеп, ни намек на иллюминатор или приличный большой экран. Датчики, камеры – такое есть. Вижу я при взлете и посадке очень многое и благодаря его возможностям, и своему чутью. Но вот сейчас до слез обидно: постоять бы на мостике, которого нет, и глянуть вдохновенно и задумчиво в

звездную даль.

Стоп, это рябь давит.

Подышали, успокоились, насмотримся еще. Вон, фильмы есть, там даль качественно прорисована. Скажи спасибо, без невесомости рейс. Вот бы пришлось с Хо возиться – подумать тошно.

И снова о тошноте... Каково сейчас внизу, на Релате, моей наставнице? Не зря она хотела свалить с нами!

От запрещенного воздействия госпожи Энзи уважаемые люди и *не-люди* уже отошли и теперь шало соображают, на что они сгоряча согласились. Сколько стоит «Птенец», кто даст ресурсы на второй, почему все кивали и не спорили? Кто утвердил наш дурацкий экипаж? Есть ли у декана... опять запомняла... ага, Пэйлитаринэллара, они уж точно не произнесут, хоть какой заместитель и чего этот заместитель стоит? На чем мы собираемся перемещаться по Хьёрту, если сядем вопреки плану? Надо ли сообщать об экспедиции во всеуслышание, или до поры сведения целиком засекретить? Как тогда засекретить взлет, дело-то шумное! Вопросы хоть завтра можно выпускать толстыми книжными томами, но увы, – ответы к ним не прилагаются вовсе. Ох и веселый у них ужин в Академии! Почти семейный: Ялитэ на первое, львица на второе. Я, сидя за столом Круга, успела скопировать взгляд в выкладки Эла. Шансы стартовать и добраться до места – менее пятидесяти процентов. Вероятность возвращения первого экипажа в случае посадки – ниже досто-

верной погрешности. Это позитивный прогноз, кстати. Но в моей семье все везучие. А прогноз не вполне точный, он и им недоговорил очень многое.

Риан сейчас наверняка спешит к Лимме, ей совсем худо. Такое страшное и невозвратное, как полет практически без надежды на выживание, решить в одиночку непосильно тяжело. Эла она с детства знает и уважает, меня любит как родную. И винит себя до сих пор за гибель подводного корабля, ушедшего восемнадцать с лишним лет назад во впадину океана вместе с моей семьей. Энзи тогда одна настаивала на смене сроков и негативном прогнозе по чутью, но ее не слушали. Львица запомнила, что в критических случаях просить нельзя. И рассчитывать на понимание не стоит. Надо давить и вырывать, брать когтями, зубами, весом. Как сегодня.

Много лет назад от семьи осталась только я, деточка нашей Лиммы. Точнее, двоюродная племянница, – обожаемая, богато одаренная, капризная, самая родная, сегодня без колебания отправленная на верную гибель львицей, не жалеющей себя и других ради большого дела. Уж ей-то декан сказал куда больше о скрытности своих мерзких родичей. И догадываюсь, кого именно. Я его видела шесть лет назад. Наверняка.

Ночью Энзи снимет шпильки, сотрет косметику и будет плакать взаперти, пока никто не знает и не видит, как ей одиноко, страшно и плохо. Почти тридцать лет назад она истра-

тила весь дар, спасая людей. А себе помочь уже не могла, ребенок погиб. Первый муж ее тогда оставил, обвинив в обычном для снани грехе: чужие дороже своих... Ялитэ буквально на руках носил, ведь ходить не могла. Лекарским Академ ее от безделья занял, но вряд ли думал, чем увлечение обернется. «Два академика – это не семья, а ученый совет» – так шутили студенты. И накаркали, чтоб им!

Четвертый муж академиссы мне показался неинтересен сразу, самой Лиммой он тоже явно запланирован к сдаче в архив. Возле таких могучих, как она, трудно строить тихое счастье. Ей бы кого и умного, и дико-неколебимо упрямого, чтоб слова поперек ни-ни возразить и на руках сидеть пригревшись, когда лелеют и ни в чем не отказывают. Сильным женщинам очень нужно иногда быть слабыми, вот только где найти ей такого – нежного, нестигаемого и самого родного? Для одаренных, которых ласковыми, но пустыми словами не обмануть, вдвойне трудная задача.

У нас давно царит напряженный мир, время компромиссов и соглашений. Даже Риан порой тоскливо сетует, что люди измельчали и легко стали размениваться на деньги и власть. Потому он так мечтает о небе, иных мирах, расширении горизонтов, способном вернуть в мир настоящих, наполненных светом и готовых на все ради большой цели. Без вдохновенных безумцев Релат превращается в болото...

Та-ак, опять достала меня рябь. Говорил же Эл: спать. Койки на «Птенце» мерзко узкие и казенные, их сюда впих-

нули не иначе как вчера, узнав о срочном полете. Но все лучше, чем ничего. Закрывать глаза, расслабиться и выбросить глупости из головы. Да хоть шторм, я свой отдых сегодня заработала.

Мы летим!

* * *

Выдержки из «Правил общения с низшими»

Пособие издано малым тиражом, предназначается строго для последователей ан-моэ Грийена. Секретно. Год выпуска первой редакции – сотый от катастрофы.

«Все мы должны отчетливо понимать, как возникли и чем опасны нынешние условия недифференцированного общества.

Давайте уговоримся: мы, высшие, можем позволить себе называть вещи своими именами, без глупых поклонов в сторону фальшивых авторитетов.

Тот, кто обманом и коварством захватил полноту власти над расой айри и именуется ныне Великим драконом – не более чем выжившая из ума дряхлая ящерица-переросток. Его возможности огромны. Но разум – ничтожен! Этим воспользовались люди. Мерзкие отродья – сnavи – утверждают повсеместно,

что своим бескорыстным служением они раз за разом спасают мир от чудовищных бед. На самом деле, эти твари захватили контроль над сознанием старого ящера. А идейным вдохновителем столь чудовищной акции, прекрасно спланированной и, увы, грамотно и успешно реализованной, является самый черный и коварный айри нашего времени – Аэртоэльверриан. Он гений, приходится признать очевидное. Но талант его не служит целям расы айри! Не помогает нам, наиболее мудрым и рациональным, владеть миром, как следовало бы по праву знания и силы.

Желая возвеличиться превыше совета старейших, указанный преступный айри ушел из горных поселений и долго исследовал возможность нанести удар.

Когда Великий дракон оказался на грани гибели по вине ничтожных людей, Аэртоэльверриан имел возможность и время – целых две сотни лет – на реализацию своего чудовищного плана. Как вы знаете, старый ящер предоставлял снавям всю полноту своего дара влияния на наш мир по их особому требованию, выраженному в использовании артефакта – «жемчужины», выдаваемой по его выбору самым подходящим. Люди пожелаали использовать дар постоянно и фактически погубили Великого.

А потом возродили его якобы ценой жизни одной из снавей, именуемой Тиннара.

Еще раз подчеркиваю: вся акция спланирована Аэртоэльверрианом! Не зря он имеет наглость утверждать, что указанная сnavь породнилась с

неким Наири, являющимся дальним потомком кровосмесительной и недопустимой связи данного айри и низшей, женщины из рода людей. Таким образом, сам преступник не отрицает, что захватил власть над миром и разделил ее с низшими «родственниками».

Вернувшийся из небытия ящер, заявляю я, ан-моэ Грийен, – уже не Великий. Его разум искалечен. Именно этим объясняется уничтожение архивов с ценнейшими знаниями расы айри в горах в первый же год «нового» времени. Этим же объясняется наше изгнание из гор и абсурдное требование делиться достижениями с ничтожным человечеством. Учить этих дикарей, годных лишь для проведения опытов – в качестве рабочего материала – да еще, пожалуй, для простейших забав.

В указанных условиях нам, высшим, грозит полная деградация. Наши исконные ценности забываются. Наша власть слабеет. Технологическое лидерство сокращается. В связи с выше изложенным предлагаю следующее:

1. Аэртоэльверриан должен быть ликвидирован. Не он один, список предателей велик и растет с каждым годом! Но начинать следует с зачинщика бед. Задача предстоит трудная. Предатель прекрасно владеет техникой боя, умен и осторожен. К тому же явно находится под опекой обезумевшего Великого. Но мы будем стараться, год за годом.

2. Следует препятствовать вовлечению молодых айри в контакты с людьми. Они не должны обучаться

и обучать в «Академии», этом жалком заведении низших. А мы просто обязаны проникнуть туда и занять в структуре высокие посты, сместив гнилого и вечно колеблющегося в решениях Ялитэ, по недосмотру вошедшего в совет старейших.

3. Промышленность и банковская система должны принадлежать айри. Ресурсы у нас есть. Прочее – дело времени и настойчивости. Получив эти два рычага, мы сможем поставить на место любого зарвавшегося правителя людей.

4. Необходимо вербовать активных помощников из числа людей. Всегда есть низшие, готовые на все ради денег и порванной глотки конкурента.

5. Следует активно сокращать число снавей. Например, создавая и запуская в густонаселенные районы обитания низших вирусные и бактериальные препараты. Борьба с одной эпидемией, по моим оценкам, уносит жизни трех-пяти гнусных тварей.

6. Важно неуклонно стремиться к восстановлению нормального положения вещей, то есть к разделению нашей цивилизации и низших. Одно из важных направлений в такой работе – воссоздание технологий и материалов, необходимых для постройки космического корабля. Не зря его уничтожил Великий в безумии своем, тем самым обрекая нас на жалкую участь окончательно бескрылых, лишенных столь ценного средства господства и разделения.

Важно также добиваться всячески физического подавления групп людей и целых стран, возомнивших

себя развитыми...»

Ночь на 9 марта, Релат, Академия Лимма Энзи

Лимма брезгливо оттолкнула тонкую книжечку, присланную ей в конверте без обратного адреса. Уже который раз так происходит. Не иначе, в окружении господина Грийена завелся айри или человек, не готовый открыто сменить «хозяина». И тайно ненавидящий его. Снавь еще раз с отвращением глянула на серую мягкую обложку. Старую, с многими надрывами у краев, засаленную, покрытую пятнами. Еще бы! Столетней давности «пособие». Одно из первых. Тогда еще печатали, используя кассы для набора текста из отдельных букв!

Больно и мучительно тяжело признавать: она потеряла в юности немало друзей в тех жутких эпидемиях, внезапно охвативших мир. Снави гибли от истощения сил. Сама она едва выжила, потеряв неродившегося ребенка. Да не вернулась бы, не добралась в живой мир, не осилила отчаяние, если бы не Ника. Племянница, упрямая и талантливая. Самая родная. Любимица Риана... «Коварного предателя рода высших». Лимма горько усмехнулась. Гения – даже подлец это признает! Еще бы. С банковской системой у него ничего не вышло. Да и с промышленностью – так, отдельные фрагменты.

Особого внимания заслуживает план по ликвидации Риана

на. За сто лет этот пунктик Грийена оброс в закрытой среде айри не просто слухами – анекдотами! И, во что труднее поверить, зная мягкость и доброту наставника, – трупам самых разных и одинаково невезучих охотников за головой отшельника. Всех их подстерегли нелепые случайности. Падение с высоты собственного роста с переломом шеи, например. Ей ли не знать. Все же – бывшая жена Ялитэ, старейшего из их гнилого общества... До сих пор душа плачет по погибшему, разрушенному внешними обстоятельствами браку. Потому что на ней вина за распад семьи. Тэ любил и берег, как умел. А она... Хотела большего. Но разве можно было просить его отказываться от своего народа и положения старейшего? Тогда, по молодости, требование казалось допустимым. Потому, что любил он. А сама львица – хоть теперь можно признать очевидное – уважала, преклонялась, ценила помощь, восхищалась. И не более. Тэ вернул ей возможность ходить на своих ногах, помог найти место в жизни. А сам в новую жизнь не вписался... Риан говорил, убеждал, ругал – все зря. Теперь она сама говорит, убеждает и ругает Нику. Нельзя беспечно отталкивать свою судьбу! Для нее, больной и брошенной, Тэ был лишь «костылем», хотя стыдно и тяжело признать такое. А Эллар для Ники – именно судьба.

Лимма уронила лицо в ладони, ссутулилась за столом. Как она могла отправить деточку в холодную темную пустоту, откуда нет возврата? Эллар просил – и она поддалась на уго-

воры. Риан тоже добавил умных доводов... Они взлетели. Большой круг в полном составе восторженно выпил шампанское за удачный старт. А полчаса назад пришла расшифровка: возможности посадки-то у «Птенца» нет! Потому что не осталось топлива. И вернуть корабль не получилось. Декан Эллар чудовищно, воистину по-драконьи, предусмотрителен! Ушел с заранее обозначенного курса. Увеличил скорость. Оказался вне возможности обнаружения, не то что связи...

По темному пустому коридору деканата лекарского Акада зашуршали тихие шаги. «Наверное, Риан», – решила Лимма. Чутье отказывалось помогать. Когда снавь в отчаянии, оно молчит. Потому что Великий не уважает это «настроенные слабых духом».

Дверь открылась тихо и тотчас захлопнулась. Лимма подняла голову и вздрогнула от удивления. Затем откинулась на спинку кресла и потерла ладони друг о дружку, пробуждая утомленное чутье. Доигралась с отчаянием! Не опознала пришедшего и не позвала вовремя тех, кого следует. А ведь Тэ предупреждал. Риан предупреждал. И Эллар...

Грийен на пороге кабинета, молчаливый, замерший в оскаленном и почти неконтролируемом бешенстве, смотрелся ужасно – и, вместе с тем, комично. Однажды его до полусмерти перепугала Тиннара. Вроде бы этот тип хотел ее то ли шантажировать, то ли убить. По намекам, добытым неугомонной младшей Никой из бездонных недр всезнаю-

щего молчания Риана, второй раз – через день – Грийен едва не лишился жизни. Потому что его недостойным поведением заинтересовался Наири, муж Тиннары. Он-то был и сnavь, и воин. Да еще ко всему прочему – любимый ученик и чуть ли не родич Риана. После беседы с Наири, если можно назвать беседой бег без оглядки, Грийен утратил интерес к визитам в Академию на сорок лет. Зато приобрел весьма характерный шрам на шее. И второй – на руке.

– Это не сойдет тебе с рук, – тихо прошипел Грийен. – Я знаю, что ты сотворила с Кругом первых лиц. Внушение! Я мог бы найти свидетелей и начать дисциплинарные слушания. Одна беда: моего гнева эти меры не уймут. Тебя просто сошлют в степь. Откуда вернут через некоторое время под благовидным предлогом. Так что я вынужден пойти на крайние меры. И, надо признать, делаю это с наслаждением. Умирать ты будешь долго. Я всегда ценил забавы с низшими. Они позволяли мне внести пару новых страниц в пособие для воспитания молодых айри.

– По-твоему, со сnavью моего уровня такие забавы возможны? – удивилась Лимма.

– Сейчас – да, – уверенно отозвался айри. – Ты пила чай. Мой человек его готовил. Как ощущения? По лицу вижу – заметила. Ты до утра не сnavь, а просто слегка пьяная женщина. Слабая, старая и беззащитная.

Лимма чуть пожала плечами. Значит, дар ушел не из-за отчаяния. Интересно, кто предал? Чай готовил ее новый ученик, хороший мальчик из хорошей семьи. Ирнасстэа, благополучная провинция... Кто бы мог подумать? Впрочем, сейчас не это главное. Важно тянуть время и искать выход.

За дверью что-то сползло по стене и мягко упало на пол. Грийен оскалился, вздрогнул, обернулся, оставляя Лимму за спиной. Отбросил длинный плащ, до сих пор занимавший обе руки. Стало видно – в левой парализатор. В правой – меч.

«Дикое зрелище, средневековое», – отстраненно подумала Лимма, оживляя панель связи и отсылая вызовы Ялитэ, Ниэсту и паре сनावей, находящихся поблизости, в Академии.

Дверь без звука открылась – и ощущение нереальности происходящего усилилось еще более. За порогом, в коридоре, стоял Риан. Вполне обычный, спокойный, даже чуть сутулый. Устал он за день. В правой руке доброго наставника сनावей удобно покоилась рукоять легкой сабли с малой кривизной лезвия. Это оружие Лимма видела впервые. Как и холодную, совершенно драконью, улыбку, на миг промелькнувшую в глазах Риана.

– Жить ты, как обычно, хочешь, – спокойно сообщил отшельник своему родичу. – Иди. Обоих своих охранников оставь тут. Ялитэ все устроит. Очередной несчастный слу-

чай, полагаю, упали. Неудачно так, шеей на стекло...

– Ты подлец, предавший свой род, – испуганно вымолвил Грийен, подбирая плащ и пряча под ним меч. Парализатор он бросил на пол, точно туда, куда велел кончик сабли. – Чего хочешь, убийца?

– Жизнь тебе спасаю, – дрогнули уголки губ Риана. – А ты – убийца... Сам-то сколько денег извел, меня заказывая? Я в курсе суммы последнего контракта. Знаешь, впечатляет. И размером, и глупостью. Итак: ты убираешься на свои заводы. И сидишь там тихо, как карась в пруду. Никаких дисциплинарных слушаний. Всё отменить сегодня до рассвета. Иначе я вспомню адрес и навещу тебя. Мне, вот ведь как обидно и несправедливо с твоей точки зрения устроена жизнь, никого нанимать не надо. Я сам справлюсь с проблемами.

– Не посмеешь, грязный подонок, – тихо, с дрожью в голосе, вымолвил Грийен, пробираясь к двери.

– Судя по голосу, говоришь ты совершенно не то, что думаешь, – предположил Риан. – Иди. Постарайся сохранить рассудок ясным. Припомни, кому и что велел сделать. Тогда, наверняка, сможешь смотреть на рассвет открытыми глазами, осознанно. Опять же – тебе не будет стыдно за свои грязные дела. Сам все исправишь. Глядишь, Великий оценит, как первую слабую попытку раскаяния...

– Да чтоб вы оба сдохли! – взвизгнул Грийен, осторожно протискиваясь в дверь совсем рядом с острием сабли и быстро удаляясь по коридору.

Риан проводил айри взглядом и мягко, своей беззвучной походкой крадущегося кота, вошел в кабинет и скользнул в кресло. Бережно протер темным платком саблю. Лимма отметила характерный запах крови. Съежилась и виновато пожала плечами.

– Ты предупреждал...

– Просил держать дверь закрытой на замок, – поправил Риан. – Спасибо, мальчик не подвел. Чай сделал, как велено. И мне позвонил, как договорились. Впрочем, я знал, что этот придет сюда.

– Что дальше? – спросила Лимма, постепенно восстанавливая душевное равновесие.

– Дождемся Ялитэ. Он прекрасно оформляет «несчастные случаи», – усмехнулся Риан. – Потом я провожу тебя домой. Прослежу, чтобы приняла снотворное. Ты взрослый разумный человек. Ты отменно провела очень сложный день, уломала Большой круг и убедила Ялитэ. Я сам не сделал бы лучше. И допустила такой промах! Лимма, я не вездесущ. Изволь просчитывать чужое поведение более аккуратно и – отдыхать. Потому что Грийен в кабинете – это результат усталости и потери хладнокровия. Я не просто недоволен. Я разочарован как твой наставник.

– Прости.

– Простить могу, – грустно кивнул Риан. – Оживить не в

силах. Береги себя.

Лимма кивнула. Судорожно вздохнула и позавидовала Нике. Бесцеремонная племянница уже ревела бы в три ручья, уткнувшись в рубашку Риана. А перед этим порезала бы Грийена на мелкие ломтики. С ее-то подготовкой бойца и уникальными данными по реакции!

В коридоре застучали торопливые шаги. В проеме возник Ниэст. За ним появился Ялитэ, бледный и явно готовый к худшему. Прикрыл веки, кивнул благодарно Риану и снова открыл глаза – уже спокойные. Взгляд, достойный невозмутимости старейшего...

– Все сделаю сам, – коротко молвил он. – Лимма, иди отдыхать. Утром я займусь организацией охраны.

– Спасибо, – отозвался Риан за львицу. – Теперь ты понимаешь, о чем я говорил вчера.

– Да. Прости.

Риан улыбнулся, ловко убрал саблю в темные старые ножны, закрепленные на поясе. Решительно шагнул к столу Лиммы, отодвинул ее кресло и бережно поднял львицу на руки.

– Никогда не поступаешь так, как умница Ника, – отругал он, глядя по голове. – Давно пора снова научиться плакать. Хорошее женское дело. Полезное. Может, попробуешь?

– Не знаю, – смутилась Лимма.

– Все, прикрой глаза. Вот так, отберем куртку у Ниэста, она теплая. И начнем отдыхать. Я понимаю, как страшно не иметь сил сопротивляться и ждать, что сотворит этот выродок. Страшно, не дергайся. Ты знаешь, я терпеть не могу тех, у кого отключено нормальное чувство самосохранения. Это не героизм, а глупость – не бояться, когда опасность велика. Ладно. Давай по-другому, – хитро прищурился Риан, убедившись, что львица не закрыла глаза и не отдыхает. – Я, дракон, согласен ответить на три твоих вопроса. Учти: заветных желаний не исполняю. Заветные исполнял лишь в молодости и только для одной женщины.

– Три вопроса? – заинтересовалась Лимма, отвлекаясь от тяжелых мыслей. – Почти как при посвящении сnavи, да? Отменно.

– Первый ты задала, – ехидно сообщил долгожитель. – Отвечаю: да, почти как при посвящении.

– Ну ты и верткий тип! – восхитилась Лимма, плотнее куртаясь в куртку. – А если... Нет, это не вопрос!

– Жаль.

– Так... Ох, я правда устала. Того и гляди спрошу глупость. Очень хочется узнать про твою жену. Но или это – или две других важных темы. Так... Не торопи и не ехидничай! Я думаю. Первое: на что они рассчитывают? Возможности посадки-то у них нет!

– Процентов десять топлива осталось, – безмятежно со-

общил Риан. – Ника прекрасный пилот. А внизу, как ты понимаешь, имеется новый шанс на взлет. Эллар прав, он там. И наверняка цел.

– Скрытный ты, ни единого лишнего слова вслух, – улыбнулась Лимма. – Точно сядут? Ой...

– Я не изувер. Не зачту оговорку за третий вопрос, – подмигнул Риан, открывая дверь квартиры Лиммы. – Иди в душ. Я сделаю тебе хороший успокоительный напиток. Вернешься, выпьешь и спросишь. У тебя останется полчаса на то, чтобы сонно и благодушно выслушать мой ответ.

Десятью минутами позже, забравшись под одеяло прямо в толстом мягком халате, Лимма выпила теплый отвар. И лежала, прикрыв глаза, ощущая, как уходят, растворяются в спокойной глубине полусна тревоги и заботы длинного и страшного дня. Риан сидел рядом, положив ладонь на ее лоб, и оттого было особенно хорошо. Может, он не вездесущ и не всемогущ, как любит повторять. Но успевает и справляется – раз за разом...

– А если не в зачет, – попробовала поторговаться Лимма, пользуясь своим несчастным и больным видом. – Одно маленькое желание, а?

– Глупая львица! – почти всерьез отругал Риан. – Если бы ты умела капризничать – хоть десять! Не заветных, а так, просто одолжений... Заказала бы, например, любимые духи,

которые невозможно купить или добыть.

– У тебя есть? – Лимма заинтересованно распахнула глаза. – Точно, хочу!

– Поздно, – дрогнул бровью отшельник. – Я сам предложил этот каприз – и сам должен его исполнить? Нелепость! К тому же слишком простая. Запасной флакон Эллар спрятал в моей избушке. Ника простит мне одну маленькую кражу. Вон они, на столике.

– Спасибо.

– Не за что. Ты-то хотела загадать чудовищную по своей серьезности глупость, – нахмурился Риан. – Полагаю, полную редактуру неудачного перевода «Основ регенеративной медицины», адаптированной электронной версии содержимого трех шаров знаний древних айри. Автор – мой пропавший без вести приятель и твой кумир в лекарственных делах, Тиэрто.

– Точно, – сокрушенно призналась Лимма. – Не можем разобраться, уже пятый год бьемся. Возьмешься?

– Сейчас не время, львица, – устало улыбнулся Риан. – Мир айри стоит на пороге настоящего раскола. Я очень занят. Но позже я постараюсь припомнить твое пожелание. Итак, второй вопрос. Видишь, какой я добрый, и первую твою глупость с вопросом простил...

Лимма прикрыла глаза. Рядом с Рианом очень легко почувствовать себя маленькой, беззащитной, капризной и на-

ивной. Настоящим ребенком. Потому что отшельник – по-настоящему мудрый, опытный и сильный. Никто не обидит. Никто не посмеет даже обеспокоить без серьезной причины. И духи...

Приятно получать подарки просто так. Как гостинцы, которые достаются детям от старших. Без единой задней мысли. Без намека на ответные хорошее отношение, поддержку, внимание или благосклонность. А еще и сказка на ночь. Лимма улыбнулась. Ну как тут спрашивать о серьезном?

– Почему старшая Ника, Тиннара, не стала айри? Она ведь была драконией. Летала.

– Это хороший вопрос, – похвалил Риан. – Как раз для вечера. Ника родилась в ином мире и попала к нам, в общем-то, чудом. Ты знаешь историю. Когда Тиннара появилась у нас, на Релате, Великий умирал. Уже две сотни лет люди пили его силу, использовали во зло. А порвать канал и освободиться он не мог. Очень грамотно заблокировал потоки тот злодей, четыреста лет назад дорвавшийся до власти в мире людей. Погубил брата и сnavь, пытавшуюся его вытащить из состояния, как мы сказали бы теперь, клинической смерти. Замкнул силу в контур изуродованной природы. Уничтожил всех вас, сnavей, и отрезал доступ к водопаду, где вы проходите посвящение. Иногда я думаю, что ему помогли. Очень редко я позволяю себе заподозрить Грийе-на в организации той ловушки для Великого дракона. Пото-

му что он отказал мне в праве позвать на помощь Великому взрослых драконов. Выстроил под себя весь совет старейших айри. Сразу же начал реализацию проекта «Технобог», который был бы невозможен при живом и полном сил Великом. Много совпадений, не находишь?

Риан говорил неторопливо, задумчиво, словно общался в основном сам с собой. Слушать его было сложно. Настоя уже действовал, отключая интерес к сложным умственным упражнениям. И настраивая на безмерно благодушный – как и обещал отшельник – покой. Лимма зевнула и устроилась поудобнее. Риан понял, усмехнулся и отвлекся от размышлений.

– Впрочем, ты спросила про Нику. Она пришла в мир, испоганенный темной, искаженной силой. И сделала очень многое для его спасения. Она одна тогда слышала Великого, даже не осознавая, что слышит. Это было похоже на наитие, как я полагаю. Тиннара помогла людям собрать силы для борьбы с Адептом, распорядителем искаженного, но по-прежнему могучего дара дракона. Нашла и провела через посвящение новых снавей. И выросла в этот мир. Полюбила его всей душой. Научилась смотреть на него взглядом самого Великого... Радоваться каждому дню.

– А потом она спасла Великого и сама погибла при этом, – сонно пробормотала львица. – И дракон возродил ее, одарив

крыльями. Я просила правду, а ты мне пересказываешь сказку на ночь.

– Это и есть правда. Дракон взлетел. Он мог бы прожить две сотни лет и стать взрослым. Выбрать жизнь в небе или удел айри. Но Тиннаре захотелось вернуться к нам. И остаться человеком. Во многом ради своего мужа, Наири. Это такие странные вопросы, львица... Можно ли пожертвовать жизнью ради спасения мира? Стоит ли длинная жизнь и великое знание утраченной земной любви, потерянных друзей... Ей хотелось менять тот мир, который она спасла. День за днем, чтобы видеть, как он возрождается к нормальной жизни. Отдать нам свое знание из иного мира, позволяющее избежать каких-то ошибок. Обезопасить Великого от повторения той ошибки, выстроив грамотную систему контроля силы и каналов ее передачи.

– И что? – почти капризно уточнила Лимма.

– Она умела капризничать, в отличие от тебя, – рассмеялся Риан. – Великий возродил драконию. А Тиннара отказалась от этого красивого подарка и вытребовала себе другой. Великий ей не отказал... Дан вообще любит исполнять капризы.

– Великого зовут Дан? – заинтересовалась сквозь сон Лимма.

– Да. Это был третий вопрос, – мягко усмехнулся Риан.

Спорить и возмущаться оказалось поздно. Сон уже на-

крывал сознание мягкой пуховой пеленой. Уносил прочь, в тот особый слой на грани реальности, куда могут пробираться лишь снани. Чтобы учиться, отдыхать, искать ответы на вопросы или просто общаться.

Сегодня Лимма не общалась и не училась. Просто отдыхала.

А утром она проснулась в превосходном состоянии звенящей веселой бодрости. Потянулась, слушая, как на кухне уютно бормочет Риан, готовя завтрак. Принюхалась: отшельник пек творожники, обожаемые Никой. Точнее, обеими Никами, и старшей, и нынешней.

– Вставай, соня! – обозначил свою осведомленность по поводу пробуждения Риан. – Сегодня ты улетаешь к Тимази. Я уже договорился. На неделю, и не смей спорить! Если в мире есть место, куда не полезет со своими законами ни один дракон, даже самый обезумевший от злости, то это именно леса Тимази-Нгаво.

– Знаю, – зевнула Лимма, выбираясь из-под одеяла. – Риан, а вот третий вопрос...

– Был уже! – шутливо возмутился отшельник.

– Я проспала ответ, – нагло, подражая племяннице, соврала Лимма. – Слушай, ну ма-аленькое одолжение. Просто любопытство разбирает. Эллар мне сказал, что ты лучший боец Релата. Я не поверила. Ты у нас пожилой и вообще – миролюбивый.

– Ну? – недовольно буркнул Риан, возникая на пороге спальни с подносом.

– Как приятно болеть, – обрадовалась Лимма, двигая к кровати столик на колесиках. – Ммм, вкусно. Спасибо. Если ты – лучший, то кто просто очень хороший?

– Эллар, – усмехнулся Риан. – За последние сто лет, после Наири, он мой любимый ученик. Прочие похуже. Разве что наш дикарь Тимази... Ты поедешь к нему. И, раз спросила, – с поручением. Я отковал для рода вождей ритуальное копье. Отвезешь.

Лимма представила эффектное зрелище: она, такая маленькая и изящная, в парадном платье и на шпильках, выбируется из мобиля с копьем наперевес... Фыркнула и кивнула. Потом стала куда серьезнее.

– А если наладится связь с «Птенцом»? Без меня...

– Не ранее, чем через неделю, – твердо пообещал Риан. – Я все просчитал. Отдыхай и кушай фрукты. В Тимасе лето. У твоей любимой аспирантки Нгалы, дочери нашего замечательного вождя Тимази, отпуск.

– Ты все предусмотрел, – рассмеялась Лимма.

– Да. И не надейся, что я вам предлагаю тихо провести время. Metallургический комплекс Грийена стоит на границе лесов Тимази-Нгаво. Требуется снать, чтобы посетить там кое-кого тихо, без лишних формальностей. И уточнить на

месте, проходили ли заказы на вот такие сплавы, — отшельник извлек из кармана довольно длинный список. — Ответ я знаю. Но мне, а точнее, нам с Ялитэ, нужны копии с официальных бумаг.

*9 марта, «Птенец» — 14 марта, Хьёррт
Ника*

Первое утро, а точнее, пробуждение в похожей на пыточное кресло кровати на «Птенце», лишило меня остатков восторженности. Ноги затекли, руки невесть зачем мертво вцепились в спинку кровати. От кошмаров удерживают? Ненадежно. Всю ночь я бегала от стаи клыкастых голодных управителей из Большого круга, стремящихся отменить полет и поужинать экипажем. А убежав, покусанная и избитая, хромала к ржавому МД-1, тяжело взлетала и потом садилась на незнакомую планету без радаров и камер, вслепую, по баллистической траектории, имея в качестве единственного средства управления... весло. Отлепляя пальцы по одному от слегка изогнутого металла того, что ночью послужило «прототипом весла», я задумчиво рассуждала: это как же надо было грохнуться, чтоб так вцепиться? Не дай бог в яви узнать!

Волосы дыбом, пот на лбу.

Так ведь жара... тропики отдыхают.

Почему, кстати? Спасибо «пиявке», снять которую вчера

не хватило сил: пустынное пекло ощущается лишь лицом и ладонями. Если это Хо начудил, убью гения, и мне, вопреки всем возражениям, воздвигнут внушительный памятник на его многострадальной родине. Да точно он – в коридоре-то нормально, прохладно.

Юноша обнаружился в моем (!) пилотском кресле. Сидел, сопел самозабвенно и пытался выудить из недр гнезда змею контакта с датчиком пульса. Не-ет, не зря я вцепилась в кровать.

– Милый мальчик, а кто тебе сказал, что я обожаю юг? – Восторженно улыбнулась я. – Спасибо, родной! Отдохнула чудно.

– Ну-у-у...

– Хо, я ведь славь, мне врать бесперспективно, – голос окреп и уже призывал злостью. – Знаешь, как мы поступим? Я закрою тебя, туриста недобитого, между люками, в шлюзе-переходнике. И пойду искать пакости по всему «Птенцу». Найду – открою внешний люк. Не найду – впущу и извинюсь. Идем. Далекая родина ждет твоей кровушки.

– Я согласен, – неожиданно закивал он, цепляясь за меня. – За люк. Быстро.

В коридоре стоял Эл, очень тихий и решительный. Такого я его и сама боюсь. А малыш сегодня неоригинален: у меня юг, у айри север. Вон ресницы смерзлись. Убить не убьет, но

покалечит наверняка. Вспомнит, что он декан и что лет сто назад студентов пороли кнутом за неуважение и леность.

Хуже, если припомнит более древние привычки. Я совсем недавно узнала, что наша Академия в дикие годы – лет сто пятьдесят – сто семьдесят назад, имела крепостную стену и собственную не очень маленькую армию. Время было неспокойное, а тут в одном месте: княжеские наследники – мечта вымогателя, шестнадцатилетние девочки на любой вкус, айри с полезными знаниями, лучшие лекари, которых многие желали заполучить только для себя, деньги, книги, дорогие вещи... Эл тогда деканом не был, он был мастером боя – обучал студентов и преподавателей, всех поголовно, и отвечал за охрану. Архивы утверждают, что наши стены всерьез осаждали раз десять и всегда бывали биты, и что из Академии единственный раз успешно похитили и вывезли довольно далеко ученика, но банду догнал некий Тарин и больше этих многочисленных и очень нехороших людей никто не видел...

О сказанном мало кто помнит, а уж тем более никто из нынешних студентов не знает, что забытое имя Тарин образовано от того же отменно разнообразного и протяженного полного, что и Эл-Эллар, просто по другим слогам. Я, например, целенаправленно встрясла указанные подробности из архива, просидев там безвылазно две недели после памятного преодоления невысоким и почти хрупким на вид айри вертикальной стены Акада лекарей. До сих пор вспоминаю

и восхищаюсь: одним рывком с газона до четвертого этажа. Столько лет думала – милый, образованный, воспитанный, и такой тихий, рассудительный, спокойный.

Айри слишком долго живут, чтобы не накопить тайн в своем прошлом.

Эл мягко заскользил коридором. Приметная походка, Рианова выучка. Вечно с айри так: вроде знаешь его десять лет и, на тебе – снова сюрприз. Выучка Риана, а стиль-то на сей раз явно незнакомый. Не зря он у шаманов Тимази задерживается месяцами. А, кстати, еще у горцев хребта Ака...

Хо вздрогнул и пополз из кресла мне за спину. Осознал. Я вывернула руку заголосившему хулигану, демонстрируя приоритет своих прав на жертву. Темные глаза, особенно холодные под инеем ресниц, наполнились разочарованием. Хо послушно заспешил к люку, Эл хищно следовал за нами. Плита встала на место, отрезая зарождающуюся в узком помещении волну причитаний жертвы и оставляя корабль в нашем полном распоряжении.

– Как думаешь, до вечера поумнеет? – с сомнением уточнила я.

– Никогда не поумнеет, – обречено пролязгал зубами айри.

– Пошли, я климатические настройки восстановила, но пока у меня в каюте ужас как тепло, – обнадежила я несчастного. – Я «пиявку» наконец сниму... поможешь? Наверняка

еще одно кольцо припас. Место удачное, забросить толком и то некуда.

Стук зубов стих.

Айри демонстративно недоверчиво ущипнул себя за плечо и кивнул. Зря он подвоха ждет. Если мы вернемся на Релат, нас там Энзи неизбежно поженит, а если нет – разница в возрасте окажется совершенно неактуальной. К тому же с нашим гадским МД-1 я удручающе намаялась за последние полгода, когда и ела через раз, и спала урывками, и до Академии ни разу не добиралась: то есть так сильно соскучилась, что заметно растеряла свое остаточное упрямство. Наконец, после ночной посадки с веслом, я твердо решила выслушать и одобрить официальное предложение еще до полета к Хьёртту.

Декан замечательно единообразен в своих предложениях. Он всегда встает на колени, как древний рыцарь, и очень серьезно спрашивает одно и то же. Только айри может так основательно относиться к делу! Я села на пол напротив и деловито изучила колечко, не прикасаясь к нему. У него целая связка с собой, наверняка. Эл недовольно закрыл ладонь и показал мне кулак.

– Обманщица!

– Нет, вымогательница! – гордо уточнила я. – Почему моя тетка знает о полете больше, чем, я? Капитанша, между про-

чим, мне вообще на борту нельзя лгать! Как вы провернули этот дикий номер? Свадебное путешествие невесть куда за счет Большого круга! Она же всех просто запрограммировала на нужный вам ответ, как последняя мошенница. Узнают – предложат на выбор смену места жительства со средней полосы на тундру или пустыню, как она там выживет на своих шпильках...

– Никто не возражал, не заявлял о внушении? – нервно уточнил сообщник.

– Нет, она же лучшая, восприняли с энтузиазмом. Тимази точно все понял, он достаточно дик, чтобы чутать, наш восхитительный верховный шаман. Но поддержал.

– Я с ним говорил три дня назад, – тяжело выдавил из себя еще одну порцию сведений Эл. – У них уже год идут странные заказы от... не важно, от пары управителей. Металлы, полимеры, иные сложные материалы. Если собрать полную картину – кто-то строит второго «Птенца». Знаю, что невозможно, – он сердито дернул головой на мое традиционное «ой-ей». – У Ринтэя увели пару инженеров. И еще у него копировали материалы проекта. Я декан, мне ли не знать.

– А пилот?

– Слушай, у меня и без того от мыслей за прошедшую неделю голова лопается, – взмолился он. – Не изучал тему. В группе пилотов есть айри, вот и рассчитывали их убедить. Может, на себя надеялись. Риан в курсе, он обещал заняться этим лично. Кто еще способен понять всех моих соплемен-

ников и заодно вовремя отлупить?

– Он такой, – поддержала я. – А с Круга ты куда дел своих самых мерзких родичей? Минимум, четверых старейших! То есть даже пятерых! И почему этого пацана Хо впихнули на корабль еще до решения Круга?

– Потому и впихнули, – Эл скривился, словно говорить правду было больно. – Он влез в систему метеорологов, я его сам просил. Ну ладно, вынудил, не свети глазами! Управителям лететь издалека, а им дали такой прогноз, что нормальный айри с места не тронется. Что айри! Мобили посадили принудительно, теперь небось ищут грозовой фронт на десять баллов, полосу смерчей и еще какие-то редкостные по масштабу гадости. Найдут, не сегодня, так завтра, место ввода ложных данных. И за сделанное люди его выгонят из Академии... А мои родичи, скажем так, будут несколько более нетерпимы.

– Особенно некоторые, – усмехнулась я. – Те, кто тебе угрожал из-за меня.

– Отсюда поподробнее, – чуть отстраняясь, выговорил он. – Что, не только мне?

– Грийен, есть такой айри. Один из старейших, по моему мнению. На Круг не долетел. Увы, для Ньяллада, – трудный враг...

– Не думал, что вы знакомы, – он нахмурился, отбросил формальности и сел рядом, обнимая за плечи. – Ты меня пугаешь. Он едва ли не худший из всех, Ник.

– Не пугаю, а сознаюсь. Давно, шесть лет назад, под весну. Он пришел в мою комнату, не постучал даже. Хотел выключить с первого удара, – я довольно отметила, как его рука дернулась, плотнее накрывая мою спину. – Ты-то знаешь, ваши вообще не верят, что я настолько быстрее айри. Я намеренно слабо, вроде случайно, блокировала на смягчение и отлетела в угол, он решил, что справился. Почти не способен читать сознание, кстати. Принялся вслух бормотать (я же отключена), что вколет мне «удовольствие» и тебе покажет, чем я тут занимаюсь с другими айри. Достал кристалл записи и инъекцию...

– Ну, небылиц ты нагородила достаточно, хотя общий смысл ясен. Почему мне сразу не сказала? – голос стал неприятно-тихим. Понятно, опять в нем Магистр Тарин проснулся. – Я бы разобрался с этим.

– Эл, сама управилась. Отменно излупила и вколола дозу. Сильная штука! Он просил оказать милость, предлагал хоть замуж, называл самой удивительной и достойной крыльев. То яростно, то униженно и смиренно. Под запись. Я его потом привела в сознание и дала кусочек посмотреть, где он плачет на коленях и руки целует, заодно отрекаясь от прав старейшего по полной форме. Сказала, что оригинал уже хранится в надежном месте и я оставила указание тиражировать и доставить каждому айри мира, если что-то случится с тобой или со мной. Он кивнул и с зубовным скрежетом признал, что это сильный повод для шантажа, и больше

я его не увижу. Больше и не видела. Запись у Риана.

— Мы с тобой отменно врем друг другу для успокоения, — усмехнулся Эл. — А уж как недоговариваем заботливо...

Потом долго сидел молча и смотрел в стену совершенно слепыми глазами. Грийен — имя из прошлого, и за ним не одна неприятность. Мне ли не знать! До сегодняшнего вечера я не решалась произнести это слово, все было не так легко, как я говорила. И очень страшно, до того дня меня никто не пугал настолько серьезно, смертельно.

На самом деле он прибыл с подручным, дождался, пока я включу душ, вскрыл замок и прошел в ванную комнату. Хотел шокировать и уничтожить, но чуть просчитался. Дал оценить серьезность своих намерений. К тому же я была в мыле с ног до головы — поди удержи. Драку мы учинили отменную, я первый раз отбивалась от айри, твердо решивших забрать мою жизнь. А что им оставалось? Репутация богатого управителя и доброго мецената не вяжется с тем, что творилось в моей комнате. Второй айри, имя которого я так и не выяснила, наверняка погиб. Его унесли на носилках, когда я была занята шантажом, потому не знаю наверняка. Конечно, в шею я ему всадила всего лишь острый конец расчески, но уж на совесть, меня не зря учили.

Без подготовки, которую мне дали Риан и Юлл, и после исключения второго, явно более слабого, противника, один на один со старейшим, все кончилось бы в пару мгновений.

Грийен слишком опытен, чтобы не уметь драться. А так – у него на память остался перелом руки. Он на пару миллиметров не достал до сонной артерии... Я все же вырубил его и связалась с Ялитэ, дела драконов и решать должны они, люди тут лишние. Наш директор прибежал бледнее бумаги, благодарил запинаясь, что не потеряла головы и не вмешала посторонних в историю. Выслушал, сам же велел вколоть дозу и записать реакцию. Дословно наговорил мне то, что должно сказать Грийену, потом выбрал фрагмент для просмотра. Он же отвез запись Риану, вызвав ко мне Лимму. Тетка-академисса лечила, сказав всем, что «деточка» гостит в степи у Юллов.

Эл усмехнулся горько, он всегда знает, когда я пытаюсь скрыть от него проблемы. Понял, сколько недоговорено. Я клятвенно обещала Ялитэ не упоминать его имени и некоторых деталей. Спасибо, Эл и спрашивать не стал, зачем? Он всегда недоговаривает больше – «настоящий дракон»...

– Моя вина. Я сообщил своим официально, что намерен жениться, а у нас подобное, мягко говоря, не одобряют.

– Знаю. Общепринятая версия – разница в сроках жизни, я на нее попала при первом знакомстве с тобой. Потом порылась в архивах, поспрашивала, сплетни собрала. Очередная ваша драконья заморочка с избранностью.

– Ты всегда умела работать с информацией, это у вас семейное, – кивнул он. – Выражая идею словами Грийена,

«хочешь женщину – купи, не хочет – возьми так, она потом еще и спасибо скажет». Он мне посоветовал.

– Вы же трогательно переписываетесь через доверенных лиц! – хмыкнула я. – Неужели сам, ножками, притопал?

– Все-то ты знаешь, – забеспокоился декан. – Именно. Лично явился и с порога начал речь старейшего, как будто я в принципе согласен с ним общаться.

– Ему было очень больно потом? – полюбопытствовала я.

– Да. Давно прошло то время, когда он мог мне пытаться указывать. Жаль, что и я изменился, надо было его не бить, а убивать. Ведь знал, не простит, меня в конце зимы того года дважды пытались убить, – нехотя признался он. – Я даже у нашего отшельника жил некоторое время. Думал, ты в степи, туда они не доберутся, это внутренние дела. Ты же не айри, тебя не должны были трогать. Потом прилетел Ялитэ и сказал, что все улажено. Я полагал, его силами.

– Внутренние дела! Кстати, о них, давно думала спросить. В другой раз ты точно не расскажешь. Слушай, Эллар: лишился ты крыльев, сидишь на камушке голый и замерзший. Как дальше? Встретили, обучали, ввели в общину? Теперь-то все проще, даже мобиль высылают из Академии. Жить селят сразу, обеспечивают стартовыми средствами. – Я хищно впилась в его лицо взглядом. Если честно, я довольно подробно знаю ответ, но не от Эла, и прочувствовать его состояние напрямую желала бы.

– Да, теперь все без случайностей, спасибо Ялитэ, – он

ответил на удивление спокойно и мягко. — Сидел я на камушке, Ник, совершенно так, как говоришь. Было холодно, осень, горы, снег.... Дурак дураком, слепой, глухой, замерзший. Своих родичей сознанием услышал и пошел к ним. А навстречу, представь себе, Грийен со свитой. Он любил новеньких встречать, всем говорил одно и то же: ты никто, грязь, я тебе теперь и хозяин, и бог. Хочешь жить — слушай старшего... Я послушал-послушал, развернулся и побрел прочь. Не сразу, прежде чем отпустить, меня как следует отходили, но мы очень живучие. Оставили подыхать, он мне так и сказал. Пастухи подобрали, мы ведь людей тоже неплохо опознаем, я побрел на отзвук мыслей, но не добрался. Собака учуяла, привела их. Отогрели, подлечили, жил там года три. Хорошие ребята, племя илла, бежавшее в горы от рабства, тогда у людей тоже не сладко жилось. Они не знали, что я айри, да и какая разница? Учили глупого говорить на своем языке, пасти стадо, готовить еду, сыр варить, шкуры выделывать. А потом меня отыскал Ялитэ, забрал в наше поселение. Он тоже из старейших, хоть и далеко не самый значимый, к сожалению. Учил, в обиду не давал. Лет двенадцать все было нормально, пока Грийен не вернулся из каких-то своих странствий.

— А этот тип злопамятен!

— Очень. С ним связываться учителю было некстати, а мне тогда — совершенно не по силам, пришлось уходить снова. Так я попал к Риану, вот уж у кого замечательно! Первое

место, где я почти перестал жалеть, что лишился крыльев. У нашего отшельника в сундуке отменная библиотека, три яруса мелких шаро знаний. И это – базовый курс, как он говорил. Мне хватило на следующие десять лет. С его пояснениями и бесконечной тренировкой, Риан не уважает слабых. Он был так добр, что создал для меня меч, ведь он как немногим свои клинки делает, тем более – малолетним ай-ри. Правда, когда вручил и убедился, что я им вполне сносно работаю, сразу отослал смотреть мир, на юг, до океана, через пустыню и дальше, куда глаза глядят. Считай, выгнал. А может – выпустил.

– До тропиков добрался?

– Добрался, но в основном жил чуть севернее, там меня довольно скоро сочли загадочным чародеем, я немножко лечил, увлекался стекольным делом, алхимией от скуки, пряностями, кулинарией, оружием. Много всякого, даже был недолго советником одного правителя.

– Пацан! Льстило небось поклонение мудрости великого Эллара?

– Это слишком по-человечески, – покачал он головой. – Должен же я был где-то жить. Там оказалось неплохо, родичей рядом – ни одного. Уже приятно. Только я тогда звался Пэйлит, это начало имени, уж потом оно обросло другими слогами. В порту встретил корабли Архипелага, у капитана были проблемы в городе, я помог, он пригласил плыть с ним. Это был средний сын кормчего из рода Бэнро,

того Лайла, при котором кончилась последняя война. Тогда вас, снaveй, в мире не было, и он искал уцелевших, как искали другие до него. Мы вернулись на побережье, когда все уже разрешилось.

– И застали совершенно потерянных, лишенных своего достоинства и имущества айри, согнанных из гор божественным Великим драконом за непомерную гордыню и презрение к миру и людям.

– Цитируешь дословно Нирна Карнского, «Черновой вариант энциклопедии Академии»... У Риана видела, да?

Я кивнула с некоторым облегчением. Давно хотела поговорить о том случае, наконец решилась. И мой добрый Эл не слишком расстроился и не особенно изругал меня. Замечательная удача. Осталось задать пару глупых вопросов, например, кем же стал в долинах Грийен? Я знаю, но люблю иногда похлопать глазами. Да и Эла моя «наивность» забавляет. А как иначе выяснить, насколько мои догадки близки к истине? Ходим, строим домыслы, интригуем. А можно и так, по-простому.

Он усмехнулся понимающе и кивнул – правильно все угадала, зовут его теперь Йендо, он управитель большого комплекса заводов на юге. Впрочем, это имя – для людей, а в кругах айри по-прежнему в ходу прежнее – Грийен.

Разговорчивый до удивления Эллар на сказанном не успокоился и раздумчиво добавил: Грийен сразу же ушел на юг,

когда драконов изгнали из гор. Там не было конкурентов, и он устроил довольно замкнутую жизнь для своих уродцев из свиты, почти подобную прежней. Принялся восстанавливать науку по обрывкам уцелевшего, таясь от прочих.

Лет семьдесят его было и не слышно. Думал, окажется всех умнее и сильнее, вернется и подомнет иных, перекроит порядок в мире под себя. А на деле пропустил самое важное – Академия выросла без него и младшие айри достались Ялитэ. Как и уважение людей. Попробовал изменить ситуацию в свойственной ему манере, гнусно и быстро, исподтишка, стравливая врагов и обещая каждому поддержку, организуя нелепые слухи, подтасовывая факты, пуская в ход деньги. А тут как раз наметился большой раскол из-за нестыковки различных систем измерения. Если мне интересно...

Я торопливо закивала, Эл рассмеялся моему усердию: остатки прически погубишь, узнает тетушка Энзи... Я замерла и охнула. Точно, убьет. Сколько сил она истратила впустую, прививая мне нормальные женские манеры и навыки! А как боролась с любимыми пилотскими ботинками, пробуя заменить «ужасное уродство» на обожаемые ею шпильки. Удивительная она. Всегда причесана, аккуратно одета и выглядит княгиней. А ведь у того же Тимази во время эпидемии ей досталось куда больше, чем мне. Я лечила, вытаскивала наших, ушедших слишком глубоко в крайнем утомлении, гоняла по лекарским делам местных. А ей пришлось общаться с важными людьми, настоящими кровопий-

цами, у которых надо было вырвать ресурсы и средства для умирающего леса, не дав нажиться на его бедах. Это куда сложнее. Один Грийен чего стоит, он хотел получить права на рудники за оказанную поддержку. И добился бы своего, но Лимма не допустила. С тех пор гниденыш переписывается уже с двумя деканами в Академии – Элларом и Лиммой, не желая разговаривать с обоими. И единственный человек, выигравший по-настоящему от склоки – я! Директор Ялитэ со страдальческим видом регулярно звонит мне и просит отнести записку «того господина» тетушке. Я соглашаюсь и обязательно читаю по дороге. Он догадывается, она тоже. Но я человек маленький и на свои скромные детские интриги тоже имею право.

Эл выслушал и усмехнулся.

– Жаль, не знал прежде, стоило бы не просто читать, а еще мне заносить, – вздохнул он. – Ладно, вернемся к старой гнусной истории с массовой дракой. Тогда язык княжества Карн, предоставившего для Академии земли и обустроившего новый город айри, признали официальным человеческим для обучения, построили общую систему мер и весов, согласовали десятичный счет.

– В чем же подвох? Вроде обошлось наилучшим образом, и ты стал деканом.

– Очень плохо было, Ник. Этого нет в архиве. Погибли трое весьма значимых людей и один наш, из старейших. Все

шло к полному расколу. Мы бы не докатились до такого безобразия без «добрых» советов и «помощи» этого типа. А потом в сопровождении Риана появились твоя милая трижды-пра и ее муж. Най с людьми разбирался, она – с айри. Так, знаешь, пальчиком старейших поманила – и пошли они, как на поводке. Для всех айри Тиннара-Ника была совершенно особым существом. У женщин-драконов есть над нами гораздо большая власть, чем у старейших. Это закрытая тема.

– И подробностей мне из тебя не вытянуть, – хмыкнула я понимающе. – Поищу более говорливого айри. Что она им сказала?

– Я не старейший, о чем они целый день разговаривали, закрывшись отдельно от всех, не знаю, – пожал он плечами. – Могу только добавить, что у нее был жутковатый для многих дар, особенно яркий в поздние годы, – безошибочное предвидение. Та еще шутка Великого. В общем, вышли наши айри очень тихие и задумчивые, сели за общий стол. Все, кроме одного. Догадываешься, кто отказался? Уже к двери подошел, и она ему лениво в спину бросила: когда следующий раз ты затеешь подобную склоку, помни – она тебя уничтожит. И тебя, и прочих, истративших долгую жизнь айри во зло.

– А он?

– Обернулся, рассмеялся. Мол, Ника не настоящая женщина драконов, раз состарилась в один век и к тому же вы-

жила из ума. – Эл уселся поудобнее, ему явно было приятно вспоминать старшую Нику. – Она задумчиво так посмотрела на него и тихо пообещала: «Следующий раз будет тебе настоящая, коли сам захотел. Только уж тогда не выживешь, не обессудь, сотрет из мира окончательно, без права на возрождение.» Я стоял возле Ялитэ, и могу точно сказать: у нее глаза стали ненадолго золотыми, драконьими, с узким зрачком. Ни разу не видел, чтобы Грийен так резво выскакивал из помещения. Приятное зрелище.

– Не везет ему в Академии, – посочувствовала я. – То пугают, то бьют.

– Не везет, – охотно согласился Эл. – Вообще-то он теперь постоянно использует иное имя, а прочие о том, что было, молчат, не хотят нашу грязь выставлять на общее обозрение. Дело-то прошлое. Он сказочно богат и вполне доволен своим объемом власти, строит мобили, осмелел, давит на Ялитэ, требуя разрешения генетических исследований. Свита при нем, и не все там дураки. Старейшие поголовно добились высокого положения и стремятся нас вынудить следовать традициям.

– Из-за генетики Лимма и поссорилась впервые с мужем. Грустно все это. Ялитэ боится гаденыша?

– Ник, мы все чувствуем друг друга, а когда нас много в одном месте, это подобно единому сознанию. Оно давит, диктует, навязывает, а может и покалечить или вовсе уничтожить. За Грийеном сила, его сдерживаете лишь вы – сна-

ви, Риан, с которым не станет спорить ни один айри в своем уме, и Великий. У Ялитэ сторонников куда меньше. Меня решили убрать из игры, потому что не могли иначе добиться контроля над Академией, ты стала просто поводом. Вопиющее нарушение традиций, хочешь жениться – уходи в дикий лес... А мы пока нового, своего декана подсунем, ведь никого из свиты Грийена в числе преподавателей нет. Со временем это изменит ситуацию, но мы слишком долго живем, у нас так мало молодых! – он вздохнул и снова разжал ладонь. – Ну? Я сегодня и так говорлив не в меру.

– Не ну, а давай сюда, – радостно сдалась я. – Знаешь ведь, «да, согласна», куда я денусь? Без тебя никак, даже полное имя уже вызубрила для церемонии.

– Лимма говорила, давно надо было тебя увезти еще разок куда-нибудь на остров и там поспрашивать попридирчивее, – усмехнулся он.

– Рассветная гавань Таира, – торопливо заказала я, пользуясь случаем. – Сезон – осень.

Про пленника мы вспомнили не скоро, поскольку точно нашли надежный способ борьбы с эффектом ряби, в отличие от отчаявшегося Хо. Он к тому времени уже не просился и не плакал.

Обратно в «Птенца» его запускать Эл, благодушно пообещав при обнаружении очередной неожиданности обрядить в скафандр и вывесить на пару часов за борт, произвольно

регулируя процент кислорода в смеси. Хо побледнел и стремительно удалился в сторону грузовых трюмов, явно намереваясь обезвредить сюрпризы. То ли не знал, что при работающих пустотниках люк заблокирован, то ли допустил возможность их отключения ради ТАКОГО случая. Интересно, что же должно было нас безмерно потрясти? Впрочем, лучше не знать.

Утро третьего дня полета было ознаменовано общим сбором и зачитанием пассажиру его скромных прав. Потом мы в два голоса попытались вразумить ребенка: «Птенец» – не игрушка, Космос – не детская площадка; нас хоть и не ждут, но другой надежды у загадочных волвеков нет; потому отныне пусть все свои пакости копит врагу на погибель... И так далее.

Пообещал. Вид имел убитый, твердил про помутнение и осознание, всем своим одаренным чутьем отвечаю – искренне. Простили. То же чутье усмехнулось: вы с ним еще хлебнете!

Собственно, благодаря ускоренной программе полета, наше безделье подошло к концу. Хо пришлось быстро обучать основам наблюдения, поскольку найти купол непросто. Бортовые системы едва ли помогут отыскать столь незнакомое. Пока я все отстроила под сортировку и выявление точных геометрических фигур. Купол – он наверняка круглый, в сознании волка – точно был круглый...

Хьёртт нас сразу не вдохновил. Серо-бурый, в слабых разводах дохленькой атмосферы, холодный и неприветливый. Для моего чутья – пустой, сухой, мертвый. Зато безопасный. На границе смены дня и ночи бывают бури, но для настоящего размаха стихии плотности атмосферы не хватает. Кстати, в отношении бактериальной угрозы можно полагаться на опыт жителей купола, гулявших по поверхности в видении неизвестного существа в масках и тонких костюмах с подогревом. Да и шлюз у них явно примитивный, а вот живы до сих пор, так что и мы после посадки выживем. Надо только сесть.

Орбита, на первый взгляд, чиста, лишь малая группа спутников, а вот обломков корабля нет. Вдруг Эл прав, и он внизу? Мой айри с третьего витка уверенно указал на основной район поисков: предгорья, идеальные с точки зрения его родичей – ровный скальный стол на многие сотни километров. Кручи с Севера, обрыв южнее.

На пятнадцатом витке мы наконец обнаружили купол: крупный радужно-прозрачный пузырь, отчетливо видимый в лучах заката. Еще три витка мы торопливо решали, как близко стоит садиться и заметят ли нас. Эл наспех посчитал орбиту и выбросил новый, уже наш, спутник связи. Три дня на Релате пьют валерьянку вместо чая и что посерьезнее – на второе. Скоро получат сигнал и временно успокоятся.

А потом автоматика опознала еще одну правильную фигуру в сотне километров к западу от купола, и спор тотчас

прекратился.

Тор корабля выглядел на малом экране вполне целым и очень чужим: то ли сухой тощий бублик с кляксой посередине, то ли тележное колесо. Его будто прятали, разместив в узком горлышке скал, вплотную к северной гряде. Я обреченно вздохнула, вспомнив про жалкие остатки топлива, почти бесполезные в редкой атмосфере тормозные парашюты и ширину скального стола к югу от корабля в жалкую пару километров. Да, баллистика тут – себе дороже, без плотной атмосферы Релата мы не погасимся, тяжелы слишком. («И весла нет!» – шепотом посочувствовал Эл. Зря я ему рассказывала...).

Мы вдвоем упаковали заранее зеленого Хо, до последнего не верившего, что посадка состоится вопреки всем приказам Релата. Впрочем, он не упирался, прекрасно зная, что назад ему спешить незачем. Эл рассказал, что застал юношу у открытого сейфа директоров, так что и до истории с прогнозом ужасной нелетной погоды для Хо все было отменно плохо.

Проверив надежность систем кресел, мы остались вполне довольны. Впрочем, это – примитивное самоуспокоение, будто они хоть раз подводили. Еще раз обсудили возможности реверсных дюз. Потом Эл ловко подхватил на руки и устроил в кокон своего капитана, поцеловал в макушку и пообещал в случае удачной посадки по возвращении исправить «хорошо» по астрономии и даже навигации на «отлично». Всегда говорит глупости, когда переживает за меня.

«Птенца» жалко.

Я завозила, устраиваясь, подключаясь и запуская механизмы кресла. В любом случае кораблику, похоже, предстоит стоять на серой унылой равнине до конца времен. Памятной вехой, если обшивка выдержит. Или нашим надгробием, если прочности не хватит или удар окажется слишком тяжел для хрупких человечков, и кресла подведут... Но я постараюсь избежать худшего, и «Птенец» – тоже.

Слияние удалось легко и очень полно. Разом вспыхнули цветами луны Хьёртта, скалы внизу заиграли оттенками, прежде неразличимыми для глаз. Мир, каким его мне однажды показал волк, был еще ярче, но и таким я его наконец узнала. Вот она, вторая луна, ненавистная и очень полезная для волвеков. Действительно, мертво-зеленая, шипящая помехами. Откуда они берутся? Может, мы еще пойдем.

Снова мелькнул купол, теперь движение казалось мне медленным и очень плавным. Посмотрю полноценным зрением пристально несколько витков, вроде есть хорошая дорожка с небольшим уклоном к востоку, ее Эл углядел и счел искусственным сооружением. Точно. Длинная, явно дело рук айри, ведет строго на восток, к куполу. Ровная. Узкая, но это решаемая проблема, попаду. На запад она плавно продолжается скальным гладким боком.

Маршевые я погасила ниже допустимого, когда нас стало буквально выворачивать наизнанку. У меня и по чутью, и по датчикам выходило: корпус едва не «потек», теряя фор-

му. Зато как мы славно замедлились! Атмосфера слабо подсветила «Птенца», почти не гася скорость и даже толком не грея. Самая малая тяга, держим нос... закапали наши жалкие проценты остатка...

Я тронула свой дар, явно с трудом принимаемый этим мертвым миром, но вполне действенный. Посмотрим, что я выжму из тормозных парашютов. Смерч не смерч, а воздушные «подушки» повышенной плотности – могу. И даже защиту днища на касании и пробежке – могу. Только угол должен быть очень острым, а дорожка – чудовищно длинной.

Кромка плато.

Удар получился замечательно точным, нас даже не подбросило, лишь стало остро и решительно стесывать корпус сквозь «подушки». Короткие крылышки «Птенца» дрогнули, принимая полную мощность реверсов. Даже не закрутило. Хорошо идем, и силы еще есть, топлива три процента... два... один... Вой оборвался разом.

Из ватной тишины освоившийся слух снова выловил звуки – хруст камня, стон металла. И полная, до боли осознанная и окончательная неспособность хоть что-то еще добавить к сделанному! Топлива – ноль, сила дара вылита до капли.

«Птенец» клюнул носом, жалобно завизжал, сминая еще почти целый лоб, завалился на крыло... и встал. Вот теперь – действительно тишина... Сознание заметалось, прогоняя тесты основных систем.

Корпус герметичен, спасибо Тимази и его дикой доченьке... имя не вспомню, но кличка у нее – «горький шоколад», и она точно один из лучших химиков металлургического филиала Акада моего Эллара. Люк в рабочем состоянии. Бортовые живут.

Я не зря говорила: у нас в семье все везучие. Кресло отпустило меня, разрывая контакт.

Справа довольно трясет больной головой Эл. Слева...

– Это называется посадка? – живой, уже всем приятно, но явно не ему. – Я мертвый был бы целее! Спина разбита, ног не чувствую. Эй, вы скоро меня спасете?

– Никогда, – обнадежил Эл. – Сам соглашался на полет, я тебе не нянька. Ник, где мы?

– Не поверишь – два километра до их, то есть почти нашего, корабля. Я сама не верю.

Сил встать не нашлось. Видимо, я и смотрелась соответственно, раз картинно стенающий Хо притих, бочком выполз из кресла и похромал за водой. Приволок аптечку, сунул новому большому начальнику. Славнотак, мы на твердом грунте, и я теперь не главная, пусть у него голова трещит! Капитанша разжалована до лаборанта. Эл явно думал о том же, не глядя вкатив мне дозу стимулятора. Он теперь снова Магистр, как в древние времена Академии, обнесенной крепкими стенами. Глаза блестят холодно, весь незнакомо-собранным.

ный и совершенно сухой, явно уже решает, когда и с кем идти к кораблю.

– Я смотрела и зрением, и чутьем, в корабле активных живых нет. Это странно. Как и то, насколько запущена дорога, по ней не ходили и не ездили веками, пылью занесло и следов сознания нет.

– Ты уверена в безопасности выхода?

– Биологически – насколько возможно, да. Контейнеры биопроб пусты, хотя лично я в них не верю. Датчики молчат. Чутье уверенно твердило, пока не сдохло, что мир мертв и безвреден. В общем, раз твои родичи выжили, и мы сразу не подохнем.

– Оптимистично... Хо, ты насколько плох?

– Да я пешком до купола!

– Ник?

– Магистр, я всегда с тобой.

– Ладно. Раз все умные остались на Релате, пошли.

И мы пошли.

Глупее и обыденнее это не могло выглядеть: трое шалых инопланетян, пешие, в горбатых неудобных скафандрах, ни разу толком не испытанных на практике, топают по засыпанной пуховой пылью древней дороге. Можно подумать, для нас застелено, если не оглядываться. Позади «Птенца» плиты стоят дыбом, взломанные, как слабый весенний лед.

Тор древнего корабля оказался огромен, его гладкий матовый борт нависал над нами, с каждым шагом все более впечатляя. И удивляя. Если мы, убогие, добрались, что могло помешать вернуться ему? Может, айри и грязные типы, особенно местные. Но этот корабль... Он великолепен! Вся моя душа уже любит его и радуется. Его создавал Риан, не может быть иначе. Кажется, а даже слышала раз от нашего отшельника о «малом испытательном проекте», вроде бы – свернутом и заброшенном. Если это и есть малый, каков же был большой?

Дорога привела напрямиком к люку. Естественно – кто стал бы ее укладывать от иного места? К высокому, наверняка грузовому, неприметному, плотно закрытому на протяжении несметных лет, но без сомнения – люку.

Эл уверенно смахнул пыль с глянцевого участка в ладонь размером, приметно выделяющегося из общего фона борта, удобно расположенного на уровне груди. Охнул, отшатнувшись, я стремительно дернула его за плечи назад и вниз, обхватила руками голову, блокируя удар. Прежде о таком мне рассказывал Ялитэ.

В архиве айри подобным образом защищали секретные сведения: берет некто, не знающий кодовых образов, заблокированный шар знаний, касается его сознанием – и получает отчетливый приказ на остановку сердца, сосудистый спазм или другое крайнее средство от любопытства. Чаше защиту делают двух– или трехступенчатой. Сначала боль и шок, по-

том травма и, наконец, гибель.

Здесь стоит двухэтапная, я как снать говорю. Смешно: от испуга за Эла мой дар взбодрился. Лечить пока не надо, но если что – я смогу немножко помочь.

Эл довольно быстро отдышался сам, без помощи, и поднялся на ноги.

– Интересно, – хрипло сообщил он. – Обычно код полностью закрыт, а тут содержатся и наказание, и подсказка. Приятно то, что я в общих чертах знаком с разделом знаний, запрашиваемых как ключ. Но хватит ли этого? Ник, ты меня можешь хоть ненадолго закрыть от удара?

– Да, на меня ваш код действует слабее, минуты две дам.

– Давай, – обреченно вздохнул он, снова касаясь панели.

Я приготовилась к худшему, и напрасно. Нас пустили. Люк, словно его последний раз использовали только что, без усилия и звука исчез в борту, дохнув нам навстречу чуть более высоким давлением в переходнике. Недавно я собиралась закрыть Хо меж двух таких вот плит до выяснения степени его вины. Эл явно думал о том же.

– Я пойду с тобой, не спорь, – торопливо сказала я, пока он не успел ничего решить, он же упрямее меня. – Блокировать ваши коды ты один не сможешь. Хо пока подождет нас тут. Не надо про ценность пилота, Эл, у нас все равно нет

корабля! Пока нет.

– Хо...

– Понял, жду. Эту дрянь трогать не стану, честно!

Люк за спиной снова вздохнул, формируя монолитную стену, люк впереди дождался нормализации давления и без капризов впустил в грузовой ангар. Я гордо улыбалась, забыв думать об опасности. Эл мне не возразил ни звука! Может, он наивно полагает, что из нас двоих я упрямейшая? Приятно-то как, дает почву для размышлений. Но – потом, пока не до них, вокруг столько нового!

В ангаре стояли чужие мобили, довольно грубые, но вполне рабочие. Мы прошли мимо, и я была благодарна Элу, устроившему руку на моем плече. Мертвый корабль гулко жаловался на свое сиротство, шелестел отзвуками наших шагов по длинным коридорам. Я испросила у Магистра разрешения снять скафандр, он чудовищно неудобный, и остаться в «пиявке». Эл виновато кивнул – гадкая вещь, надо переделывать. Поиграл пальчиками на наручном анализаторе. Я запыхтела завистливо. Вещица не нашей убогой работы, это ему Риан выделил. У отшельника, если поискать, и небольшой звездолет близ избушки прикопан, наверное. Декан расслышал мысли и усмехнулся. Он тоже поражается запасливости нашего старейшего. Благодаря которой может уверенно сказать: корабль работает без сбоев по жизнеобеспечению до сих пор. Воздух не затхлый, кислород в нор-

ме, влажность подобрана безупречно, как и температура. Эл быстро стащил сбрую, помог мне и облегченно вздохнул, радуясь свободе движений.

Мы поднялись выше и довольно быстро попали в центральный коридор, нерв этого тора. Горизонтальный кольцевой лифт охотно распахнул прозрачные створки. Будто соскучился без дела!

Эл безошибочно выбрал остановку, потянул меня от холла у выхода к внешним помещениям. Читать надписи и знаки на древнем языке айри было непривычно, в таком количестве я их никогда не видела. Фыркнула: из-за непомерной длины слов и понятий стационарных табличек не наблюдалось, все «живые», волной прокручивающие надпись при приближении. Интересно, датчик движения или отклик на сознание? Потом разберусь. Эл чуть заколебался, опять выбирая. Толкнул дверь.

Сбылась ночная мечта! Вот тебе рубка, огромная, наверняка с объемными экранами. Есть и прозрачная стена от пола до потолка. И седовласый капитан, навсегда оставшийся смотреть в звездное море. На полу у его ног я заметила узкую трубку. Яд? Чем можно довести айри до решения о самоубийстве?

– Эл, стой там.

– Что? – он послушно замер, напряженно наблюдая за мной. Знает, когда я переживаю всерьез. Чувствует.

– Пиран.

Самое короткое слово их древнего наречия. Рецепт, полученный очень давно, почти случайный побочный эффект генных опытов. Хотели, как обычно, снова стать драконами. И получили то, что едва не уничтожило их три тысячи лет назад. Пиран фактически не опасен для человека, но в генном коде айри он запускает процесс бурного искажения. Прогнозировать последствия заражения невозможно, варианты самые разнообразные и одинаково страшные – уродство, паралич, необратимая утрата способности читать сознание, быстрое старение. И всегда сводящая с ума боль, угнетение, потеря сна, деградация рассудка. Древние айри оценили силу пирана, но не полностью. Его попробовали ограниченно применять для наказания, одновременно проводя опыты на своих же собратьях. Тогда бездушным умникам казалось, что есть противоядие. Этика айри – тема отдельная, и не мне и не здесь ее обсуждать. На деле противоядие обернулось блокировкой мутации, к тому же временной. Спихнулись, как всегда в таких случаях, поздно.

Кстати, именно из-за пирана я работала в древних архивах щитом сознания Ялитэ, стремившегося вскрыть записи тех опытов, ставшие недоступными после утраты кодов. Некому оказалось помнить: в горном поселении древних тридцать веков назад пандемия выкосила две трети населения.

Мы докопались, вскрыли сведения, хотя оказались к то-

му времени сами едва живы под рушащимися на сознание ударами хранящих тайну приказов, требующих умереть, вскрыть вены, броситься с обрыва... Я была тогда совсем девчонкой. Ялитэ коварно использовал мой дар в тайне от Совета Академии, запретившего опасный поиск. Вот только и не искать было невозможно, потому что пиран-то уже сам собой нашелся. Трое погибли сразу, еще десяток лежал в ожидании неизбежного.

Нас вычислила Лимма, и скандал был отменный. Меня сразу выгнали в степь, лечить нервы у доброй тетушки Юлл. Директора вернули в Академию, бледного и похудевшего. Гордиться поначалу оказалось нечем, древние сами слишком мало знали о том, что создали. Минувшие восемь лет Лимма вела работу совместно с нашими химиками: научились блокировать воздействие полностью, очистили от этого жуткого яда мир и исключили каналы заражения. Все десять айри, пострадавшие от пирана, до сих пор живы и ничуть не изменились, ни внешне, ни генетически. Правда, им приходится еженедельно вводить сыворотку, и так будет до тех пор, пока не получим настоящее противоядие – или до их нескорой естественной смерти.

Я аккуратно собрала страшное вещество, вытягивая его своим утомленным даром из мумии, которой стало тело капитана за минувшие века. Выжгла, проверила заново – чисто.

– Иди, вроде все. То есть точно все, Магистр.

– Откуда он здесь? – Передернул плечами Эл, пересекая помещение. – Пиран – не природное вещество.

– В куполе полно психов-генетиков. Времени прошло многовато, но я и по скелету вижу, что мутация зашла достаточно далеко, ее блокировали лишь частично и избирательно. Эл, они ставили опыты не только на волках и людях.

Магистр молча тронул пальцами янтарный шар, на который я сперва и не обратила внимания, прокатил задумчиво по столу, вдвинул в неприметное углубление. И мы увидели возле стола второго капитана, живого, сидящего совсем рядом с собственным высохшим телом. Запись оказалась столь совершенна, что я ловила отголоски его боли и обрывки сознания, могла рассмотреть мельчайшие морщинки одежды, оттенки цветов.

Капитан был болен давно и мучительно, худ и утомлен. Но смотрел спокойно и грустно, будто уже отрешившись от боли. Трубка лежала на столе возле его руки, пустая.

– У меня мало времени, – голос оказался слабым и тихим, с присвистом, выдающим тяжелое поражение легких. – Я привел этот корабль сюда, погубив экипаж и допустив ужасное извращение сути науки и души ее творящих. Мне пора платить за свою наивность, не подобающую капитану. Не знаю, когда и кто просмотрит эту запись. Поэтому расска-

жу с самого начала. Нас направил сюда приказ старейшего. Он требовал доставить ученых и весь необходимый материал, оказать содействие в строительстве базы и полностью подчиняться главе миссии. Целью обозначались исследования природы, ради которых и строился наш «Тор-а-мир». Мы дважды возвращались за новым грузом и запасами. Все оказалось обманом – приказ, цель, миссия. Пираном экипаж был заражен, едва мы осознали ложь.

Он тяжело откинулся на спинку кресла, замер ненадолго, лицо дрогнуло в судороге боли. Он любил корабль и ценил своих спутников. Капитан считал, что предал их, но едва ли мы готовы были его хоть в чем-то обвинить.

– Генетики говорили, что заражение произошло случайно, что здесь они смогут найти противоядие так же успешно, как и дома. Я поверил вторично, мы остались и построили базу. Два восьмика местных лет, которые мы приняли равными обычным без учета положения планеты, ушло на купол и ярусы жилого Гнезда. Еще пять мы помогали им в исследовании мира и его обеззараживании. Я не знаю, с какого момента осознал, что мы стали рабами миссии, зависящими день за днем от ампулы с дозой временного блокатора мутации. Слишком много накопилось боли, слишком сильно было желание жить, слишком мы верили в наше родство... Все кончилось очень резко. Я был на отведенных под опыты

ярусах и теперь знаю, что такое миссия. Назад, на Релат, я корабль уже не доведу, второго пилота нет. Да и как можно решиться возвращаться, зная, что этот яд способен сделать с моим миром? Если вы, пришедшие читать это сообщение, сами из проекта «Технобог», то можете отключить запись, вам дальнейшее не интересно.

Он чуть помедлил, снова борясь с болью, тяжело склонился к столу и положил локти на светлый полупрозрачный материал. Я отметила, как изуродованы фаланги пальцев. У капитана невыносимо ныла спина, словно сорванная тяжелой работой. И, кажется, он уже почти не чувствовал ног.

– Странно удивляться желанию и готовности айри уродовать живых и разумных, ведь и мы – часть опыта. Прервать его не в моих силах, нас пятеро и мы умираем, а их более чем в двавосьмь раз больше и они все здоровы. Зато я могу отключить связь этого гнойного купола с миром, перевести основной спутник наблюдения за поверхностью в режим жестких помех и изолировать «Тор-а-мир» от всех генетиков до последнего, – он хмуро усмехнулся. – Что и сделал. Уж в двигателе корабля никто из них разобраться не способен. Это хороший код, как мне думается. Экипаж вы, возможно, застанете живым, они в камерах глубокого ледяного сна. Но будить их и трогать там что-либо без противоядия едва ли оправданно. Планы корабля и Гнезда я оставляю. Хотел бы

продолжать верить, что не все айри таковы, как эта миссия. И что тем, кого они уродуют в куполе, еще можно помочь. И, как любой капитан, я хотел бы сохранить экипаж и вернуть его домой, если такое возможно. Прощайте.

Он ушел, осыпался тонкими искрами гаснущего света. Я вцепилась в Эла и плакала, жалобно и бессильно всхлипывая. Магистр молчал. Нехорошо, спокойно и очень сосредоточенно. Потом отнес меня в свободное кресло и усадил, сам устроился рядом на полу.

– Надо пригласить Хо сюда, – спокойно сообщил Эл, когда я притихла. – Пиран ведь разлагается в воздухе?

– Да, полностью. Наиболее опасны живые ткани, но и мертвые его хранят, особенно костные структуры. Эл, корабль чист, я «прочуяла» по полной, теперь голова болит от усердия. Только тела экипажа, даже камеры в порядке. Капитан сделал все необходимое, полная дезактивация. Мы можем сохранить его тело?

– Я схожу в лаборатории, ты приведешь Хо. Пожалуйста, объясни ему, что такое военное положение и насколько по-настоящему я его накажу за первую же глупость. Шутки кончились, или он работает, или составляет компанию экипажу и тихо спит, не создавая проблем.

– Да, Магистр.

Местный вечер мы встретили тихо и мрачно, в роскошной рубке «Тор-а-мира». Корабль оказался великолепен и полон всего того, чего нам так не хватало. Здесь стоял рабочий транспорт, имелись почти бесконечные запасы энергии и пищи, отличная операционная, полноценные лаборатории. Погибший капитан установил систему наблюдения за куполом и даже отслеживал многие ярусы Гнезда, хотя там его камер на плане значилось вроде бы немного.

Разобраться в обретенном богатстве – вот проблема! Начнем с восьмеричной системы счета, той еще шутки древних айри. Добавим слабое знание Ньялладом их мучительно длиннозвучного и сложного языка, особенно в старом произношении, мою полную неспособность понять оборудование лабораторий и даже операционной. Не лучше дело обстояло с оружием, найденным в грузовых трюмах, с приборами и связью. Корабль мог говорить с Релатом, но мы, дикари, пока не знали, куда надо нажать, чтобы последовал вкусный подарок, а не болезненный удар...

Эл понимал больше остальных, но и он вырос среди людей, древние технологии знал только со слов Риана и из сохранившихся записей.

В багряном отблеске первой луны рубка казалась залитой кровью, да и высохший труп капитана добавлял эмоций. Мы ели молча. Когда мне пришла бредовая мысль, и не скажу. Но пришла.

Все методы быстрого обучения, как известно, не дают

полноты опыта, лишь знакомят с образами, понятиями, способами работы, моторикой. Например, я потратила на анатомию месяц, вызубривая названия и составляя целостную картину организма, и с ужасом поняла, что стою в самом начале пути. А потом Эл на час вытащил из закрытого архива кристалл с полным курсом. Закрытого – потому что удар по психике обеспечен, айри во времена создания шара данных считали людей неразумным видом и изучали соответствующими методами. Но я удар пережила и получила замечательный месяц свободного времени, мы успели слетать на острова до очередного срочного вызова: его – в Акад, а меня – на усмирении погоды, прицелившейся градом по элитным виноградникам. Вообще-то недостаточный повод для того, чтобы беспокоить ясную сnavь. Но вина из Ирнасстэа – наша семейная слабость. Непогибший виноград перебродил удачно, сезон был один из лучших, у меня до сих пор припрятана пара бутылок. Точнее, у Риана, иначе бы я измыслила подходящий повод для их ликвидации. А так – пойди отними у этого насмешливого долгожителя! Сама сказала, вскрыть строго после того, как Эл меня переупрямит. По спине проползла холодная струйка сомнения – а вдруг уже вскрыл? Он же все знает наперед... и пьет теперь с Лиммой. Ой-ей!

Нет, долой малодушие. Вернемся к шарам айри и понадемся на лучшее: итак, анатомия в теории – лишь справочная база, и она идеально подходит для записи в мозг методом копирования чужого опыта. Умение находить зависимости,

логику, аналитику и практику так не запишешь, и я намаялась по полной, вернувшись к Лимме. А если снять такую же «теорию» со спящих членов экипажа?

Что даст нам «удар по психике» Хо? Точно я не знала, тем более способностей снани у мальчишки нет, но надеялась на усвоение общего представления о корабле, расположения и включения простейших механизмов, структуры помещений и так далее.

– Эл, где эти холодильники для хранения драконов?

– Первый уровень, сектор «йит», если ты про камеры сна.

– Пошли. Я не пробовала, но, говорят, так можно. Хо у нас прилично больной на голову, его и будем приносить в жертву науке. Он молодой и обладает необходимой гибкостью...

– Э-э-й... – поперхнулся наш «гибкий». – Не надо меня в жертву, а?

– ... гибкостью сознания. Надо. – Виновато развела я руками. – Опыт, записываемый в подсознание и выше, должен быть чужим, иначе начнется жуткая путаница, так что я вне игры. Элу к телам подходить нежелательно, пока есть вероятность, что они содержат следы пирана, хотя риск и мал. Я перепишу тебе в сознание память одного из членов экипажа. Столько, сколько смогу. Это будут, конечно, не сами знания, а их обрывки, картины и действия. Он статичен, спит, образы как бы лежат послойно. Мы тебя тоже уколем и сделаем статичным...

– Да вы психи, – он уже почти плакал. – Статичным меня и дома бы сделали, не Гимир, так эти знатные айри. И вы туда же!

– Я уже говорила, не могу полноценно переписать на собственный мозг, понимаешь? И с тобой – один шанс из трех на усвоение, но надо попытаться. Пошли, это не очень рискованно. Дурнее, чем есть, точно не станешь. Зато ты будешь знать не только основы языка айри, но и махать руками с пользой, ничего, если повезет, не разрушая.

Он тяжело вздохнул – и согласился.

Утром мы имели двух «статичных», меня и Эла, вымотанных окончательно ночным бдением. И подвижного, отлично отоспавшегося Хо, пьяно несущего чушь на диковинной смеси языков.

К полудню мы научились его использовать. Подводили к непонятному и наблюдали действия и намерения. Он включал свет, открывал комнаты, запускал системы, задействовал экраны. Всегда – случайно и спонтанно, все более хмелея с каждым новым открытием.

На ночь мы его привязали к креслу. Кому ж охота проснуться на пути к соседнему созвездию, например.

Проснулись мы от речи внятной, но непечатной. Он хочет есть, пить, сжить нас со света, посетить туалет, вторично пополнить память, это же «прикольно». А мы – лентяи, садисты и мерзавцы – подло и беспробудно спим. Вот крат-

кое изложение воплей и визгов. Старался он, похоже, давно, даже сорвал голос. Пришлось восстановить ему связи до звонкого нормального звучания и выполнить все прочие желания. Повторно мы с некоторой опаской выбрали другого айри для переписывания. Хо принял память куда легче и полнее и «прожевал» за пару часов, уже частично осознавая себя. К вечеру мы знали гораздо больше. Внешние камеры теперь постоянно показывали купол близ ворот, ведущих на нижние уровни Гнезда. Эл следил за экранами и одновременно просматривал записи журнала корабля, мы нашли систему чтения и архив. Я сидела рядом, жевала белковое псевдо-мясо и гордилась своим айри. Он умеет одновременно делать несколько дел и все – полноценно. Магистр различал мое настроение и усмехался, ему нравилось выглядеть замечательным в глазах будущей жены.

Волвеков мы видели несколько раз, мельком, когда их вели по коридорам самого верхнего яруса. Всех – в зверином облике, камеры давали вид сверху-сбоку, неудобный для рассматривания. Точно могу сказать одно: не волки. Крупнее, мягче в движениях, с массивной грудной клеткой, тяжелой крупной головой, короткомордые и почти бесхвостые. Вот и все наши первые наблюдения...

Магистр остался у экранов, а я тем временем устало и чуть нервно выдирала из новой памяти Хо подробности работы лаборатории. Сыворотку против пирана я знала досконально, эти опыты начались при моем участии и без него уже не

обходились. Составить ее до смешного несложно, вот только в их лаборатории все так криво и непривычно! Названия половины веществ мне знакомы смутно, да и перевод размерностей и долей из одной системы счета в другую – не сахар.

Хо давно придремывал в уголке, когда я наконец отчаялась всего добиться за день. Он сам предложил подменить Эла и ночью остался дежурить у экранов. Мы проспали часа четыре. На рассвете Хо возбужденно растряс и потащил в рубку, и его нервно-испуганный вид не предполагал с нашей стороны капризов и возмущения.

Прежде пустая территория близ выхода из Гнезда кипела. Волки и айри вперемешку, неразбериха. Шум. Хо настроил за ночь звук, и теперь мы с трудом, но разбирали слова и обрывки фраз, произносимые близ камеры.

Сперва они казались непонятными, но затем Эл расслышал то, от чего мы разом сели в рядок и тяжело задумались: «Охота!». Хо кивнул на приказ Магистра и судорожно сорвался с места, бросился искать приборы дистанционного общения, оружие, аптечки...

Мы сидели, пытаюсь выловить хоть несколько дополнительных подробностей, увеличив громкость и напрягая наш слух – неплохой у айри и не менее тонкий у меня, к тому же я сносно читаю по губам. К полудню данных оказалось достаточно: охота пойдет по равнине на запад, к нам. Начнется на закате. Стаю, выведенную на поверхность, уничтожат полностью. Часть расстреляют, прочих загонят насмерть

– «тест на выявление предела выносливости», так этот кошмар научно называется.

– Магистр, что делать? – жалобно спросила я. – Оружием их мы пользоваться за пару часов не научимся. До стаи хорошим ходом транспорта, если он быстроходен, по незнакомым местам полдня, дорога известно в каком состоянии после нашей посадки. А в пустыне трещины, и порой широкие.

– Хуже всего обручи контроля, – сухо сообщил он, резко вылавливая суетящегося Хо и усаживая рядом. – Ты их сможешь выключить? Сиди, думай, подбирай приборы, смотри за недостающим на «Птенца». Общее представление о дистанционной связи айри у тебя есть, как и о системах контроля, я отлично знаю, не изображай косоглазие. Три часа даю, делай что хочешь, но решение должно быть. Иначе всех прочих волвеков они вырежут уже сегодня, до единого. Понял?

– Да. Я разберусь, ломать – не строить... Магистр.

– Мы возьмем малый мобиль, он явно быстроходнее и удобнее для маскировки. Надо выбрать место перехвата, все подготовить заранее, уничтожить собственные следы. Встречаемся тут, – Эл ткнул в точку на объемной карте, недавно накрывшей стол капитана (Хо выудил из обрывков обретенных воспоминаний айри, как ее вызвать). – Ты обязан добраться сюда в начале второлуния, когда станут активны помехи. Не забудь: нам потребуется большой транспорт.

– Да.

– Ник, ты славь. Только ты можешь устроить на них засаду и остаться незамеченной и для приборов, и для сознания. Там будет приблизительно два десятка айри и точно – пара мобилей. В транспортах тесно и кучно, – он тяжело поднял голову. – Риан научил тебя неплохо работать мечом, но не убивать. Мне жаль, что второе неизбежно. Я не хочу тебя в это бросать, но рискую при ошибке не нами, а ими.

– Я постараюсь отложить истерику на потом.

– Постарайся. Меня замаскировать сможешь?

– Если не далее пары метров от себя – да, полностью.

– Не далее, я сделаю основную работу, а ты прикроешь спину.

* * *

Из комментариев к проекту «Технобог»

«Люди, или человеки, – вид примитивных прямоходящих млекопитающих, возможный побочный результат работы древнейших ученых, исследовавших проблемы, аналогичные взятой в основу проекта. Живут общинами, неразумны и лишены логики более, чем звери.

Так, один из наблюдателей посетил стаю этих

существ, терпевшую голод. Пожалев диких, он просчитал их шансы на выживание и, давая сильным возможность развиваться, убрал из состава племени наиболее бесполезных и обреченных – троих младших детенышей и двух стариков, уже не встающих на ноги. Прочие пытались убить его, не понимая принесенной пользы, и вызванному по сигналу критического сбоя дыхания подкреплению пришлось полностью уничтожить сбесившуюся стаю.

Имеют низкую выносливость, тусклое сознание, не способное к общению, слабо иерархичны. Не создали единой системы отношений и структуры, повторяемой достоверно в различных стаях.

Отличаются животным набором инстинктов и стимулов. Самцы и самки часто образуют стабильные пары, потомство не оценивается стаей с точки зрения жизнестойкости, как уже указано выше.

Внимания заслуживают лишь потому, что опыты подтверждают их полную совместимость с генокодом айри. От внедрения в клетку самки необходимого материала всегда развивается жизнеспособный и годный для дальнейшего получения потомства плод, но полностью – человеческий, убогий и короткоживущий, что лишает смысла дальнейшие эксперименты по гибридизации.

Зачатки разума примитивны, что объясняется крайне низкой продолжительностью жизни и неумением воспринимать знания от сознания к сознанию. Имеют не индивидуальный, а социальный

характер обретения сознания, изолированные от общества вырастают окончательными зверями.

Второго облика лишены, хотя в так называемых «сказках» неоднократно упоминаются «оборотни», способные произвольно перестраивать структуру тела. Парой к человеку обычно выступает зверь, признаваемый сильным и опасным в данной местности – медведь, лев, волк и так далее.

*Ночь на 13 марта, Хьёртт, купол Вечных – 16 марта,
Хьёртт, «Тор-а-Мир»*

Первый

Первый лежал ничком, уткнувшись в подстилку и впившись в нее ногтями. Он уже на восьмом восьмике лет, хотя пока тело не чувствует и малых признаков усталости. Он – старший из общины, хранитель живой памяти четырех поколений, сменившихся у самых нестабильных, – и слушатель.

Утомление дают именно беды своих же братьев, которые он может и должен выслушать, выстрадать, разделить и принять, со-чувствуя. Обычно это посильно, хоть и больно. Но мысли Третьего уже давно остались далеко вне его понимания, мальчик был так непостижимо счастлив со своей Сиддой! Невозможно и представить столь беспечного и радостного волвека в куполе. Да и девочка его смеялась и ходила в кольцо рук, свысока глядя даже на хозяев. Будто беды не про них придуманы. Старший волвек часами смотрел на обоих, играющих, словно щенки, дурашливо рычащих то ли для хо-

зяев, то ли ради шулки... таких разных и таких родных. Йялла, очень рослого даже для волвека, сухого и мощного, опасно бросающегося на свою пугающе тонкую слабенькую жену. Она в ответ тоже охотно нападала и всегда побеждала. А потом гордо каталась по загону на массивных плечах... Дети, что с них взять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.